2 с (А:)
К 959

ПАВЕЛ КУЧИЯК

ВОСПОМИНАНИЯ
ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА

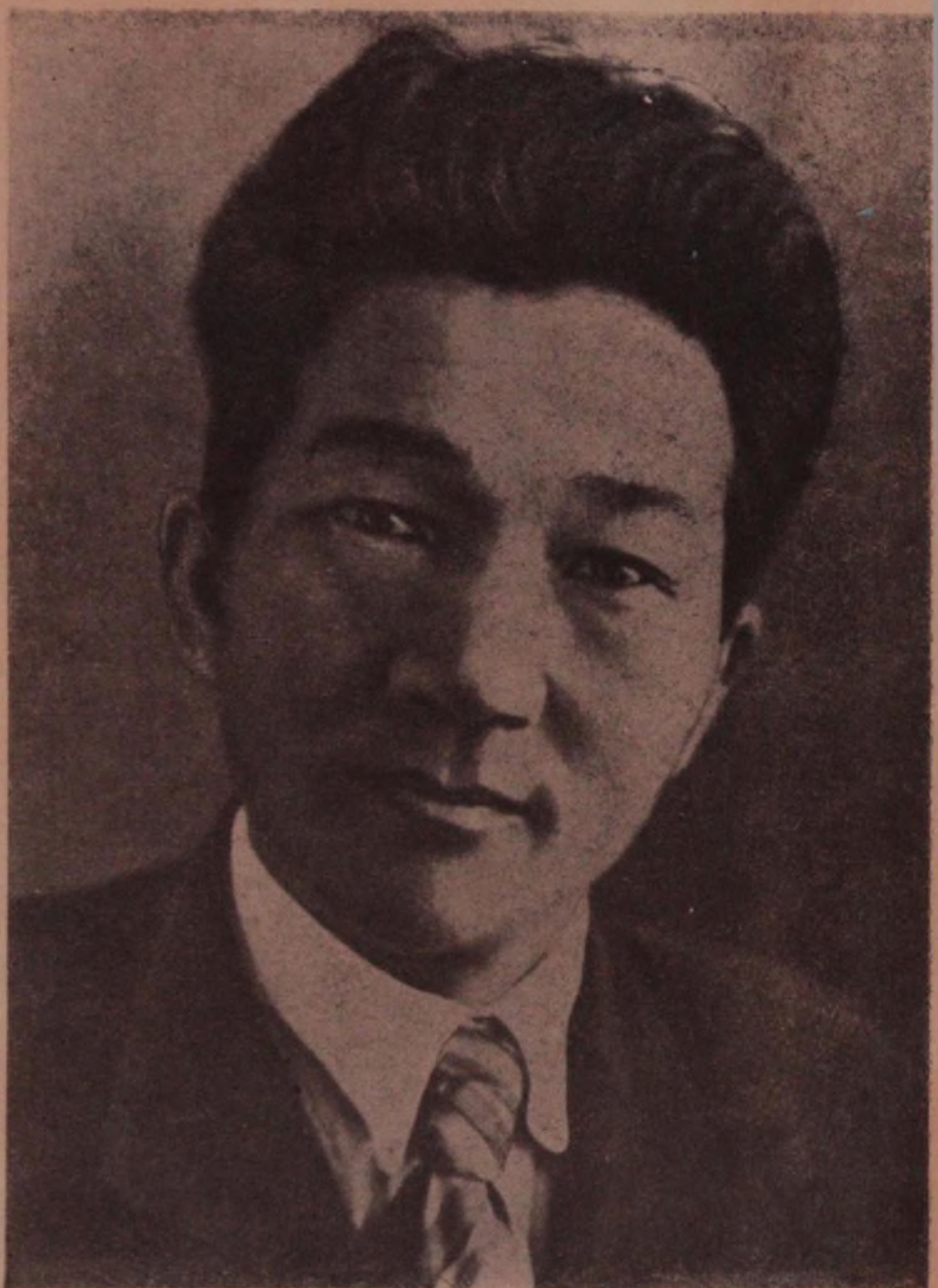
КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

Воскр. тип. Т. 1 изд. 3. 384—74

355369.



ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ПАВЕЛ КУЧИЯК

ВОСПОМИНАНИЯ
ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА

Горно-Алтайское отделение
Алтайского книжного издательства • 1979

8 С (Алт)
К—140
359.

Составление, редакция и примечания
З. С. КАЗАГАЧЕВОЙ

0 355369 0
Горно-Алтайское
областное
БИБЛИОТЕКА

ПАВЕЛ КУЧИЯК. Воспоминания. Дневники. Письма. Составление, редакция и примечания З. С. Казагачевой.

В сборнике представлены материалы о жизни и деятельности талантливого алтайского писателя П. В. Кучияка, значительная часть которых публикуется впервые (воспоминания немецких писателей Ф. Вайскопфа, А. Веддинг, дневники, переписка с писателями Москвы, Новосибирска).

Сборник предназначается как для широкого круга читателей, так и для специалистов-литературоведов, изучающих литературы народов СССР.

К $\frac{70303—011}{М\ 138\ (03)\ 79}$ 103-79

© Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Поэт, прозаик, драматург, сказитель, актер, певец и музыкант — таков обширный круг деятельности Павла Васильевича Кучияка. Личность редкостной одаренности, он олицетворял собой едва ли не все виды национального искусства родного народа. «Вся его жизнь, его личный облик — отражение тех грандиозных перемен, которые принесла народам нашей страны Октябрьская революция. Перед каждым народом открылись возможности всестороннего развития, и самые одаренные представители этих народов потянулись к свету, к знаниям. Помогая расти своему народу, они вместе с тем вносили свой вклад и в сокровищницу мировой культуры», — пишет об алтайском писателе академик Н. М. Дружинин[1].

Прошло много лет, как нет с нами Кучияка, а значение его становится все ярче и весомее. Об этом свидетельствуют издания произведений писателя, статьи и исследования о его жизни и творчестве, воспоминания тех, кто знал его, любил и гордился его дружбой.

Предлагаемый вниманию читателей сборник является результатом многолетних изысканий. В нем собран архивный и малоизвестный материал (редкие публикации, воспоминания, дневники, письма) о крупном алтайском писателе. Многие из них публикуются впервые.

В соответствии с материалом сборник состоит из не-

---

[1] Письмо от 12 января 1977 г., адресованное составителю настоящего издания.

скольких разделов. **В первом разделе** представлены редкие публикации и воспоминания современников о Кучияке. Составитель считает необходимым познакомить читателей с некоторыми сведениями, связанными с именем немецкого писателя Ф. Вайскопфа, главы из книги которого впервые публикуются на русском языке.

В 1932 г. немецкие писатели-антифашисты Ф. К. Вайскопф и А. Веддинг, совершая поездку по Советскому Союзу, посетили Горный Алтай. Впечатления от этой поездки легли в основу книги «Zukunft im Rohbau» («Будущее в строительных лесах»). В одной из трех глав, посвященных пребыванию на Алтае, автор подробно излагает биографию Кучияка — его детские и юношеские годы, совпавшие с дореволюционным и пореволюционным временем. Немецкого писателя интересовало не экзотика древнего быта, нравы кочевого народа, что было бы не предосудительным для человека другой культуры. В биографии простого алтайца он увидел «новую страницу истории народов Востока», начало которой в Октябрьской революции.

В последующих главах — «Табыш из Германии», «Врач из Улагана» — Вайскопф повествует о ростках новой жизни, которые он замечает и в большом и в малом. Он пишет о всеобщем народном энтузиазме — животворном источнике эволюции таких личностей, как Кучияк. Писатель-коммунист убедительными примерами стремился показать миру великое преобразующее значение нового общественного строя — социализма.

В поездке по Советскому Союзу вместе с Вайскопфом была его супруга Грета Вайскопф, впоследствии видный литературный и общественный деятель Германской Демократической Республики. Алекс Веддинг — это ее литературный псевдоним. Ныне в ГДР учреждена одна из высоких литературных наград — медаль имени Алекса Веддинга, которая присуждается за лучшие произведения для детей и юношества. Горный Алтай, алтайцы и яркая, самобытная натура Кучияка оставили неизгладимый след в ее памяти. Почти три десятилетия спустя она пишет об этом в одной из своих публикаций, отрывок из которого также впервые выходит на русском языке.

Горячая любовь зарубежных коммунистов к стране Советов, их восхищение героическим размахом строительства новой жизни, страстное желание внести свой вклад в создание первого в мире государства рабочих и крестьян — все это глубоко взволновало Кучияка и побудило его обратиться

к очерку. Его очерк «Первые гости Ойротии» в том же, 1932 году, вышел отдельным изданием[1]. Сегодня этот очерк воспринимается не только как один из первых образцов прозы алтайского писателя, но и как исторический документ, запечатлевший исключительный интерес трудящихся Западной Европы к Советскому Союзу, к практическому претворению национальной политики Коммунистической партии. Нельзя без волнения и гордости читать страницы о том, как митинг в селе Онгудае заканчивается мощным пением «Интернационала» на русском, немецком и алтайском языках, или о том, как трудящиеся Улаганского района с флагами и транспарантами вышли далеко за село встречать зарубежных гостей и как потом они поручают Кучияку от их имени составить приветственное послание трудовому народу Германии... Судя по очерку, немецкие писатели с 27 июня по 21 июля проехали по маршруту: Горно-Алтайск — Кызыл-Озек — Бирюля — Чемал — Шебалино — Онгудай — Иня — Чибит — Улаган — Телецкое озеро — Кебезень — Чоя — Горно-Алтайск. Останавливаясь в районных центрах — Шебалине и Онгудае, — они посетили маралосовхоз, колхозы, расположенные в селах Каракол и Улета. Как свидетельствует Кучияк, выступления гостей были пронизаны глубокой верой в светлое будущее не только советской страны, но и Германии. «Настанет день, когда мы с вами в **социалистическом** Берлине так же, как и сейчас, будем сидеть за одним столом и решать наши общие дела», — приводит Кучияк слова Ф. Вайскопфа из его выступления перед трудящимися города.

Со своим немецким другом Кучияк встретился еще раз — в 1934 году в Москве, на Первом Всесоюзном съезде писателей. Имя Вайскопфа явилось своего рода «визитной карточкой» для знакомства Кучияка с еще одним замечательным представителем немецкой литературы — Фридрихом Вольфом (см. примечания к дневникам).

Встреча алтайского писателя с Ф. Вайскопфом имело еще одно последствие: Кучияк обратился к переводу сборника рассказов о революции, куда вошли произведения многих зарубежных писателей — Т. Кобаяси, А. Смедли, Р. Крудена, Дина Серала и др.[2]

Примечательно то, что дружба алтайского и немецкого писателей, которых сейчас нет среди нас, имеет свое продолжение. В 1972 году на Алтае побывала немецкая журналист-

---

[1] П. Кучияк. Ойроттың башкы айылчылары. Ойрот-Тура, 1932.
[2] Революция јалбыжы јалбырап јат. Куучындар. Ойрот-Тура, 1936.

ка Х. Витте. В своем очерке «Поездка в Золотые горы»[1] она пишет о тех грандиозных сдвигах, которые произошли в жизни алтайцев с тех пор, как здесь побывали Ф. Вайскопф и А. Веддинг. Немецкий академик Эдуард Винтер в своем приветствии торжественному собранию по случаю 80-летия со дня рождения П. В. Кучияка пишет: «Увековечение светлой памяти Кучияка будет способствовать укреплению дружеских связей между Горным Алтаем и немцами ГДР». Он сообщает о том, что очерк алтайского писателя «Первые гости Ойротии» представляет большой интерес для читателей его страны и будет рекомендован к печати[2]. «Я мысленно, с душевным волнением разделяю чествование великого сына вашего народа, — пишет Манфред Бензинг, профессор Лейпцигского университета им. К. Маркса. — Павел Кучияк для народа Германской Демократической Республики близок не только из-за своих дружеских отношений с Ф. К. Вайскопфом, он для нас символ того, какие грандиозные духовные способности высвобождает Великая Октябрьская социалистическая революция»[3].

Такова история, связанная с именами Ф. Вайскопфа и А. Веддинг, публикациями которых открывается наш сборник. Она была бы неполной, если не добавить, что перевод с немецкого осуществила доктор исторических наук Е. И. Дружинина в знак светлой памяти алтайского писателя, с которым была лично знакома. В сборнике представлены ее воспоминания и переписка с ним.

Составитель полагает, что и все другие публикации этого раздела будут интересны как для широкого круга читателей, так и специалистов-литературоведов, изучающих жизнь и творчество одного из представителей советской многонациональной литературы. После каждой статьи имеются сведения об авторах. Статьи расположены в хронологическом порядке.

Во втором разделе сборника представлены дневники П. В. Кучияка.

Надо полагать, что Кучияк начал вести дневники с 1932 г. Его первые дневниковые записи о путешествии с немецкими писателями Ф. Вайскопфом и А. Веддинг по Горному Алтаю легли в основу вышеупомянутого очерка «Первые гости Ойротии». После смерти Кучияка в его личном архиве в чисто «дневниковом» виде оказались записи 1935, 1936 и 1941

---

[1] H. Witte. Fahrt in die Goldenen Berge. Horisont, 1972, № 5.
[2] Письмо от 18 февраля 1977 г. (Архив Горно-Алтайского НИИИЯЛ).
[3] Письмо от 1 марта 1977 г. (Архив Горно-Алтайского НИИИЯЛ).

годов. Они связаны с определенными периодами жизни писателя и, на наш взгляд, представляют интерес для читателей.

Дневниковые записи писателя печатаются с незначительными сокращениями, которые в основном касаются мелких бытовых деталей и повторов. Примечания к дневникам (в тексте ссылка на них отмечена звездочкой) выполнены на русском языке с той целью, чтобы читатели, не знающие алтайского языка, в какой-то мере могли судить о содержании дневников.

Дневники к печати подготовлены дочерью писателя Розой Павловной Кучияк.

Несколько слов о содержании дневников.

В дневниковых записях 1935 г. говорится о торжественном вручении Кучияку билета члена Союза писателей СССР, о чтении им лекций туристам и иностранным рабочим делегациям, о начале систематического собирания им фольклора родного народа; даны бытовые зарисовки из жизни алтайцев-колхозников тех сел, в которых он побывал, рассказывается о путешествии по Горному Алтаю с московскими писателями И. Катаевым, Н. Зарудиным и Н. Богословским.

Наибольший интерес представляют дневники 1936 года — периода длительного пребывания Кучияка в Москве. Этот период является наиболее плодотворным в деятельности писателя, но он наименее известен исследователям и читателям алтайской литературы. Поэтому публикация его дневников, осуществляемая впервые, является ценнейшим материалом для литературоведов, преподавателей алтайской литературы, студентов и учащихся.

В дневниках 1936 года даны подробные сведения, над какими произведениями Кучияк работал в то время. В частности, прослеживается начало его работы над драмой «Чейнеш», поэмой «Зажглась золотая заря» (о В. И. Ленине), повестью «Аза-Ялан», рассказом «Тойчи» (в дневнике — «Эркелей»), очерками о Н. Улагашеве. Одновременно он продолжает начатую им раньше работу: записывает (по памяти) героические сказания «Кулакчин», «Келер-Куш», «Темир-Санаа», «Кара-Маас», каждая из которых объемом от одной до нескольких тысяч строк, и завершает их подстрочный перевод. Из дневника мы узнаем о начале его совместной работы с фольклористской А. Л. Гарф, об их работе над сказками «Благородный олень», «Коростель», «Кабарга-воровка», «Сеноставка», которые потом вошли в сборники сказок Кучияка и Гарф, издаваемых и поныне.

Вызывает удивление, насколько Кучияк напряженно работал. Он очень огорчался, если хоть один день пропадал зря. «За семь месяцев пребывания в Голицыне я написал значительно больше, чем за все предыдущие годы», — отмечает он в дневнике от 14 августа.

В то же время Кучияк много работал над собой. Об этом свидетельствуют названия произведений Л. Толстого, А. Пушкина, М. Лермонтова, Г. Флобера, М. Шолохова, А. Фадеева, А. Серафимовича, Н. Островского и многих других русских и зарубежных писателей, которые он читает. «Произведения великого писателя открыли мне глаза на сущность художественного творчества и ведут меня по истинному пути», — пишет он в дневнике 11 августа после чтения автобиографической трилогии М. Горького. Из дневников мы узнаем, что он снимался в кино (29 июня), выступал в студии Всесоюзного радио с исполнением героических сказаний (30 апреля), посещал репетиции в Государственной филармонии. Есть и такая запись: «В 11 часов исполнял кай у комиссара по делам искусств тов. Керженцева» (25 мая).

1 апреля Кучияк пишет в дневнике: «Был в Театре народного творчества». С этой записи начинается новая страница в биографии писателя. С 20 апреля по 6 июня Кучияк выступает в концертах этого театра. Ему выпала честь не только показывать национальное искусство алтайцев, но и открывать московскую интернациональную программу прекрасными словами В. Маяковского о многоязыком и многоплеменном искусстве нашей страны. В эти дни на сцене театра плясали и пели представители многих национальностей: ассирийцы, латыши, англичане, украинцы, армяне, узбеки, цыгане, татары. В дневнике появится запись: «Увидев свое имя в центральных газетах, я земли под собой не чуял». Действительно, в газетах «Правда», «Известия», «Советское искусство» от 23 и 24 апреля были опубликованы статьи об интернациональной программе Театра народного творчества, и в них дана высокая оценка исполнительскому мастерству Кучияка-певца. «Кучияк владеет совершенно недоступной для наших вокалистов тайной двухголосного пения, производящего неожиданное и потрясающее впечатление», — писала газета «Советское искусство» от 23 апреля. (В примечаниях к дневнику нами дана небольшая справка о Театре народного творчества и выдержки из газет и журналов о выступлениях Кучияка в этом театре).

В дневнике названы имена многих писателей — А. Фадеева, М. Шагинян, В. Зазубрина, И. Катаева, Н. Зарудина,

А. Гарф, Н. Добычина, А. Ойслендера, М. Климковича, Б. Губера, Б. Агапова, И. Рахилло, сказительницы А. В. Морозовой и многих других, — с которыми Кучияк знакомился, беседовал или в доме которых был своим человеком. Многие из них — особенно В. Зазубрин, И. Катаев, Н. Добычин, А. Гарф — своими советами, просмотрами рукописей, переводом и редактированием его произведений, совместной работой оказали большое влияние на его творческий рост.

Не все писатели в дневнике названы полными именами, установить некоторые из них удалось с помощью записной книжки Кучияка. Так, например, 19 февраля в дневнике он пишет, что ездил в Москву (из Голицыно — З. К.) и что «был в гостях у немецкого драматурга, беседовали за чашкой чая». В записной книжке есть московский домашний адрес Фридриха Вольфа. Кроме того, по другим источникам установлено, что немецкий драматург жил одновременно с Кучияком в Голицыне, в Доме творчества, где жителям девяти комнат было нетрудно познакомиться друг с другом.

Записи в дневниках свидетельствуют о постоянных связях Кучияка с редакциями журналов «Новый мир», «Колхозник», «Наши достижения», «Две пятилетки», с учреждениями Академии наук СССР.

В скорбные дни по случаю кончины А. М. Горького Кучияк в дневнике пишет теплые слова о великом писателе, о встрече с ним в его квартире в сентябре 1934 года, о его напутствии: «Пишите историю своего народа» (от 18 июня).

В скупых, немногословных строках дневника проступают тревоги и волнения писателя о семье, детях, радость получения от них писем.

Дневниковые записи 1941 года охватывают всего лишь август — октябрь месяцы, и велись они во время гастрольной поездки артистов областного национального драматического театра по селам Алтайского края. В них хорошо передана атмосфера первых месяцев Великой Отечественной войны. Кучияк пишет о высоком патриотическом пафосе зрителей и слушателей, перед которыми артисты выступали. Он пишет о селах, где все — дети, женщины, старики — вышли на поля, на уборку хлеба. «Лучше бы я 100 снопов в день вязал», — пишет он 1 сентября, терзаясь мыслью, что в такое напряженное для страны время находится в театре, а не на фронте.

В целом из дневников Кучияка предстает настоящий советский писатель, который жил тревогами и радостями своего народа, всей страны.

В третьем разделе представлена переписка Кучияка с писателями, работниками издательств Москвы и Новосибирска, с родными и земляками. Письма Кучияка А. Л. Коптелову, А. Л. Гарф (частично) и Е. И. Дружининой печатались в журнале «Сибирские огни» и альманахе «Алтай»[1]. Вся остальная переписка публикуется впервые. В подготовке писем к печати принимала участие Р. П. Кучияк.

В текстах писем полностью сохранен их язык и стиль, исправлению подверглись все случайные орфографические и пунктуационные ошибки, а также погрешности, связанные с особенностями алтайского языка (например, отсутствие категории рода). К отдельным письмам на алтайском языке даны пояснения в сносках.

Выражаю глубокую благодарность всем, кто принял самое деятельное участие в подготовке и издании настоящего сборника.

З. КАЗАГАЧЕВА

---

1 «Сибирские огни», 1967, № 5, с. 151—158; 1972, № 10, с. 140—153; «Алтай», 1972, № 2, с. 47—53.

Воспоминания

Ф. ВАЙСКОПФ

«Zukunft im Rohbau»[1]

(главы из книги)

АДЫЙОК РАССКАЗЫВАЕТ

Он вошел тихо-тихо, мы даже не слышали, как он открыл дверь домика, который нам предоставили для жилья в столице Ойротии — Ойрот-Туре[2]. Положив перед Алекс целый сноп ярко-желтых алтайских лилий, он сказал низким звучным голосом:

«Якши ба, нёкёрлёр!» — что означает: «Как ваши дела, товарищи?» или «Добрый день, товарищи!»

Так как мы уже немного подучились алтайскому языку, то ответили:

«Якши, нёкёр!»

После этого он попросил нас сообщить ему наш «табыш», т. е. наши новости, и в свою очередь рассказал нам свой «табыш», т. е. свои новости.

Он сказал, что работает учителем в совпартшколе в Ойрот-Туре, сейчас у него каникулы, и он решил немного поездить по разным местам. «Просто так, без определенного плана, походить с места на место, куда глаза глядят. У меня везде есть друзья или родные». Если мы пожелаем — он слышал, что мы тоже хотим идти в горы и ищем проводника, — то можем путешествовать вместе. «Вам тогда не нужен будет проводник. Вы будете рассказывать мне о вашей стране и вообще о Европе, а я буду показывать вам наши края; я знаю их, как свой аил. Якши?»

«Якши!»

---

[1] «Будущее в строительных лесах».

[2] До 1948 года Горно-Алтайская автономная область именовалась Ойротской. Переименование ее вызвано тем, что старое название «Ойротия» противоречило исторической действительности и самоназванию алтайцев. Ныне областной центр — г. Горно-Алтайск.

Свой арчимак — сдвоенный кожаный мешок, который грузят на вьючное животное или лошадь, на которой едут верхом, — он уже имел при себе. Он отнес его в угол комнаты, прислонил к стене ружье и уселся на корточки на полу.

«Я рад, что мы поедем вместе. Это будет очень приятное путешествие. Вы посмотрите, как мы тут живем, а я узнаю, как у вас живут люди».

Так началась наша дружба с Адыйоком, или, как он по-русски себя называл, с Павлом Васильевичем.

В течение четырех недель мы побывали с ним в восьми из десяти аймаков (районов) страны ойротов. Целые дни он разъяснял нам смысл всего того, что мы видели вокруг; называл имена неведомых птиц и цветов; рассказывал сказки, сообщая о необычайных происшествиях, угощал нас анекдотами; он обращал наше внимание на пережитки прошлого и признаки нового времени. По вечерам, сидя у костра или перед входом в аил, в котором нам предстояло ночевать, он рассказывал историю своего народа или пел нам песни на старинные мелодии и импровизированные тексты, а иногда знакомил нас с преданиями и сказаниями — о Сартакпае и других великанах и героях «Ак Алтая», т. е. сверкающих белизной Алтайских гор.

Однажды вечером, незадолго до окончания путешествия, мы уже залезли под тулуп — широкую лохматую шубу, которая закрывала нас троих; костер догорал, его красноватые блики едва заметно мелькали на стволах кедров, лошади паслись вблизи, было слышно, как они жуют и сопят; время от времени какая-нибудь лошадь приближалась к нам и принюхивалась, словно отыскивая своего седока; ружье лежало тут же, рядом, — не столько из-за медведей, следы которых не раз попадались нам по дороге, сколько потому, что оно считается обязательной принадлежностью ночного лагеря, разбитого под открытым небом на горном Алтае; над нами чернели верхушки кедров, синело кобальтовое небо, серебристые звезды сверкали так, как это бывает только в романах или кинофильмах о юге; ветер, игравший в ветвях деревьев, время от времени доносил до нас аромат дрока или горечавки. В этот вечер Адыйок рассказал нам свою историю:

«Родился я в Чепоше Чемальского аймака. Это было во втором месяце после нового года, в месяце Кочкор ай[1], который разрешает людям ставить на огонь два чугунка, не рискуя чрезмерно выхолодить аил. Был год кабана, неблаго-

[1] Здесь автором допущена неточность. Кучияк родился в с. Куюм и не в январе, а в марте 1897 г. (прим. ред.).

приятный для новорожденных, которых он обрекал на суровую жизнь.

Когда в первую военную зиму (в 1914 г. — Е. Д.) монахи Чемала меня окрестили, они вычислили, что я родился в 1897 году. Так как мои старшие братья и сестры умерли вскоре после своего рождения, то моя мать хотела дать мне какое-нибудь отталкивающее имя, чтобы злой дух Эрлик не обратил на меня внимания. Но мой отец Чочуш, т. е. «Пугливый», который был удивительным человеком, — он научился писать и читать книги Алтайской миссии, «Калмыцкую библию» и «Жития Святых», — не хотел, чтобы меня звали Бохту, т. е. Грязь, или Чочко — Свинья, или Иткоден — Собачий Зад; он сказал, что я должен получить свое имя, как это было принято, от какого-нибудь друга, который придет к нам в гости.

Мы не были богатыми, не были и особенно бедными. У моего отца было четыре лошади, две коровы, пара ульев, кроме того, он высевал немного ячменя. Я его плохо помню. Он умер, когда мне было шесть лет. Однажды он вышел из аила, бродил некоторое время по поселку, плакал и кричал (люди говорили, что Эрлик отнял у него разум в наказание за то, что он читал русские книги), потом он исчез в лесу, и только через год был найден его труп. Мне вспоминается, как он сидит зимой перед очагом в своем широком теплом овчинном тулупе, под который мы, дети, — моя младшая сестренка и я, — любили забираться, чтобы послушать, как отец поет. Он пел часами, обычно одну и ту же песню про молодую женщину, которая вышла замуж против воли своей матери и от которой мать не хотела принять даже чашки араки.

— Хотите послушать?

Разве можно не пустить теленка
В хлев к его матери?
Даже если ты меня проклинаешь,
Ты не сможешь быть настолько жестокой,
Чтобы отказаться пить из чаши,
Которую я тебе даю,
Ведь ты носила меня в своем теле!
Разве можно не пустить жеребенка
В загон к матери?
Даже если ты на меня сердишься,
Ты не сможешь быть настолько
жестокой,
Чтобы отказаться пить из чаши,
Которую я тебе даю,
Ведь ты меня качала и
пеленала!

После того как мой отец ушел в лес и не вернулся, его старший брат послал своего сына к каму (шаману), чтобы спросить его, что случилось с моим отцом и нельзя ли ему чем-нибудь помочь. Мой двоюродный брат взял с собой и меня. Кам, к которому мы поехали верхом, был самым знаменитым шаманом нашего района; у него было три больших бубна (у всех других было только по одному, самое большее по два). Когда мой двоюродный брат изложил свою просьбу, кам, сняв со стены лук, натянул тетиву и стал им размахивать. При этом он что-то бормотал, раскачивая верхнюю часть тела взад и вперед во все ускоряющемся темпе. Внезапно он замер и сказал, что на моего отца разгневался горный дух, вернее всего, хозяин горы Адаган, которую мы видели через дверь нашего аила и которому молились (на эту гору нельзя было показывать пальцем и тем более не разрешалось восходить на ее вершину). Горного духа нужно было умилостивить. Кам сказал, что он придет к нам на следующий день и скажет, какую жертву нужно принести разгневанному духу и его господину — Эрлику, старшему среди всех злых духов.

На другой день наш аил наполнился народом. У нас собрались все соседи, и каждый принес в подарок каму по большому кожаному ташауру, наполненному аракой. Кам сидел на почетном месте у огня; на нем было его ритуальное одеяние с черными и белыми полосами и красным воротником, к которому были прикреплены семь колокольчиков и холщовый кит, воспроизводивший одного из тех трех китов, на которых, согласно учению шаманов, покоится мир. В руке он держал свой самый большой бубен. Глаза его были закрыты, казалось, что он спит. В момент захода солнца кам вдруг вскочил: он услышал зов Хан-Суйлу, который должен вести его в страну Эрлика. Бубен начал словно сам собою издавать какие-то звуки: раза два кам медленно прошелся вокруг огня; глухое звучание бубна постепенно переходило в резкую, отрывистую дробь. Кам начал вертеться, сначала тихо и осторожно, потом все быстрее и, наконец, с бешеной скоростью. Бубен гремел теперь как гром, кам пел, длинные ленты его волшебного одеяния разлетались во все стороны, а окружающие люди смотрели на все это застывшим, неподвижным взглядом. С кровавой пеной на губах кам рухнул на землю.

Когда он снова смог говорить, он объявил, что жизнь моего отца находится в опасности и что для его спасения нужно принести в жертву белую лошадь.

На следующее утро еще до восхода солнца мужчины соорудили на жертвенной площадке (таилга) священную лестницу (текпиш). Она делается из двух березовых стволов, между которыми на веревках, свитых из конского волоса, вешают белые льняные лоскутки и маленькую белую заячью шкурку. К левой балке привязали нашу белую лошадь, к правой прикрепили пучок вереска. После этого из аила вышел кам, вокруг которого расположились мужчины и дети; женщины должны были держаться в стороне. Кам и мой дядя торжественно обменялись трубками и закурили. Все мужчины последовали их примеру и стали не спеша, спокойно вдыхать в себя глоток за глотком табачный дым. Теперь кам начал молиться[1]. Сначала он издал традиционный возглас «Кайрако-он!». Женщины, стоявшие в стороне, уже раньше распустили свои волосы. Теперь каждая из них схватила прядь волос на правом виске и, дергая за нее, стала низко кланяться, повторяя возглас «Кай-ра-ко-он! Кай-ра-ко-он!»

Высоким пронзительным голосом, напоминавшим крик птицы, кам запел:

355369

Арчын-кырчын аласту!
Ак арыскан тӱнӱлӱ!
Ак Алтайдың ээзи!
Албатының мӱргӱген Алтай!
Ак-боро колсолу!
Ак Алтайдың ээзи!

Хозяин многозубчатого горного Алтая!
Тебе надлежит воздавать почести
курением вереска,
Тебе надлежит воздавать почести кроплением
целебной водой!
Белая лошадь, которая тебе посвящается,
Стоит на жертвенной площадке!
Ты — господин Белого Алтая!

Мужчины бросились на лошадь, обвязали ей каждую ногу веревками, повалили ее на землю и с громким криком начали тянуть за веревки. Животное взвыло; его рев был громче, чем крик мужчин; когда же оно вдруг смолкло, затихли и мужчины, было слышно только как хрустят разламываемые кости лошади. Я зажмурился и закрыл лицо руками. Когда же я отнял руки от лица, с животного была содрана шкура, которая вместе с головой висела на жертвенном шесте, врытом в землю под острым углом; казалось, она хочет улететь на небо. В больших деревянных котлах дыми-

[1] П. В. Кучияк, вероятно, употребил слово «камлать» (прим. переводчика).

Горно-Алтайская областная БИБЛИОТЕКА.

лась кровь; кам опустил в нее палец, чтобы помазать губы деревянной скульптуре на его бубне, изображавшей духа.

До самого вечера люди ели и пили. Мы ждали отца, но он не приходил. Кам пробыл у нас еще два дня, а затем уехал. Он сказал, что Эрлик, очевидно, не принял жертвы. Мы должны были дать ему еще большой ташаур араки, мешок ячменя и двух баранов.

Через полгода после того, как был найден труп моего отца, мать вторично вышла замуж, а я перешел к отцу моего отца Капшаю, имя которого означало: Быстрый. Он как раз незадолго до этого крестился, что давало некоторые льготы в отношении податей, однако в его аиле все оставалось по-прежнему. На стенах висели тургузулар — изображения предков, сделанные из кусков кожи и тряпок; по требованию шаманов им нужно было приносить жертвы в случае болезни человека или его скота. Над старой-престарой люлькой, в которой когда-то качали моего прадеда, деда, отца, а теперь — ребенка моей младшей тетки, висела своеобразная детская погремушка, служившая одновременно амулетом — шалтрак. Это — большая кость с привязанными к ней маленькими косточками, бутылочными горлышками, гвоздями и маленькими кожаными мешочками, в которые были зашиты пуповины всех детей, лежавших в этой колыбели. В левую часть аила, на «мужскую половину», могла заходить только мать отца, а тетки не могли[1]; я хорошо помню, что я старался быть на левой стороне, когда в доме не было никого, кроме теток, а мне хотелось избежать выполнения их поручений или каких-нибудь работ; как они ни ругались, ни грозили мне, однако не решались ко мне приблизиться.

Отец моего отца был богат и очень скуп. С десяти лет я уже должен был помогать ему косить сено. Весною следующего года он отдал меня в пастухи. Я должен был вместе с одним стариком пасти 400 овец. Деньги получал мой дед. Пять лет я был пастухом, потом снова помогал по хозяйству дома. Когда в Куюме открылась церковно-приходская школа, священник потребовал, чтобы дед отдал меня туда. Тот

[1] До революции и в течение нескольких последующих лет алтайка не имела права садиться на коня, принадлежащего мужчине, ездить на мужском седле, а также, — если она принадлежала к тому же роду, что и хозяин или хозяйка дома, а ее муж был моложе хозяина, — вступать на «мужскую половину» аила. Если же она принадлежала к другому роду, являясь там хозяйкой или членом чьей-либо семьи, то все-таки ей не разрешалось садиться слева от огня. Этот закон выполнялся настолько строго, что однажды, когда пьяный муж, сидевший вдвоем со своей женой в чужом аиле, упал в огонь и сгорел, жена не решилась прийти ему на помощь.

сначала не хотел об этом и слышать, однако потом согласился под условием, что я и дальше буду работать по хозяйству. Я немного научился читать и писать, познакомился слегка с русским языком, однако обучение заключалось главным образом в громком чтении и повторении молитв и легенд о святых.

Через год к моему деду пришел священник из Чемала, ойрот Апанаев и сказал: «Отдай нам своего внука, мы сделаем из него кара абыса, т. е. черного (туземного) попа; он тогда будет за тебя молиться, а это будет хорошо для твоего тела и твоей души!» Дед мой как раз в это время излечился от тяжелой лихорадки и был уверен, что его спасла свеча, которую он поставил чемальской богоматери; он согласился, и я поехал с попом в Чемал. В Чемале обосновались монахи Алтайской миссии. Они были очень богаты. Им принадлежали лучшие земли: сто лет назад, впервые появившись в Чемале, они воздвигли высокий деревянный крест и завладели всей землей, которую мог охватить глаз во все стороны от этого места. Между тем алтайцы с незапамятных времен расставляли там свои летние аилы и косили луговую траву.

Поп Апанаев жил при монастырской школе. Меня поселили в сарае и я должен был перед началом занятий и по окончании уроков колоть дрова и носить воду для монахов. Меня кормили в кухне после того, как поедят все другие, потому что я еще был «язычник», не был крещен и носил косу. Я не хотел, чтобы мне состригли косу, веря, что в ней живет душа, как учили камы; кроме того, моя мать и мой старший дядя советовали мне не делать ничего такого, что может впоследствии помешать мне стать камом. Однако через две недели отец моего отца пришел со мной повидаться и по желанию попа отрезал мне косу. И все-таки я должен был и дальше есть один в кухне. Мне постоянно повторяли, как хорошо мне будет, если я стану черным попом: после крещения Эрлик и его духи, погубившие моего отца, уже не смогут принести мне никакого вреда. Кроме того, у меня тогда из головы не выходила мысль о том, что должен же был кто-то создать мир; камы ничего не знали, а монахи говорили, что все это разъясняется в библии. Особенно заманчивой была перспектива обедать со всеми вместе в комнате за накрытым столом. В итоге я был рад, когда через полгода меня, наконец, окрестили.

Через пару дней после крещения поп избил меня палкой за то, что я сломал топор. А так как вдобавок я узнал, что должен в течение всех каникул работать (конечно, бесплат-

но) на монахов, то я убежал домой. Поп прислал деду пять или шесть писем, настаивая на том, чтобы я вернулся; за колку дров он обещал выдать мне костюм, а за возку воды дать десять пачек табаку, но я уже ничего не хотел.

В следующие месяцы и годы я работал дровосеком. Разразилась война, требовалось очень много дерева, и рабочий получал несколько больше, чем раньше; но я должен был почти всю мою получку отвозить деду, который одолжил мне деньги на уплату «черного налога» — кара калана[1].

В июне 1916 г., т. е. в возрасте 19 лет, меня женили. Еще задолго до этого дед и бабка настойчиво требовали, чтобы я украл себе жену. Все соседские парни поступали так: сначала они сами или их родители отыскивали невесту, сговаривались со своими друзьями и, улучив удобный случай, похищали девушку. Друзья следили, чтобы никто не заметил похитителя, и прикрывали его отступление... Потом нападавшие и защитники садились вместе и обсуждали вопрос о дне свадьбы и размерах калыма, т. е. платы за жену. До поры до времени мне удавалось уклоняться от выполнения просьб и предложений родителей моего отца. Но теперь мне уже ничего не предлагали, меня ни о чем не просили, просто мою судьбу решили без моего участия. В один прекрасный день отец моего отца сел на лошадь и поехал в Чемал, где пробыл два дня. Он сказал, что нужно отвезти к слесарю самовар. Когда он вернулся, то на вопрос матери моего отца, как обстоит «дело», ответил: «Очень хорошо!» Я не догадался тогда, что́ означает этот короткий разговор. Только после того, как мой дед через три дня снова поехал в Чемал, у меня зародилось подозрение. На этот раз он вернулся в тот же вечер. Он сказал мне, что подыскал для меня жену и даже предварительно поговорил с ее отцом о ее цене. Я был очень огорчен, но противиться воле деда со стороны моего отца

---

[1] При царе алтайцы должны были платить налоги двух видов: государственные подати и подати родовые. Кара калан был государственной податью и поступал в царскую казну. Однако взимание кара калана осуществлялось уполномоченными родовых старшин — зайсанов, которых на Алтае насчитывалось 13 (они возглавляли 57 алтайских родов; их достоинство переходило от отца к сыну, так же как и функции их заместителей, которых у каждого зайсана было по два и которые назывались «крыльями власти»). Кроме кара калана, была еще ямская подать, шедшая в кассу зайсанов. Обе подати были подушными, они собирались только с мужчин (начиная с 16 или 17 лет) и могли уплачиваться деньгами, кедровыми орехами или беличьими шкурками. Если денег не было, сборы уплачивались баем или каким-нибудь богачом, который затем заставлял отрабатывать долг. Кроме царских и зайсанских податей, уполномоченные родовых старшин собирали подати в свою пользу, например брачные.

было невозможно; итак, в один из следующих дней я поехал вместе с ним в Чемал, где мы несколько часов подряд торговались с родными девушки об ее цене. Они требовали калым в размере 300 рублей и четырех лошадей, мы же в конце концов согласились дать 200 рублей наличными деньгами, корову, лошадь и 6 пудов меда. Хотя у моего деда было больше 200 рублей наличных денег, однако он занял эту сумму на мое имя у одного бая, полагая, что чужому человеку я скорее и аккуратнее выплачу свой долг, чем ему. Только после уплаты калыма мне позволили посмотреть на мою невесту...

Вскоре после женитьбы я был мобилизован вместе со всеми мужчинами нашего района на дорожные работы в прифронтовой полосе. Впервые в жизни я видел места, где не было гор; впервые я видел города, железные дороги, автомобили, пароходы. Сначала мы строили шоссе около Минска и Бобруйска, потом перешли в кавалерийское депо. Мы жили очень изолированно, почти как пленные; к тому же почти никто из нас не говорил по-русски настолько хорошо, чтобы объясниться с крестьянами, рабочими и солдатами, с которыми мы входили в соприкосновение.

В мае 1917 года нас отправили обратно. Только по пути из Белоруссии в Сибирь — этот переезд длился почти четыре недели — мы узнали о том, что царь больше не правит и что в феврале совершилась революция.

Дома, казалось, ничего не изменилось. Только аил, в котором я жил со своей женой, был поврежден, причем в нем было теперь на одного человека больше: моя жена родила своего первого ребенка. Я исправил аил, привел в порядок лошадиный загон, вычистил хлев, переставил ульи, а затем собрал свои инструменты и снова стал работать лесорубом. Но так как работа эта оплачивалась все ниже, то я ее бросил и стал сначала бочаром, потом сапожником. Одновременно я вел свое маленькое хозяйство, состоявшее из посевов ячменя, пасеки, овец, лошадей и кур.

Мировые события меня не волновали. О том, что происходило в Сибири и даже на Алтае, я имел самое смутное представление. Об Октябрьской революции я узнал только через 5 или 6 месяцев. Газет у нас не было, в Чемале я почти никогда не бывал. Из «табышей», которые приносили люди, приходившие в Чепош, было трудно что-нибудь понять. И хотя мы слышали о большевиках, о сибирских автономистах, о движении «Каракорум»[1], о Колчаке и чехах, однако не

[1] Имеется в виду эсеро-националистическое движение (прим. ред.).

знали, чего они хотят и почему борются друг с другом. Несмотря на то, что война шла совсем рядом, что под натиском красных партизан отряды Каракорума бежали за монгольскую границу и весь Алтай стал советским, — все это мне, так же как и всему поселку, было ни к чему. Чепош лежал в стороне от арены борьбы. Победоносным Советам приходилось преодолевать тысячи трудностей: построение нового государственного аппарата совершалось крайне медленно. Даже в поселке все оставалось по-старому: богатые стояли наверху, бедные оставались внизу; в новых кооперативах сидели старые каракорумцы, а сельсовет был в руках баев и зайсанов.

Когда поздней осенью 1921 г. вспыхнуло восстание «За Советы, но против коммунистов», спровоцированное баями и главарем банд Кайгородовым, почти все мужчины Чепоша присоединились к председателю кооператива Тундукову, бывшему офицеру-колчаковцу, который сформировал банду, чтобы «защитить мужчин от каторжного труда, а скот от конфискации». И я пошел, так как думал, что большевики хотят отнять у нас скот и имущество, а нас принудить к выполнению трудовой повинности. Полгода жили мы в горных лесах, мы взяли с собою скот, а наши жены остались дома. В первые недели было несколько стычек с красными партизанами и красноармейцами; мы стреляли и в нас стреляли, были раненые и четыре или пять убитых. Наступила зима — два месяца мы бездействовали, скрываясь в горной долине. Затем пришла весна, красные наступали, с продовольствием было плохо, внизу, в долине, мы видели наши необработанные поля; отряд начал понемногу распадаться. Когда же в первых числах мая пришел табыш, что красный командир партизанского отряда перешагнул через недоступные горные вершины и свернул голову предводителю банд Кайгородову, то семь человек, в том числе и я, покинули лагерь. Мы сели на коней, поехали в Чемал и сдали наше оружие в комендатуру. Красный командир очень коротко нас допросил и сказал: «Идите домой и работайте! Вам нужно немного поучиться. Старайтесь понять, чего мы хотим. Советы — за вас и против баев. Вам нечего бояться, если вы будете с Советами. А если вы снова убежите к белым бандам, ну, тогда не ждите пощады!»

Дома я нашел пустой ящик для ячменя, сброшенные и ограбленные ульи. Жена рассказала, что как-то вечером один из отрядов банды Тундукова, той самой, в которую я входил, напал на наши ульи; ячмень забрал бай, которому

я еще не вернул остаток суммы, занятой на уплату калыма, — теперь он был членом сельского Совета.

Когда вскоре после этого в Чепош прибыл представитель партии, искавший людей, которые создали бы комитет бедноты и вели бы борьбу за удаление баев из Советов, я пошел к нему и отдал себя в его распоряжение. Меня избрали в комитет и сделали его секретарем, так как только я один мог немного читать и писать. Сначала мы не знали, с чего начать и что мы должны делать, но из Чемала нам присылали газеты и книги, а также агитаторов; прислали и учителя, который учил не только детей, со взрослыми он проходил программу, включавшую чтение, письмо, счет и политграмоту. Перед выборами в Советы весь комитет был вызван в Чемал. В течение двух дней мы наблюдали, как работают тамошний комитет деревенской бедноты и Совет, слушали, как выступают на собраниях. По возвращении домой мы составили избирательный список и созвали собрание. Представитель Чемальского Совета произнес речь, после него я должен был впервые в жизни выступить на собрании. Я сказал слова два и запнулся, все рассмеялись, и все же наши кандидаты были выбраны, и сельский Совет перешел от баев в наши руки. Я был в числе избранных и стал писарем и секретарем Совета. Теперь уже я ежедневно читал газету и знакомил членов Совета с письмами и распоряжениями, которые присылались нам из Чемала и Улалы. Вместе с учителем я соорудил небольшую избу-читальню и постепенно стал втягиваться в чтение брошюр и книг о советском государстве, о сельском хозяйстве, о том, что было в прошлом.

На следующий год, летом 1923 г., к нам приехала кинопередвижка. Моя жена не захотела смотреть «дьявольскую штуку»; она и меня убеждала не ходить туда, так как, по словам миссионера епископа Макария, который ее крестил, все машины были выдумкой антихриста. Однако я туда пошел и убедился, что машины сделаны людьми; мне даже рассказали, где и как они были изготовлены. И когда я вечером пришел домой, я в первый раз не осенил себя крестным знамением перед иконой. Жена сейчас же спросила, почему я не перекрестился. Я ответил: «Не хочу распугивать мух!» Это сорвалось у меня с языка как-то невольно, я вовсе не хотел этого сказать. Просто я рассердился, что мне задали такой вопрос, вот и выпалил. Жена закричала, что меня сию минуту убьет молния; я и сам ожидал, что случится что-нибудь ужасное, однако ничего не случилось. С этого дня я не думал больше о церкви, боге и святых. Вокруг ме-

ня было столько нового: поступали дальнейшие инструкции о работе сельсовета, указания насчет организации товариществ по сбору урожая и декреты о создании охотничьих артелей.

На следующие два года падает мое четырехнедельное обучение в Чемальской колхозной школе и прохождение курсов советских работников в Улале. Теперь я уже часто выступал на собраниях, причем не только в Чепоше, но и в близлежащих маленьких поселках. Я знал, как создать коллектив и как бороться с баями и их друзьями, которые пытаются вредить; как организовать избу-читальню и кружок по ликвидации неграмотности. Меня хорошо знали во всей округе, и каждый день кто-нибудь приходил ко мне посоветоваться по какому-нибудь вопросу.

В конце лета 1925 г. в разгаре косовицы меня пригласили в Чемальский районный комитет партии; из Улалы пришло письмо о том, что я должен ехать в Москву в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока). Меня спросили, согласен ли я. Я ответил, что не могу поехать: у меня трое детей, а скоро появится и четвертый. Кто же будет заботиться о моей семье? Кроме того, могут ли меня вообще принять в эту школу — я же беспартийный. Мне не смогли дать точных ответов на эти вопросы и направили меня в Улалу, в исполнительный комитет. Я поехал с твердым решением сказать нет. Однако председатель исполкома Алагызов отклонил все мои возражения: моей жене и моим детям, конечно, не придется голодать, а вопрос относительно моего приема — не моя, а его забота. Вечером он повел меня к себе домой. Мы всю ночь не ложились спать, пили чай, ели талкан, говорили и говорили. Алагызов указал мне на то, как неразвит и темен алтайский народ и сколько ему еще нужно учиться и наверстывать, чтобы не отставать от своих братьев. Я начал понимать, что именно мы, т. е. те, которые уже кое-что знали, должны учиться дальше, чтобы потом учить и просвещать других. Я понял также, какое счастье быть первым среди тех, кому предстоит выполнить этот долг.

В Москве я сначала прошел подготовительные курсы, а затем поступил в университет. Учиться нужно было четыре года, однако меня уже через три года отозвали в Ойротию: слишком мало было там сколько-нибудь обученных культурных сил, нужен был каждый человек, повсюду не хватало учителей, секретарей в Советах, председателей кооперативов, директоров школ, организаторов колхозов, партийных работников.

Два года я работал заведующим «юртой-передвижкой»,

проводившей пропагандистскую работу и учебные занятия в наиболее отсталых районах — Уймоне и Улагане. Нас было пятеро: женщина-врач, учитель, женщина-агроном, киномеханик и я. Мы делали прививки, обучали, создавали колхозы, читали доклады: о гигиене и земледелии, о социалистических формах труда, о советском праве. Мы показывали фильмы и создавали кружки ликбеза. Мы вели борьбу против суеверий, детских болезней и кулацкой агитации. Это была трудная работа, но она была прекрасна. Временами казалось, что сердце не выдержит.

Уже почти год, как я работаю учителем и заместителем директора совпартшколы. Вступил ли я в партию? Да, в 1928 году, после моего трехлетнего пребывания в университете. Я преподаю историю, а также вопросы колхозного строительства и пропагандистской работы. Это тоже не легкая, но и не менее прекрасная работа: я люблю ее, я счастлив, что она мне поручена. Только на один годик мне бы хотелось ее оставить, чтобы завершить свое образование в Москве.

Месяца два назад я попробовал описать, как жил бедный крестьянин и пастух раньше и как он живет сейчас. Получилось две толстые тетради. Их послали в Новосибирск; недавно оттуда пришел ответ, что из того, что я написал, сделают книгу. Теперь я хочу попробовать написать такую историю, которую можно будет поставить на сцене. Театр у нас уже есть — в Ойрот-Туре, нет пока только пьес и нет артистов. Но через некоторое время у нас будет и то и другое: алтайские пьесы и алтайские актеры, — так же как у нас уже есть алтайские газеты, алтайские учебники, алтайские врачи, алтайские женщины-судьи...

Порою мне кажется, что все то, что происходит вокруг меня, — это сказка, так широко вдруг раздвинулся мир и так изменилась жизнь. Но это не сказка, это — действительность!»

Была уже глубокая ночь, когда Адыйок кончил своей рассказ.

Над снежными вершинами стояла полная луна и лила свой серебристый свет. Медные шишки на кедрах выглядели словно неведомые плоды. Под дуновением ночного ветра слегка клонились царские свечи[1] высотою с человека и папоротник. А рядом с нами лежал человек, рассказавший нам свою историю, товарищ Безымянный. Один из многих безымянных, которые открыли на Востоке новую страницу истории.

---

[1] Растение, наз. также лучинник (прим. переводчика).

«ТАБЫШ» ИЗ ГЕРМАНИИ

Вечереет.

Далекие глетчеры на пограничных горных хребтах, серебряные седла на синих крупах лошадей вспыхивают красным пламенем, переходящим в фиолетовые блики. Контуры ближайших гор с их лесистыми склонами, окружающими плато, внезапно становятся резкими и чуждыми, словно черты лица умершего человека. Вместе с порывом вечернего ветра наступают сумерки; блекнут, а затем угасают пестрые краски лугов — голубой цвет крокусов и пурпур «красного цветочка» (кызыл-чечек), мягкая желтизна алтайских лилий и ярко-оранжевый тон «матери солнца» (кӱн энеси), которая всегда поворачивает свои лепестки к своей «дочери».

Из чащи кедрового леса, окружающего нас подобно темному опрокинутому колоколу, отделяются три тени; приближаясь к нам, они превращаются в фигуры людей, сидящих верхом на конях. Едущий на значительном расстоянии позади нас Адыйок ускоряет бег своего коня и, поравнявшись с нами, говорит:

— Это люди из колхоза «Кара-Су», Черная Вода.

Алекс спрашивает:

— Кажется, они нам машут?

Да, они нам машут. Через несколько минут мы узнаем, что они караулили нас всю ночь. О нашем прибытии до них уже давно дошел «табыш», т. е. известие, передаваемое из уст в уста во время встречи в горах, при обмене курительными трубками у костра, при посещении сельсовета или кооперативной лавки; это — своего рода газета без бумаги и типографской краски. Трое встреченных нами людей были высланы, чтобы перехватить нас здесь, в том месте, где дорога, ведущая к Кара-Су, отделяется от другой дороги, ведущей к Золотому озеру. Они должны были проводить нас в колхоз, в котором уже три дня ожидали «гостей из Германии».

Напрасно мы пытались возражать, указывая на то, что наши лошади устали, что завтра вечером мы должны быть на Золотом озере и нам нельзя отклоняться в сторону от своего пути. Нам пришлось уступить просьбам трех посланцев и поехать с ними.

В ста шагах от аила[1] нас встречают юные пионеры Кара-Су, они трубят в горн, бьют в барабан и произносят небольшую приветственную речь, которая потом вручается в немецком переводе, аккуратно написанная на бумаге.

---

[1] Аил — конусообразное или шестиугольное жилище алтайцев.

В аиле председателя колхоза чистят миски; готовят талкан (мука из поджаренных зерен ячменя); огромные куски мяса режутся на части, которые кладутся в висящий над огнем железный котел.

Алекс толкает меня.

«Повальная гибель овец», — шепчет она, показывая сначала на котел, потом на себя, потом на меня; она выдвинула теорию, что мы с нею как будто носители бараньей эпидемии: стоит нам появиться в каком-нибудь поселке, колхозе, деревне, как бедная овца обречена на гибель. И вот еще одно подтверждение!

Председатель жестом приглашает нас:

«Садитесь!»

Два седла приготовлены для нас у костра. Для других таких сидений не требуется; они сидят в привычной позе на корточках.

Мы оглядываемся вокруг. Этот аил не больше тех, которые мы уже видели раньше, но он кажется гораздо просторнее. В нем нет деревянной кровати, вместо сундуков всюду кожаные мешки.

Кара-Су — «кочующий колхоз».

— Это, конечно, не значит, что мы остались такими же кочевниками, какими были раньше, — говорит нам председатель. — Уже второй год мы сеем овес и рожь, запасаем на зиму сено. Мы даже соорудили первый теплый сарай для молочных коров и лошадей. Однако ради пастьбы скота мы несколько раз в год меняем место нашего стойбища. Со временем, когда мы сумеем запасать достаточно фуража, мы, конечно, откажемся от перекочевок. Мы уже сейчас начинаем все прочнее обосновываться на определенных местах. Правительство, дважды выдававшее нам деньги из фондов, предназначенных для перевода кочевых народов на оседлость, в будущем году предоставит нам средства, необходимые для постройки склада, второго большого сарая для скота, а также детских яслей и избы-читальни. Школа для детей у нас уже есть — одна на несколько колхозов; разумеется, позднее мы создадим свою собственную школу. Что касается взрослых, то прошлой зимой большинство из них уже научились читать и писать, пользуясь новым алфавитом, который, как я слышал, является также и вашим[1].

Пока он рассказывает, аил наполняется людьми. Мужчины, женщины и дети входят, садятся на корточки около огня

---

[1] В те годы алтайцы пользовались латинским алфавитом (прим. переводчика).

и с нескрываемой гордостью слушают своего председателя, который за время обучения в колхозном техникуме так хорошо овладел русским языком.

На косой стене висит железное клеймо — подобным клеймом метил своих лошадей, наверно, еще джунгар во времена Чингисхана. На этой же стене детский портрет Ленина, который своими большими глазами смотрит вниз на женщину: согнутым указательным пальцем она вылавливает мертвых мух из перебродившего кумыса, собираясь угощать им гостей. Между старинными кожаными бутылями, сделанными из коровьего вымени и бычьих ног, стоит коробка с зубным порошком, а из охотничьей сумки с прикрепленными к ней пороховницей и заряженной обоймой (мечта моих школьных лет!) высовывается номер газеты «Кызыл Ойрот» («Красная Ойротия»).

Баран сварился.

Суп наливают в две миски. Одна для гостей, другая для хозяев. Затем перед Алекс ставится сосуд с лучшими кусками мяса; на них лежит «тёш» — кость для почетной гостьи.

В глубоких деревянных чашах без ручек подается чай (приготовленный по азиатскому обычаю: с солью, молоком, маслом и талканом), чуть тепловатая арака (прозрачный, как вода, спиртной напиток из молока) и кисловатый кумыс[1], приятно покалывающий язык.

После еды старик берет с дверного косяка длинный двухструнный инструмент с средней частью в виде барабана и начинает петь. Мелодия — многовековой давности, но текст, который переводит нам Адыйок, совершенно новый:

Когда вороной жеребец был мал,
Мы ходили пешком;
Когда правил белый царь,
Нас били палкой.
С тех пор, как вороной жеребец вырос,
Мы ездим по всему миру;
С тех пор, как белого царя прогнали,
Мы свободны и не знаем палки.

В самом конце мелодия резко поднимается вверх, а затем исчезает в глухих гортанных звуках.

[1] Очевидно, здесь, как и в других местах, имеется в виду не кумыс, а широко распространенный на Алтае напиток «чегень», получаемый из овечьего или коровьего молока с помощью специального грибка. Путем перегонки чегеня алтайцы изготовляют араку, а из ее отходов — твердый, стойкий и очень сытный сыр «курут» (прим. переводчика).

Тишина.

Потом старик произносит на ломаном русском языке:

«Да, с тех пор как нет больше белого царя...»

Он снова замолкает, подпирает ладонью голову и неподвижно смотрит перед собой.

О чем он думает? Наверно, о том времени, когда на Алтае еще сидели чиновники и жандармы белого царя? В то время на весь Улаганский уезд было четырнадцать церквей и только одна школа, а единственный клочок земли, на котором выращивались пшеница и овощи, принадлежал монахам...

Затем он продолжает: «... Мне рассказывали, что у вас есть дома из железа и стекла, а корабли высотою с наши горы; что у вас есть школы такие большие, как города; я слышал, что ученых у вас больше, чем деревьев на Алтае; я слышал, что у вас уже нет таких людей, которые не умеют читать и писать... Но до меня дошел и другой «табыш» (мой сын прочел его в газете), будто бы в вашей стране Германии есть люди, которые хотят уничтожить других людей только потому, что они не одинакового с ними рода, — неужели это правда?

Он смотрит на меня, ждет моего ответа.

Я молчу.

Я должен обдумать ответ на «Приветственное слово», которое вручили мне юные пионеры.

«...итак, дорогие гости, вы издалека приехали в наши края, лежащие в стороне от культурных стран; вы увидите у нас еще много остатков темноты и дикости, которые мы унаследовали от проклятого прошлого и против которых мы боремся всеми силами. Ваш зоркий глаз, привыкший видеть достижения высокой культуры...»

Старик прикладывает руку к уху. Он ждет ответа на свой вопрос, — но мне трудно ответить на такой вопрос. Трудно ответить на такой вопрос, сидя на седле гуннов перед полыхающим костром ойротской юрты, вдали от всех «достижений» высокой культуры, на расстоянии двух верховых переездов от монгольской границы и только полутора переезда от синих первобытных лесов и прозрачных рек золотой страны Урянхай.

ВРАЧ ИЗ УЛАГАНА

Положившись на прогноз погоды, сделанный Адыйоком, мы выехали из колхоза «Кара-Су» задолго до восхода солнца, чтобы проделать возможно больший отрезок пути в утренней прохладе.

Над купами деревьев и склонами гор постепенно занималась заря.

Свежо. По бледному низкому небу медленно плывут большие серо-голубые облака. В туманном влажном воздухе, кажется, висят дождевые капли, вот-вот готовые пролиться. Однако Адыйок настаивает на своем вчерашнем прогнозе: «День будет жаркий, будет парить так, как бывает перед грозой, но дождя не будет!» А уж если Адыйок выступает в качестве предсказателя погоды, то можно наверняка — мы в этом убедились по опыту — на него положиться. Он узнает по движению ветра и облаков, какая будет погода, точно так же, как, взглянув на траву, безошибочно определяет, что в этом месте ночевал медведь и что мы, вероятно, сейчас подъедем к месту его завтрака. (В самом деле, немного погодя, мы проезжаем на наших конях мимо брошенного осинового улья). Еще удивительнее, что по виду куста он узнает, что его ветви глодал годовалый козленок. («Откуда ты знаешь, Адыйок, что ему был один год?» — «Если бы он был старше, то полакомился бы более высокими ветвями, их кожица более нежная и вкусная»).

Начинается подъем в горы. Наши лошади отдохнули и охотно ускоряют свой бег без всякого понуждения. Луга и перелески сменяют друг друга. Луга поразительно красочны и пестры: светло-желтые алтайские лилии, голубые колокольчики, красное, как кармин, «алтайское мыло», белые хлопья трясунки, дикие красновато-фиолетовые пионы. Леса сине-зеленые, светло-изумрудные и серебристые: кедры, лиственницы и березы.

Временами трава и цветы достают нам до подбородка. В эти моменты кажется, что лошади плывут. Они высоко подбрасывают головы и ржут. Топот их копыт так мягок и глух, словно они бегут на суконных подошвах.

Кукушка начинает свою песню. Адыйок воспроизводит ее звуки: раз, два. А потом, придерживаясь все той же птичьей мелодии, перелагает звуки животного в человеческие слова:

«Яш тыт, каак сёёк, яш тыт, каак сёёк!»

«Что это значит, Адыйок?»

«Молодая лиственница, сухие косточки! Так поет кукушка, согласно старинной легенде, которая возникла в этих местах... Конечно, конечно, я вам ее сейчас расскажу!»

«Легенду о кукушке я знаю от самого знаменитого на Алтае чӧрчӧкчи, т. е. сказителя. Его звали Кабак; он умер, когда мне было 12 лет, но я очень хорошо помню все, что происходило, когда он приходил в наше село. Как только становилось известно, что к нам придет чӧрчӧкчи, женщины приготовляли много талкана, выбирали жирную овцу, устанавливали сосуды для гонки араки. Для чӧрчӧкчи сразу же начинали подбирать подарки: кожаные бутыли для араки, кисет, мешочки с талканом и табаком. Если ожидался Кабак, тогда особенно ценные подарки: изящная трубка, меховая шапка, два или три барана, а иногда даже конь. Когда сказитель приходил, все собирались в самом большом аиле. Сначала ели, курили и пили. Чӧрчӧкчи сидел на почетном месте с левой стороны от огня; рядом с ним на медвежьей шкуре лежал его топшур — длинный струнный инструмент. Вечером чӧрчӧкчи начинал петь и рассказывать. Чаще всего он рассказывал до утра, но бывало и так, что одна-единственная история занимала три ночи. Тогда все спали днем, а рассказы чӧрчӧкчи слушали от захода до восхода солнца. Это были все те же сказки и легенды, однако каждый чӧрчӧкчи рассказывал их по-своему. Когда рассказывал Кабак, нам казалось, что мы сами были вместе с героями и гигантами Алтая, — когда они переплывали через озера с отравленной водой, переезжали через огненные горы; когда они отыскивали и уничтожали духов-двойников своего врага и его коня в животе медведя или змеи; когда перед каждым серьезным испытанием они говорили со своим конем: «Черномордый, днем — мои крылья, ночью — мой спутник, посоветуй, что мне делать?» Однако, я ведь хотел рассказать вам легенду о кукушке. Так вот: здесь, в Улаганском аймаке, жил когда-то человек со своей женой и сестрой. Однажды он уехал в Монголию и не вернулся. Жена и сестра все время ждали его, пока кам не сообщил, что человек этот умер. Два дня сидела жена в аиле, плакала и жаловалась; она не поддерживала в очаге огня, и он потух. Но потом она встала, вытерла слезы, разожгла огонь и стала варить чай. Сестра же умершего продолжала сидеть и плакать — три дня, пять дней, полмесяца. «Не плачь, — сказала ей невестка, — он теперь на другом Алтае, там, где находятся зарезанный скот и жертвенные лошади; он не вернется, сколько бы ты ни плакала. Иди сюда, помоги мне собирать корни кандыка,

они уже спелые и сладкие». Но сестра ни за что не хотела забыть своего брата. «Если мой брат умер, то и я не хочу жить. Я хочу стать птицей и искать его труп». Как только она это произнесла, она начала уменьшаться в размере. Ее руки стали крыльями, ее нос превратился в клюв. Она взмыла ввысь так быстро, что ее невестка, бросившись к ней, успела схватить ее только за правый сапог, который стянула с ее ноги. Сестра же была уже птицей и вылетела через дымоход. Она полетела на восток, к монгольским горам, летела все дальше и дальше до тех пор, пока не нашла скелет своего брата под лиственницей в Кош-Агачском аймаке. Она села на самую высокую ветку и стала жаловаться ветру, который понес ее плач на север и на запад. «Ничего здесь нет, кроме лиственницы! Ничего здесь нет, кроме кучки высохших костей!» И сейчас она все так же продолжает плакать и жаловаться. Она осталась девушкой, и потому не может кормить своих детей; она кладет яйца в чужие гнезда, птицы выводят из них птенцов и кормят их. Сама же она сидит на лиственнице и жалобно кукует: Яш тыт, как сёёк! Яш тыт, каак сёёк!»[1].

Последняя округленная вершина. Мы — на перевале. Около жертвенного камня, который можно видеть на каждом перевале у дороги, пасутся две лошади. Тонкая полоска белого дыма поднимается над необработанной каменной глыбой, к которой прикреплены жертвенные дары за много лет — полуистлевшие полоски холста, высохшие и сморщенные шкуры.

В траве возле седла с привязанными вьюками лежат два жестяных ящичка. На каждом из них — одинаковая надпись, сверху на ойротском, снизу на русском языке: «Как и поп, Эрлик и святые не могут сохранить твое здоровье и вылечить тебя от болезней; если ты болен, обращайся к врачу!»

Адыйок, указывая на жестяные ящички, говорит: «Врач из Улагана. Значит, мы его еще встретим».

В Улагане, центре самого отдаленного и труднодоступного аймака, мы очень много слышали о молодом враче, который является первым и пока единственным там медиком. Нам показывали временный госпиталь, который он устроил в бывшем доме священника, а также леса, возведенные над боль-

[1] В этой сказке отразились родовые представления: единокровная сестра оказалась ближе умершему, чем его жена, взятая из другого рода. Сестра разыскивает кости своего брата, которые в ее глазах являются символом рода. Характерно, что слово «кость» и слово «род» обозначаются у алтайцев одним и тем же словом: сеок (прим. переводчика).

ницей, которая строится по его планам. Его самого нам, однако, видеть не пришлось: за несколько дней до нашего приезда он был вызван к одной беременной женщине; уже четыре дня она лежала в родовых муках — где-то в горах, в 60 или 70 километрах от Улагана.

А вот и он. Из-за жертвенного камня выходит худенький молодой человек в слишком больших для его роста ботфортах. Он знает, кто мы такие, потому что «табыш» о нашем прибытии пришел в Улаган задолго до нас. Он протягивает нам обе руки, восклицая:

— Это чудесно, что я вас еще застал! Я так радовался, что приехали гости из Европы, и вдруг в последний момент эти роды, потребовавшие щипцов. Пожалуйста, спуститесь немножко и выпейте со мной стакан чаю, он как раз готов.

— Русского чаю! — спешит он добавить, услыщав наши заверения, что мы с удовольствием посидим с ним полчасика, но что пить нам не хочется. — Русский чай с сахаром, а не алтайский с маслом и солью, хотя и алтайский совсем не плох, нужно только к нему привыкнуть.

За три года, что он здесь живет и работает, он стал наполовину ойротом. Он знает горы и знает людей Улагана: о чем они думают, что делают. Он говорит на их языке. В районе не бывает случая, чтобы во время серьезного заболевания к нему бы не обратились за советом и помощью.

— Однако так было не всегда, — произносит он после того, как пришла его очередь рассказывать. (Перед этим мы целый час рассказывали о нашем путешествии и отвечали на его бесчисленные вопросы о «том мире», о Берлине, Москве и Ойрот-Туре).

— В первое время все было по-другому.

Он приехал сюда сразу после окончания университета, из большого города, с Волги. Здешние места, люди, взаимоотношения казались ему более чем странными, они казались ему дикими и враждебными.

«Улаган и сейчас — самый отсталый район Ойротии, но разве можно сравнить его с тем, каким он был три года назад! Сейчас у нас 16 школ, 10 ликбезов, один временный госпиталь, два пункта неотложной помощи, две станции помощи роженицам, детский дом, кооперативы, почтовые отделения, агрономические консультации, ветеринарные пункты, детские ясли, курсы повышения квалификации. Три года назад этого ничего не было. Конечно, Советы существовали и здесь, уже с 1923 г., но они были в руках баев и зайсанов, поэтому до 1928 года, когда здесь появилась первая партий-

ная ячейка, господствовали почти такие же отношения, как до революции: на сто человек только один был грамотным; девять десятых населения были кочевниками; народ не знал даже, что такое телега и как запрягать лошадь. Зато здесь почти не было «язычников». Монахи Чулышмана и дьякон Ильтеев в годы борьбы с бурханизмом[1] провели большую работу: с помощью подкупленных зайсанов и под скрытым давлением жандармов почти все население было крещено. Вот и получилось, что самый отсталый аймак оказался на первом месте среди других уездов — по крайней мере в статистике Алтайской миссии.

До моего приезда больных лечили камы, шарлатаны и в очень редких случаях — фельдшера. Лечение в лучшем случае производилось так: когда больному уже ничто не могло помочь, к нему звали фельдшера, требуя, чтобы он сделал чудо. Очень часто бывало и так, что встретив фельдшера случайно в горах, больной обращался к нему с вопросом: «Ты можешь мне помочь? У меня временами покалывает в левом ухе». Фельдшер засовывал руку в свой карман, вынимал какой-нибудь порошок или пилюлю и продавал пациенту «чудодейственное средство». А бывало и так (у меня самого в первое время случались такие эпизоды), что посланец больного приходил и объявлял: «Бакыбай Тоныбаев упал с лошади, у него боль в груди и в голове; дай ему лекарство!» Несчастный лежал в пяти или шести километрах от меня, в глухом аиле, и, может быть, упал с лошади неделю назад. На меня очень сердились за то, что я не давал сейчас же лекарства, а хотел сначала осмотреть больного. Но в то время осмотреть пациента, который пришел на прием, не

---

[1] Бурханизм был религиозно-националистическим движением, боровшимся — хотя и средствами пассивного сопротивления — против колонизаторских и ассимиляторских устремлений царских чиновников и миссионеров. Основатель бурханистского вероучения Чот Челпанов реформировал шаманизм (при этом ламаизм служил отчасти образцом), покончил с принесением в жертву лошадей, призывал к отказу от всего русского, возвестил о воскресении Ойрот-хана, родоначальника всех ойротов. Когда во время революции 1905 г. бурханизм распространился по всему Алтаю, епископ миссии организовал поход в целях обращения жителей в христианство; поход этот начался страшным погромом, во время которого сотни безоружных бурханистов были искалечены и убиты. Макарий в награду за свои «богоугодные дела» получил епископство. В Томске его преосвященство организовал погром против передовой студенческой молодежи и революционно настроенных железнодорожников. Университет и здание Правления сибирских железных дорог были сожжены, опять — сотни погибших и раненых. И на этот раз он не остался без награды: епископ томский был назначен «преосвященным митрополитом московским».

представлялось возможным еще и потому, что люди отказывались раздеваться. Приходилось часами говорить с ними, чтобы они поняли, что врач не волшебник и не может видеть сквозь одежду. Тем не менее в первое время очень многие, особенно женщины, все-таки не соглашались раздеваться, они садились на коня и уезжали прочь».

Теперь, по его словам, все изменилось. Теперь каждый знает, благодаря «табышу», что у врача нужно раздеваться: только тогда он сможет помочь. Иногда даже посланец, приехавший звать доктора к больному, тут же начинает раздеваться.

«Впрочем, страх перед раздеванием был не единственной и не главной трудностью, с которой нужно было бороться. Гораздо сложнее было победить распространенный предрассудок, будто бы врач, так же как и кам, либо вылечит больного сразу, либо ничем не сможет ему помочь. Люди требовали, чтобы я в течение одного-двух часов превратил бы их из больных в здоровых, на более продолжительное лечение они не соглашались. Но помог случай — удачная операция. Это была первая операция, которую я должен был сделать через три или четыре недели после моего приезда. Кесарево сечение. Даже сегодня мне страшно вспомнить, при каких условиях мне приходилось производить операции в то время: моими ассистентами были две наспех и очень поверхностно обученные мною медсестры, с которыми я с трудом мог объясняться. Операционного стола не было; вместо него мы пользовались большим сундуком. Я кипятил инструменты в чайнике. Тампоны и бинты находились в коробке, подвешенной к дереву. Операция производилась под открытым небом, как это бывает во время войны на перевязочном пункте. Но хуже всего было то, что у меня абсолютно не было хирургического опыта: я ведь только что окончил университет. Как делают кесарево сечение, я никогда даже и не видел. Все мои познания я черпал из карманного руководства по хирургии, в котором я перед операцией несколько раз прочел главу о кесаревом сечении. Это была подлинная авантюра и притом такая, которая основательно треплет нервы, подавляет и волнует.

Вообще, моя практика была и остается непрерывной цепью авантюр. Я должен вырывать зубы, лечить детские болезни, накладывать шины на сломанные кости, ликвидировать экзему. Мне приходится совмещать в одном лице терапевта, хирурга, невропатолога и гинеколога. Я должен выступать с докладами о «санитарном минимуме» и подготав-

ливать акушерок. Я должен руководить строительством новой больницы и обследовать фельдшерские пункты. Я должен изготовлять мази, регистрировать выданные медикаменты в особой книге и посылать отчеты в Ойрот-Туру. В течение месяца я должен принять триста пациентов и около двадцати человек посетить на дому. Бывает, что к больному нужно ехать за 100 км, при этом два дня пропадают для какой-либо другой работы, и потерянное время приходится наверстывать ночами.

Быть пионером? Вести борьбу на передовой линии? Все это я уже слышал, и это действительно хорошо. Чувствуешь, что ты нужен, полезен, что ты служишь большому, бурно растущему делу, это — прекрасное чувство. Но порою хочется хотя бы часок иметь для себя, почитать книгу, — нет, не роман, так далеко мои желания не простираются, — прочесть научный труд. Ведь хочется быть в курсе выходящей литературы, пополнять свои знания... А впрочем, что я говорю? Будет у нас время и для чтения, даже для чтения романов. Ждать нам осталось не так уж долго. Еще года два и все будет в порядке! У нас будут новые кадры — врачи, инженеры, аптекари, механики. Люди вокруг так растут. Поднимаются снизу. Повсюду. Растут, говорю я вам, растут! И если вы приедете сюда еще через пару лет...»

Перевод с немецкого Е. Дружининой.

ФРАНЦ КАРЛ ВАЙСКОПФ (1900—1955) родился и вырос в Праге. Родным языком его был немецкий. В 1919 году поступив в Пражский университет (по специальности история и германистика), он примкнул к социалистическому движению молодежи и становится членом социал-демократической партии. В 1921 году, когда социал-демократическая партия раскололась, он вступил в коммунистическую партию Чехословакии. Со студенческих лет Вайскопф вместе с Юлиусом Фучиком, Ярославом Гашеком сотрудничает в рабочей печати. Неоднократно подвергался судебным преследованиям за выступления в защиту Советского Союза. В этот период жизни он выступает со сборником стихов «Бьет барабан» и сборником новелл «Бегство во Францию».

В 1928 г. Вайскопф, считая, что немецкий писатель должен жить на родине его родного языка, переезжает в Берлин. Здесь им было опубликовано несколько сборников новелл и закончена книга с описанием его второго путешествия в Советский Союз — «Будущее в строительных лесах» (первая поездка состоялась в 1926 г., в результате которой появилась книга репортажей «Прыжок в 21 столетие»). После поджога рейхстага и захвата власти фашистами Вайскопф возвращается в Прагу. Наиболее значительным произведением этого периода является его антифашистский роман «Лисси». Когда фашистский поток поглотил Чехословакию, он эмигрировал в Париж. Вторая мировая война надолго задержали его в США, куда он приехал для участия в конгрессе

прогрессивной Лиги американских писателей с докладом «Литература в условиях фашизма». В годы эмиграции Вайскопф активно занимался текущей политической работой. Он способствовал тому, чтобы писатели Анна Зегерс, Эгон Эрвин Киш, Александр Абуш и другие были спасены от фашистских концлагерей. Его романы «Перед новым днем», «Отряд возносящихся на небо» явились свидетельством борьбы автора с фашизмом средствами литературы.

С 1948 г. Вайскопф — посол Чехословакии в США, Швеции и Китае. В 1953 г. он снова возвращается в страну своего родного языка — Германскую Демократическую Республику. Возглавил журнал «Новая немецкая литература», был избран в президиум Союза немецких писателей и немецкой академии искусств. 30 книг — романов, стихов, репортажей, статей, переводов — таково литературное наследие Вайскопфа.

Всю свою жизнь он был страстным пропагандистом достижений советского народа. «Его любовь к первому в мире рабоче-крестьянскому государству, его веру в него невозможно было поколебать, — пишет А. Веддинг. — Когда немецкие фашисты напали на Советский Союз и гитлеровские солдаты стояли уже перед Москвой и многие стали проявлять малодушие, он и в этот период ни минуты не сомневался в конечной победе Советской страны. Ведь он был марксистом и знал советский народ, с которым встречался «на строительстве лучшего будущего».

А. ВЕДДИНГ

НАШ ГИД АДЫЙОК[1]

Я имела счастье сопровождать Франца во время его путешествия в 1932 г., которое мы предприняли без официального приглашения и по нашему собственному плану... Франц владел русским языком и со всеми быстро находил общий язык. Начиная с Москвы, откуда мы выехали в «жестком вагоне», в котором провели немало дней, и до границы Монголии, где несколько дней путешествовали верхом по Уймонскому хребту через Кош-Агач и Улаган, — всюду он схватывал новое, значительное; однако и в малом он умел заметить признаки нового времени. Ежедневные стенографические записи его наблюдений составили вскоре множество записных книжек. Он любил точные детали. У него были записи о коллективизации и связанных с нею трудностях, цифровой материал о гигиене и физическом состоянии народа, о техническом прогрессе и о многом другом. Однако главное место занимали портреты людей: рассказы и размышления наших спутников об их жизни...

Мне никогда не забыть путешествия в страну ойротов — к рассеянным среди высоких Алтайских гор кочевникам, которые как раз в то время стали жить оседло и создавать колхозы. Нашим гидом был бывший пастух Адыйок, учившийся

[1] Из послесловия Греты Вайскопф к книге: F. C. Weiskopf. Umsteigen ins 21. Jahrhundert. Berlin, s. 245.

в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока и вернувшийся на родину в качестве учителя. Он хорошо знал названия неизвестных нам цветов, деревьев и снежных вершин. Он хорошо понимал людей и их язык, знал, что они думают и чувствуют. Он познакомил нас со своей собственной жизнью и историей своего народа, с песнями, сказками и легендами. Он поведал нам о первых шагах ойротов на пути к светлому будущему. Целый месяц путешествовали мы вместе с Адыйоком верхом на конях по альпийским лугам и горным хребтам его родины. Мы питались бараниной, пили алтайский чай с маслом и солью, а также пенящийся кумыс. Мы спали у костров на широких мягких шкурах под синим кобальтовым небом, усеянном множеством звезд.

Из этого путешествия, составившего 18 тыс. км прекрасного, но вместе с тем и очень утомительного пути, Франц приехал в Москву больным; встречи с людьми, открывшими на Востоке новую страницу истории, в полной мере вознаградили его за все трудности, встретившиеся в пути. В Берлин он вернулся укрепившимся в своей вере в неисчерпаемые силы людей, вдохновленных социалистической идеей.

Перевод с немецкого Е. Дружининой

АЛЕКС ВЕДДИНГ (1905—1966) — прогрессивная немецкая писательница-антифашистка, имя которой хорошо известно в ГДР и за рубежом. С 1933 г. А. Веддинг, как и многие честные художники, вынуждена жить в эмиграции. После окончания войны в качестве инкорреспондентки работает в Швеции и Китае. С 1953 г. жила и работала в Берлине. Ею написано более десяти книг для детей и юношества, множество критических статей, посвященных различным проблемам детской и юношеской литературы, в первую очередь проблемам политического, гражданского воспитания подрастающего поколения. Коммунистка с 20 лет, она всю свою общественную и писательскую деятельность посвятила борьбе за утверждение высоких коммунистических идеалов мира, гуманизма, пролетарского интернационализма.

А. КОПТЕЛОВ

МОЙ ДРУГ

1

Павла Кучияка я знал в течение двенадцати лет. Он часто гостил у нас в Новосибирске, когда привозил для журнала «Сибирские огни» и для издательства свои новые произведения.

Я, в свою очередь, почти ежегодно бывал у него в Горно-Алтайске.

Весной, летом, зимой мы бродили по горам Алтая, охотились на косуль, ловили хариусов в быстрых реках. Иногда заседлывали лошадей, наполняли переметные сумы сухарями и отправлялись на полтора-два месяца в далекую поездку.

Он любил путешествия, подобно исследователю, открывающему для мира неизведанное.

Он увлеченно изучал жизнь своего народа и открывал для нас, его друзей и читателей, все новые и новые черты вчерашних кочевников, только что вступивших в иную жизнь.

Вся жизнь Павла Кучияка была большим и увлекательным путешествием: из дымной юрты в светлый дом, из глухого урочища в город, из среды неграмотных охотников в среду советских писателей, из семьи полудиких язычников в большую семью передовых народов мира, из мглы и мрака тесной долины на вершину современной культуры.

Это было большое и славное путешествие! Путешествие-счастье!

2

Я вижу его живого — друга, писателя и актера.

Он стоит на подмостках клуба в Белокурихе, веселый, улыбающийся, приглашает зрителей в большое путешествие по Алтаю:

— Мы поедем по солнцу — из долины в долину. Первой на нашем пути будет Чоя. Там — тайга. В тайге — много ягод. И много речек. Ходить трудно... Девушки там поют вот на такой мотив...

Он поет сначала по-алтайски, потом по-русски народную песню:

Черная смородина за речкой
Хороша, да как туда попасть?
Черноглазый паренек, хорош ты, —
Только где мне повстречать тебя?

Перекинув мостик, — ягод черных
Наберу два полные ведра, —
На один схожу и полюбуюсь
Черными глазами паренька.

— Едем дальше, поворачиваем к югу, в Турачакский аймак. Там — Телецкое озеро. Золотое озеро, как у нас говорят. Там — другой мотив. Плывет теленгит на лодке и поет:

В сукна алые да в шелка
Застилаются рек берега.
Э-эй, у веселой весенней воды —
Как нам весело — молодым!

Зал дружно аплодировал талантливому актеру, а он, подождав немного, подымает руку и с улыбкой объявляет:

— Ну вот, переплыли Телецкое озеро. Теперь мы в долине Челушмана. Там горы — как стена. Наверху — снег, внизу — жарко. Там сеют пшеницу. Люди живут иначе и поют на другой мотив:

Что же красиво в долине широкой?
Полосы хлеба — пшеница, ячмень.
Кто же красивее? Да ты, черноокая,
Ясная, словно бы солнечный день.

Затем все мы, слушатели, мысленно пересаживаемся на верховых коней и с песнями едем к охотникам Башкауса, к скотоводам Кош-Агача. И песни звучат убыстренно, в такт поступи лошадей, бегущих «трухней». Мы видим охотника, разжигающего костер в тайге, видим пьяного скотовода, возвращающегося из гостей. В каждом аймаке, в каждой долине — свой основной мотив, свои песни. И Кучияк кочует с песнями по горам Алтая.

— Мы приехали с вами, — говорит он, — на самый юг нашей области, остановились на берегу мутноводной Чуи. Лошади наши пасутся, щиплют маленькую серую травку, а мы сидим у костра, отдыхаем. И песня отдыхает где-то в горах. Пока она снова не пришла к нам, займемся музыкой.

Павел Васильевич берет дудку, срезанную в лесу, и показывает зрителям:

— Шоор. На нем любят играть молодые пастухи.

Он встряхивает головой, играет долго, увлеченно, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

На смену дудке в его руках появляется чуть заметная стальная скобочка с тонким язычком — комус.

— Девушки и парни на этом инструменте объясняются в любви, — говорит артист, берет скобочку в зубы, ударяет пальцем по стальному язычку. — Вот так вот, будто слова выговаривают.

И нам кажется, что вокруг нас — тайга и что где-то под корнями деревьев звенит маленький, невидимый ручеек, потом доносится трель соловья, но вскоре сменяется шепотом, готовым в любую минуту превратиться в искрящийся девичий смех.

Затем мы видим топшур, сделанный из кедра, похожий на балалайку. Музыкант ударяет по волосяным струнам, и голос его начинает гудеть, как гудит в полете шмель, вырывается несколько слов, сказанных речитативом, и строчка заканчивается тем же протяжным:

— У-у-у-у-у...

Кучияк поет начало былины о каком-то богатыре, и в голосе его — что-то старческое, древнее-древнее. Порой кажется, что на сцене шелестят полуистлевшие страницы книги веков, осторожно и благоговейно перевертываемые седовласым чтецом.

— Хватит, — снова слышим мы голос Кучияка, оборвавшего песню минувших столетий. — Это очень длинно, — объясняет он. — Дедушка Шонкор пел три ночи подряд...

Он кладет топшур на столик и повертывается к нам веселым, немножко озорным парнем:

— Кони отдохнули, сладкой травы поели — можно ехать дальше. Все берегом и берегом. Слева шумит быстрая Чуя, справа — горы до неба: заблудиться негде. Ночью луна дорогу покажет. Чуя впадает в Катунь. Луна плывет над этой рекой, все выше и выше — тут ее дорога. И мы поедем за ней — по берегу Катуни. Перед нами Уймонская долина. Большая, гладкая, на озеро походит. Солнца там много, зелени много, снега на горах много, всего там много. Алтайцы живут рядом с кержаками, песни их слушают, себе чего-то маленько берут.

И, в самом деле, песня становится протяжной и чуть-чуть знакомой, — есть в ней что-то от наших старых русских «проголосных» песен, какие в Уймонской долине на гуляньках любят петь русские старожилы.

Из Уймона — две дороги: одна — колесная, в Усть-Канский аймак, другая — верховая, через Терехтинский перевал в Онгудай. Кучияк избирает последнюю.

— Мы с вами еще не были на горах, где лежит вечный снег, — говорит он.

И мы поднимаемся на высокий перевал, едем по снегу, слушаем песни гор. Потом мы спускаемся в долину и поздним вечером встаем в большой круг парней и девушек. Они покачиваются из стороны в сторону и поют новые песни — кто какую придумает.

Нам остается еще три аймака: Усть-Канский, Шебалинский и Эликманарский. В каждом из этих аймаков звучат иные песни, отличающиеся и по мотиву и по содержанию от всего, что мы слышали раньше. Наконец, мы возвращаемся в город, и нам жаль, что наше увлекательное путешествие уже окончилось. Но наш проводник, певец и рассказчик, знает, что нам не хочется расседлывать лошадей, и с лукавой улыбкой просит извинить его:

— Когда мы с вами были в долине Башкаус, я забыл спеть две песни. Слушайте «Охотничью кабаржинную». Слов мало, музыки много. «Слушай меня. Я иду, я иду...» Вот и вся песня. Споем раз и опять начнем.

Он закидывает голову, смотрит как бы на небо, слегка приоткрывает рот, и мы слышим то скрипку, то звон крошечных серебряных колокольчиков, то щебет птиц, а порой и что-то такое, что ни с чем сравнить нельзя. Мы сидим, затаив дыхание, и смотрим на певца. И всем нам кажется, что тут какой-то обман зрения. В самом деле, стоит только на секунду закрыть глаза, как тотчас же вся сцена заполнится музыкантами: вместо одного человека будет оркестр.

Человек-оркестр обрывает враз и музыку и песню. Он не ждет аплодисментов и раньше, чем мы успеваем прийти в себя, указывает рукой куда-то вверх:

— Вон на скале стоит кабарга — меня слушает. С этой песней можно подойти к ней близко. Так делают хорошие охотники. Я тоже так делал.

Вспомнились многочисленные поездки по Алтаю. Я видел много охотников, слышал много песен, но нигде не встречал ничего, хотя бы отдаленно похожего на «Охотничью кабаржинную» Павла Кучияка. Человек-оркестр, как его называли в шутку, был единственным и неповторимым на всем Алтае. Но он скромно уверял нас:

— Эту песню я слышал от старика-охотника. Он привез ее из Тувы...

В заключение этого оригинального концерта-путешествия Павел Васильевич исполнил «Охотничью колыбельную». В ней еще меньше слов, чем в первой песне. Все содержание — в трех словах: «Спи, дитя, спи», но «музыкальное сопровождение» в ней гораздо богаче, ярче и сложнее.

Певец закрывает глаза, мускулы его жилистой шеи напрягаются до предела, и она становится красной, словно все больше и больше раскаляется огнем его души.

Человек-оркестр, поэт и сказочник сошел со сцены под восторженный всплеск аплодисментов. Путешествие закончилось, но в памяти слушателей оно будет жить до конца их дней...

КОПТЕЛОВ АФАНАСИЙ ЛАЗАРЕВИЧ — один из зачинателей советской литературы в Сибири, автор многочисленных романов, повестей, рассказов и очерков.

«Край у вас многоязыкий. Вы, сибиряки, должны помогать писателям малых народностей...» — так напутствовал М. Горький писателей-сибиряков, делегатов Первого Всесоюзного съезда писателей, в числе которых был и А. Л. Коптелов.

Имя писателя неразрывно связано с историей алтайской литературы. Он — неустанный исследователь и популяризатор литературы Горного Алтая. При его непосредственном участии начиная с 30-х годов и по сей день выходят сборники героического эпоса, народных сказок и произведений алтайских писателей. Его многочисленные статьи, очерки явились

первыми литературоведческими исследованиями по фольклору и художественной литературе алтайцев. В творчестве А. Л. Коптелова нашла выражение одна из замечательных особенностей русской советской литературы Сибири — обращение к историческим судьбам народов своего края. Его роман «Великое кочевье» отражает переломный этап — процесс коллективизации, сыгравший величайшую роль в историческом переходе алтайцев от патриархально-феодального уклада жизни в новое, социалистическое общество. Потому «это познавательно ценная и художественно сильная книга получила право на долголетие в нашей художественной литературе» (Л. Сейфуллина).

Роман «Великое кочевье» изучается на уроках родной литературы в национальных школах Горно-Алтайской автономной области. Знакомство с жизнью и творчеством А. Л. Коптелова помогает учащимся лучшим образом усвоить интернациональный характер советской литературы.

Романы «Великое кочевье», «Сад», повести «Снежный пик», «Навстречу жизни» изданы на языках народов СССР и за рубежом. Но главной заслугой писателя является создание им трилогии о Владимире Ильиче Ленине — романов «Большой зачин», «Возгорится пламя», «Точка опоры».

В настоящем издании публикуется небольшой фрагмент из очерка А. Л. Коптелова «Путь через века», а также его переписка с П. В. Кучияком.

И. КАТАЕВ

ИСКУССТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАРОДА

Под Москвой, в Голицынском доме отдыха, сейчас живет ойротский поэт Павел Кучияк. Это человек редкостной одаренности. В своей Ойротии он олицетворяет собой едва ли не все искусства. Он там единственный член Союза писателей, поэт, прозаик, драматург, критик, наставник подрастающих поэтов, фольклорист, режиссер, он — выдающийся актер, музыкант, владеющий всеми национальными инструментами, и певец, несущий в своей изумительной памяти все песни, все мелодии родной страны.

Но прежде всего и больше всего Кучияк — национальный рапсод-сказитель и в то же время поэт, печатающий свои стихи.

Пока мы ездили, он рассказывал нам сказку за сказкой, у костра на ночевке, и на ходу, и в седле; он пел былину за былиной. И мы поняли скоро, что Кучияк носит в себе огромный и драгоценный груз поэтического богатства своей древней национальности, и это богатство не омертвлено в нем, а живет, бродит и постоянно растет.

Народ знает его.

Мы следили: где бы ни появился Кучияк, в самом глухом урочище, в самом заброшенном, одиноком ауле, — всюду

оборачивались к нему все лица, и на лицах тотчас всходила улыбка, ему кивали и протягивали трубку и чашку с чегенем. И с первой же его фразы все мгновенно оживало вокруг, возникало веселье, душевный подъем и особое напряжение ожидания.

И Кучияк знает свою страну. Он изъездил все долины и перевалы как охотник и рыболов, как журналист, как агитатор юрты-передвижки, как работник аймачного (районного) парткома, потому что он — не только поэт и артист, но и просто гражданин и строитель своей страны.

Недавно Кучияк приехал по своим делам в Москву. Служащие национального сектора нашего союза, разумеется, не проявили к нему ни малейшего интереса, хотя мы привели его в союз и рассказали то, что знали о нем. Но ему удалось попасть в Голицыно. Он работает там и говорил мне, что впервые в жизни живет в отдельной комнате. Дома, в Ойрот-Туре, у него шестеро детей... Жизненный путь этого поэта — основоположника социалистической ойротской культуры — вообще нельзя назвать беспечальным.

Но вот я беру одну из его сказок. Она только что написана. Кучияк слышал ее от своего деда по матери около четверти века назад и сберег в своей могущественной памяти. Конечно, здесь много и от нынешнего Кучияка, ойротского литератора 30-х годов. Мы как бы присутствуем при таинстве рождения новой цивилизации: на наших глазах национальная словесность становится литературой.

Сказание называется «Темир-Санаа» — «Железный ум». Вы здесь слышите древние тюркские корни. Это бедняцкий эпос: на Алтае страстно хотели, чтобы в песнях слабый и пропащий становился сильным и побеждал знатного и злого, и это всегда хорошо умел проявить и выделить Павел Кучияк. А здесь, в «Темир-Санаа», та особенность, что бедный, но могучий от роду (маатыр) нарочно прикидывается ничтожным и лядащим, чтобы хитростью разить врагов. Но не на этом я хочу остановить ваше внимание.

Вот строки из финальной части этого сказания (в дословном переводе):

Тут его Темир-Санаа маатыр
На три мерге поднял,
К белому небу поднес,
К синему небу приблизил
И о черную стальную гору
Сына старшего Деека ударил.
Пополам вражеский сын разломился,
Из нутра его выскочила красная лисица,
По направлению к черному аду
Быстрее ветра побежала.
Темир-Санаа маатыр

На своего железно-серого коня садился,
Черную стальную саблю поднял,
За красной лисицей погнался.
На один шаг она до ада не добежала,
Как Темир-Санаа маатыр
Черной стальной саблей ее ударил.
Где стальной сабли острие вонзилось,
Оттуда выпорхнул серый птенец перепелки
И улетел прямо на дно неба.
Тут железоподобный сине-серый конь
Упал на землю и стал кататься.
Тотчас налетела могучая буря,
Выше коня снегу навалило,
Желто-красный мороз ударил.
Тогда Темир-Санаа маатыр
На луку седла луну поставил,
На ладонь свою солнце поставил.
Серый птенец перепелки,
От мороза спасаясь,
Спустился к луне и солнцу,
Сел к Темир-Санаа на ладонь...

Так пишет Павел Кучияк свои сказания, былины, песни. Мне почему-то захотелось взять то, что вышло из-под его пера вот только что, при мне. Но есть страницы алтайского эпоса, где декоративность, узорность текста выражена еще сильнее, где странные краски горят еще резче, где все перевито иносказаниями, усыпано метафорами, а гипербола возводит весь мир в кубическую степень. Но я буду говорить об этом дальше — об условности выразительных средств в народном творчестве и о том, как быть с этим городскому писателю, который хочет черпать из этих родников. Тут мне только хочется отметить, что внешняя условность алтайского национального эпоса, как всякого другого, бесконечно далека от вычурности и бесполезной сложности столичной буржуазной литературы периода ее окончательного вырождения.

Там, у народа, — причудливость, а здесь — манерность. Там — детски-радостная игра воображения, здесь — старчески-усталое невнятное бормотание. Там — сквозь все узоры всегда светит ясный, реалистический, вещий народный разум, здесь — перед нами угасающее бессильное сознание. Словом, одно явление отличается от другого, как утренний рассвет, пусть иногда и туманный, от последних вечерних потемок.

Я хочу еще сказать, что надо бы почаще взвешивать работу такого поэта, как Павел Кучияк (а я думаю, он не единственный в Советском Союзе), работу этого сына шамана, ставшего настоящим сыном народа, и сопоставлять ее с жизнью и деятельностью иного из наших московских поэтов. Чья работа благородней, шире, нужнее? Ответ, по-моему, ясен. И из этого можно сделать несколько совершенно практических выводов.

Я рассказал о Павле Кучияке только для того, чтобы подойти к вопросу о жизненной задаче русского советского писателя. Может ли советский писатель, серьезно относящийся к своему призванию, не включать в свое творческое сознание образ народа из семьи народов Союза, — народа, вышедшего из безвестности на дорогу истории, созидающего свою и нашу общую культуру?

Без этого представления, по-моему, невозможно постигнуть нашу действительность, без него нельзя думать, понимать, писать. А ведь это нельзя получить стороной, понаслышке, нельзя вычитать из газет, из книжек, тем более что большинство книжек этого рода плохи. Надо, чтобы такой образ вошел в художественную кровь, обращался бы вместе с нею, участвовал бы в работе воображения. Для этого его нужно найти и воспринять самому, только самому...

Узнать хотя бы один из малых народов и подружиться с ним... А разве можно обойтись без знания великой национальности еще хотя бы одной из союзного созвездия, кроме той, к которой принадлежишь сам?

КАТАЕВ ИВАН ИВАНОВИЧ (1902—1938) — русский советский писатель, автор рассказов и повестей («Сердце», «Поэт», «Ленинградское шоссе», «Жена», «Молоко», «Хамовники», «Встреча» и др.). Участник гражданской войны, друг и соратник А. А. Фадеева, с установлением советской власти находится в гуще литературно-общественной работы: ответственный секретарь организующейся в 1929 году «Литературной газеты», член оргкомитета Союза советских писателей (1932), а затем член его правления (с 1934 г.).

Летом 1935 года И. Катаев вместе с Кучияком совершает путешествие по Горному Алтаю. Три тысячи километров они проехали — на машине, верхом на конях, пешком — по горным перевалам, таежным тропам, заглянули в самые отдаленные уголки автономной области. Впечатления от этого путешествия легли в основу его рассказа — «Под чистыми звездами».

Статья И. Катаева «Социалистическое искусство народа» является его выступлением на общем собрании московских писателей 31 марта 1936 года, впервые опубликованном в сборнике писателя «Под чистыми звездами» (М., «Советский писатель», 1969). В нашем сборнике статья печатается с сокращениями.

М. ТЕРЕНТЬЕВА

ДРУЖБА

«Горячий июль доцветал в Уймонской долине, но все той же первородной свежестью дышал Алтай; высокая трава предгорий казалась голубоватой от влажности, и речная вода хранила холодок поднебесных снегов».

Так начинается рассказ Ивана Катаева «Под чистыми звездами» о людях и природе Алтая, рассказ, наполненный живым ощущением красоты, силы и неповторимости этого края, воздухом и светом алтайских лесов, гор и долин.

Этот, последний в жизни Ивана Катаева, рассказ был написан им в 1936 году сразу после поездки по Алтаю. В поездке его с московскими товарищами сопровождал алтайский писатель Павел Кучияк, наилучший проводник по труднодоступным горным тропам и перевалам. В этом путешествии и зародилась дружба между Катаевым и Кучияком...

И когда к нам в дом, в гости к Ивану Катаеву, вошел высокий человек, смуглый и скуластый, и открыто и в то же время застенчиво улыбнулся, мне показалось, что знакомы мы давно. Ведь Катаев, вернувшись из алтайской поездки, много и увлеченно рассказывал о новом своем друге, Кучияке, о его удивительной одаренности, о внимательности, дружеских, ненавязчивых советах в пути. Что может больше сблизить людей, чем дорога и общая любовь к искусству? Путешествие верхами в диких горах, опасности и трудности, и все новые и новые сказания и песни, душа этого края...

Кучияк отряхивал от снега высокую шапку и мохнатую куртку и говорил:

— Вот не думал, что в Москве такая метель. Ветер говорит мне: «Так тебе и надо, кулугур[1]! Зачем приехал?».

Усевшись, обогревшись, он все еще улыбался:

— Я из Новосибирска. Отдал дедовскую сказку в «Сибирские огни». Хорошо жил. Умный человек, писатель Михаил Никитин, беседовал со мной, по городу меня водил и сказал:

— Поезжай в Москву. Тут рукой подать.

— Я отвечаю: «Дорогой друг Иван Катаев приглашал меня». А тут — рукой подать. Вот я и ввалился к вам, как таежный медведь.

На другой день Катаев с Кучияком пришли в национальный сектор Союза писателей. Вначале там не проявили большого интереса, но удалось все же немало. Кучияк был устроен в Дом творчества Литфонда в поселке Голицыно.

К вечеру на встречу с нашим гостем пришли друзья: Николай Зарудин, Борис Губер, еще несколько человек писателей и журналистов, все с женами. Стало оживленно, тесно. Зашел и Александр Фадеев послушать алтайского певца.

Мне привелось слушать Кучияка, когда он выступал с большой и разнообразной программой в Доме литераторов: пел, показывал яркие сценки с шаманской пляской, смешил и удивлял; помню его успех у столичных литераторов, но

---

[1] Кулугур — плут.

больше всего запомнилось мне его первое выступление в дружеском кругу, в домашней обстановке. И не просто экзотика, необычность привлекали в пенье Кучияка: в его исполнении было подлинное мастерство, в мелодиях, то протяжных, то диковато порывистых, — упрямая сила и в то же время — наивность, детская открытость. В тесную комнату ворвался древний охотничий клич и неторопливые пастушьи напевы. У него был бас, но голос необычайной гибкости. Свободно звучало у него и горловое пение, вероятно, свойственное алтайцам. Казалось, переливались два разных голоса, и мелодия и непонятные слова говорили о чем-то трогательном и значительном. Держался Кучияк оживленно и радостно, чувствовалась прирожденная артистичность. Иногда он коротко и сбивчиво переводил содержание песен, иногда же увлекался настолько, что забывал об этом. А может быть, в эти моменты одержимости он и русский язык забывал и даже где он находился...

Когда он кончил, после шумного веселого одобрения начался оживленный разговор. Говорили, что в алтайской поэзии, впрочем, как и в песнях многих других народностей, добрые силы побеждают зло, ум и доброта торжествуют над жадностью и богатством. Затем была намечена программа жизни Кучияка в Москве: выступления, вечера, поездки. Фадеев обещал помочь в организации вечеров в Доме литераторов и в Доме народного творчества. А Кучияк, успокоенный, растроганный добрым отношением, раскрывал свои сокровенные мысли:

— Моя мечта — создать алтайский национальный театр. Ездить по самым далеким урочищам, по аилам. Там еще камы-шаманы бьют в барабаны и по мозгам людей. Пусть все, самые бедные и дикие, узнают силу нашего театра, нашей правды.

В начале февраля Кучияк уехал в Голицыно. Небольшой двухэтажный дом в небольшом тенистом саду. Народу немного, в доме всего девять комнат. В столовой за общим, совсем «семейным» столом ведутся интересные беседы. В первый же вечер к Кучияку в комнату зашла директор дома Серафима Ивановна, поинтересовалась, все ли у него хорошо. Было в ней что-то удивительно располагающее, материнское и доброе. И работу свою она понимала шире, чем только организационное и хозяйственное благополучие дома; в жизнь людей, приехавших поработать, а иногда и отдохнуть, она вносила душевность и отзывчивость. И Павел почувствовал себя здесь хорошо, даже уютно. Он много работал, писал, переводил и жадно читал, читал. За время, проведенное в Голицыне, как сам он признавался, прочитано было им больше, чем за

всю жизнь. Какие неизмеримые ценности открылись ему на сороковом году! Пушкин, Толстой, Горький, Бальзак, Флобер. И не на ходу, не в спешке, не среди десятка других дел, а так, что можно было продумать, пережить, а что-то особенно дорогое перевести на свой родной язык.

И к тому же Кучияк не чувствовал себя одиноким. Люди в Доме подобрались талантливые и душевные: Егише Чаренц, Муса Джалиль, Эми Сяо, Виктор Финк... Они дружелюбно, внимательно относились к алтайскому рапсоду. «Наш интернационал!» — шутил Джалиль, оглядывая это разноликое общество.

Было у Кучияка немало друзей и в Москве. В своих коротких, отрывистых дневниковых записях он пишет:

25/2. Приезжал дорогой друг Катаев И. И. Ему я был очень рад.

7/3. Показал рассказ Катаеву И. И. Он посмотрел немного и вроде хотел сказать: «Перевод не очень»...

3/5. Выступал в клубе НКВД. Ночевал у Катаева И. И.

У нас Павел бывал часто. Иногда забегал ненадолго: взять нужную книгу, рассказать о своих делах. Охотно, с детской непосредственностью любил Павел повозиться с нашим семилетним сынишкой Юркой. Павел скучал о своей семье, посылал деньги, с тревогой ждал писем и радовался каждой весточке из дому.

Как-то, вернувшись домой, я застала веселую картину: Кучияк, уже в шапке, порывается уйти, а на нем виснут Юрка и еще двое соседских ребятишек.

— Покричи еще как охотник!

— Расскажи, почему бурундук полосатый.

— Покажи, как медведь бурундучка гладил: «Хороший, хороший!»

— Нельзя, в редакцию «Колхозника» надо!

— А что там будешь делать?

— Буду деньги выбивать.

— Покажи, как будешь выбивать.

Лицо Павла вдруг стало несчастным, почти плачущим, он сел в углу на пол, поджал ноги, закачался, заговорил жалобно:

— Ой нужда, нужда, плохо. Шестеро детей, мал мала, поить-кормить надо?! Пятьсот рублей дадите, все пошлю детям! А мне что? Крыша есть, суп дают... Шестеро мал мала...— причитал он, но мальчишки смеялись. Кучияк вскочил, увидел меня:

— Вы думаете, я все шучу, — хитровато подмигнув, сказал он. — Репетирую важный разговор в редакции «Колхозника».

И, махнув нам рукой, убежал.

Мартовским прозрачным вечером, когда в городе уже сошел снег и пахло мимозами, мы втроем — Кучияк, Катаев и я — поехали на концерт в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока). Кучияк был взволнован: в конце 20-х годов он был здесь студентом, учился три года. Пролетело время, сбылись ли мечты, надежды?

Ярко освещенный зал был переполнен. Меня поразила одинаковость лиц у молодежи, заполнявшей ряды и стоявшей в проходах. Но потом за общей смуглотой и узкоглазостью я разглядела разнообразие в чертах, в выражении этих молодых лиц. Каких только, даже неведомых мне прежде, национальностей здесь не было! Таджики, буряты, башкиры, алтайцы... Выступала самодеятельность: незнакомые пляски, непривычные мелодии неслись со сцены. Кучияк был гостем, но близкий всем и обликом, и жизнью, совсем свой! Земляки его встретили бурной радостью, овациями, а когда концерт окончился, окружили тесной толпой. Павел Васильевич, бывавший в самых дальних районах Алтая, знал их семьи, как говорится, с ними «детей крестил». Посыпались восклицания, вопросы. Но постепенно серьезные, строгие парни деликатно посторонились, и Кучияк оказался в кольце разрумянившихся девичьих лиц.

— Девушки тебя любят, — пошутил Иван Катаев.

— Еще бы, — серьезно и даже горделиво ответил Павел. — Я им как отец родной. Их понимать надо. Свою первую поэму я написал о девушке-батрачке. Называется «Арбачи».

— А мы читали «Арбачи». Она настоящая героиня, — сказала одна из девушек. Черные глаза Павла засияли, он был счастлив. Совсем юная девушка с темными косками в грубошерстном мальчишечьем свитере спросила доверчиво:

— Как с парнями быть? Скучаем по дому, гулять хочется, а станешь с ними гулять — обижают... — совсем смутилась она.

Кучияк отвечал длинно и сложно, наподобие доклада «О моральном облике...». Но слушали его с трогательным вниманием, задавали вопросы. Видимо, тема о достоинстве девушки, о верности и любви была очень важна для них.

Как-то мы познакомили Кучияка с нашим гостем из Армении, Герегином Есаяном, начальником политотдела одного из больших плодоносных районов близ Арарата. Наши гости оживленно беседовали вдвоем, не обращая внимания на меня, занятую своими делами. Есаян говорил о необыкновенных свойствах нового сорта винограда, о перспективах виноделия, а Кучияк о новых заповедниках для маралов, о целебных качествах пантов. Каждый доказывал что-то свое,

важное, а потом они неожиданно перешли на разговор о русских людях и душевно, с восторженной влюбленностью отозвались об Иване Катаеве.

А он через несколько дней в своей речи 31 марта, в речи, обращенной к московским писателям, говорил:

«Все богатство новых идей, ощущений, фактов, почерпнутое из братской национальной культуры, должно служить писателю постоянным питающим источником мышления и творчества; и это богатство необходимо бесконечно растить, проверять, углублять в непрерывном содружестве и сотрудничестве с этой культурой. И уж, конечно, не достичь этого ни банкетами, ни бригадами, ни взаимными коллективными комплиментами, как мы это главным образом делали до сих пор, но только личным, личным общением да притом таким, которое считаешь одним из важнейших дел в своей жизни. А без этого общения, — повторю то, что сказал применительно к малым народам, — ныне невозможно ни жить, ни думать, ни писать. И без этого нам не построить народной литературы, которая справедливо противопоставляется формализму и которую, прежде всего, нужно понимать и готовить как литературу народов.

...Проходят величественные годы, я назвал бы их годами первого знакомства народов, ранее полюбивших друг друга заочно и утвердивших эту любовь в совместной борьбе. Вы знаете ту прекрасную вереницу событий, какую я имею в виду. Вот они встречаются — алтаец и армянин, и иной раз выпадает честь самому знакомить их, — встречаются белорус и калмык, лопарь и молдаванин, и ведь не на съездах только, — для художника, быть может, и не это главное, — но у заволжского конвейера, в приемной треста, на курорте, наконец, в семье: как муж и жена...

...В нашей стране соединились их руки в общем труде, все их помыслы, заботы и праздники...».

Одиннадцать месяцев пробыл Кучияк в Москве: в основном в Голицыне, иногда у друзей и знакомых. Заскучал по родному краю, да и дела требовали возвращения. Прощались тревожно, уговаривались о скорых встречах (через год—два) в Москве, на Алтае, и не знали, какие грозные времена стояли на подступах к нашей Родине, и не знали, что расстаются навсегда.

ТЕРЕНТЬЕВА МАРИЯ КУЗЬМИНИЧНА — член Союза писателей СССР, автор поэтических сборников. М. Светлов в предисловии к ее книге стихов «Испытание» (М., «Советский писатель», 1965) писал: «Марию Терентьеву я знаю очень давно — несколько десятилетий. В двадцатых годах мы с ней учились в Литературно-художественном институте. И мне сейчас очень интересно было узнать, насколько она вы-

росла и на каком уровне находится ее дарование. Ее дарование на высоком уровне. Многие ее стихи написаны интересным мастером».

В 1925 г. М. К. Терентьева, будучи студенткой Высшего литературно. художественного института им. В. Я. Брюсова, совершает поездку в Горный Алтай. Горно-Алтайск, Паспаул, Телецкое озеро — основные места ее пребывания в этой поездке. Своими впечатлениями о Горном Алтае она поделилась в стихах «В горной заимке», «Катунь» и очерке «В Ойротской Венеции», опубликованных в центральных журналах.

АННА ГАРФ

ИЙТ-КУЛАК — СОБАЧЬЕ УХО

Оседлав коней, два охотника в путь тронулись,
Полные сумины сказок они добыли.
С намеченного пути они сбились,
В этот шалаш забрели, здесь отдыхали.
До свидания, неизвестный охотник!
Пусть шалаш ваш никогда не разрушится,
Пусть арчимаки ваши будут добычей полны,
Пусть трубка ваша всегда дымится!

(П. Кучияк, 1937)

1

— Знакомьтесь, это лучший на Алтае проводник базы туристов. Поэт, певец, драматург, актер и еще немного колдун, вернее, — кам. Умеет камлать — колдовать. А главное — отец шестерых детей.

Так говорил о Павле Васильевиче Кучияке его друг и переводчик, сибирский писатель Николай Ефимович Добычин.

Слушая Добычина, Кучияк немного смущался, а может быть, и чуть-чуть разыгрывал смущение, чуя, что эта его, так сказать, «алтайская» наивность нравится, импонирует. Большого роста, статный, пластичный, как юноша, темные волнистые волосы, широко расставленные веселые молодые глаза. Когда он густым басом произнес: — «Здравствуйте», показалось удивительным сочетание юношеского облика с таким могучим «зрелым» голосом. Тогда, летом 1936 года, он выглядел молодым, немного за двадцать, хотя ему было уже под сорок.

Это первое знакомство состоялось в подмосковном поселке Пушкино, где я жила. Павел Васильевич жил тогда тоже под Москвой, в Доме творчества писателей, в Голицыне.

Мы все еще стояли у калитки, и Добычин все еще продолжал петь хвалу своему другу:

— Павел Васильевич внук знаменитых на Алтае сказителей — дедушки Шонкора-Сокола и бабушки Барга. Он и сам умеет петь сказания. Здесь перед вами стоит человек-сказка.

Теперь Кучияк смутился уже на самом деле, и было неловко лишний раз взглянуть на него. В синем, выношенном до блеска пиджаке, в светлой рубашке с черным узким галстуком, он в ту минуту никак не был похож на человека-сказку, уж скорее — на сельского учителя.

День был выходной, собралось много знакомых, шутили, дурачились. Павел Васильевич внимательно слушал, вежливо улыбался. Добычин заговорил об алтайском горловом пении:

— Редко теперь кто так поет на Алтае. Споешь?

Павел Васильевич оживился:

— Это я могу. Спою охотничью, кабаржиную. В старину было ружье кремневое. Надо его установить, фитиль запалить. А кабарга не ждет, метнулась, показала белое пятно под хвостом и нет ее! Пока ружье прилаживал, дичь упустил. Но если горловую песню охотник запоет, кабарга встает, уши поднимет, не шевелясь, стоит, песню слушает.

Едва Кучияк запел, мы замерли, боясь спугнуть чары этой колдовской песни. Она журчала, как ручей, гудела подобно шмелю, сопровождалась серебристым посвистом. Кучияк пел, почти не раскрывая рта, — «горлом». Пел один человек, но слышалось по крайней мере два голоса. Один низкий, суровый, похожий на звук туго натянутой волосяной струны. Одновременно звучал и второй голос— высокий, светлый, вроде весеннего голоса синицы — «цю-цю-вить, цю-цю-вить, фьюить...» Журчание ручья сменялось шелестом вод большой реки, порою слышался шепот хвои, свист ветра, звон капели. И тихий, тихий посвист. Песня была негромкая, но заполнила она гудением, жужжанием весь дом, сад, соседние улицы. Ее слышали даже в избе, стоящей на краю поселка, у самой околицы. Правда, в те времена ни автотранспорт, ни транзисторы еще не рычали по поселку. Лишь изредка покрикивали коростели на болоте. И песня Кучияка, сливаясь с вечерней тишиной, растекалась далеко, как вода в половодье.

Горловое пение без слов называется на Алтае — кёёмёй.

Кучияк также свободно владел искусством горлового двухголосного пения с произнесением слов. Такой была его вторая песня, колыбельная со словами:

— Не плачь, малыш, не плачь! Молодое гибкое дерево я срублю, не плачь, малыш, не плачь! Тугую тетиву на концы согнутого деревца натяну, не плачь, малыш, не плачь! Меткую стрелу с тетивы спущу, стрелой зайца догоню. Зайчатину в большом казане на жарком огне сварю. Крепкий заячий суп ты будешь есть... Не плачь, малыш, спи... Спи, малыш, спи...

Кучияк пел все тише, глуше. И когда умолк, отголосок песни еще звучал, как звучит струна, хотя пальцы исполнителя уже не прикасаются к ней.

Молча, опустив глаза, сидел Павел Васильевич. Молчали и мы, боясь спугнуть очарование отзвучавшей песни. Павел Васильевич был явно смущен, насторожен нашим молчанием: неужели на этот раз он никого не восхитил, не изумил? Но едва были произнесены первые слова похвал, он расцвел, заулыбался. Шутки, прибаутки так и посыпались. Героем этих забавных импровизаций оказывался чаще всего он сам.

— По-русски я не шибко грамотный. Вот нашел себе учителя, готовлю ему уроки, дрожу, у своих ребятишек-школьников совета спрашиваю: «Как пишется — «ширапль» или «шерапль»?

— «Пиши, папочка, — «журавль». Есть такая птица, оказывается...

В тот вечер вместе с нами слушал пение Кучияка один из виднейших специалистов той поры в области радиотехники — академик Шулейкин. Он сказал:

— Как это получается, я могу понять. При горловом пении звук дается не свободным открытым голосом, а несколько сжатым. Полость рта служит резонатором для мелодии, ведущейся на басах; вместе с тем полость рта является резервуаром или, если хотите, точнее, фильтром низких частот для пульсирующего воздушного потока, который затем проходит между губами. В данном случае губы — это вторая автоколебательная система, при помощи которой певец берет высокие ноты, вторя горловой мелодии... — Шулейкин засмеялся. — Этак я мог бы целый академический час говорить... Но спеть! Нет, это уже совсем, совсем другое дело.

2

Огромна территория Алтая, изрезанная горами, реками. Каждый район, каждый аймак поет по-своему, свои песни. Кучияк, страстный собиратель народного творчества, знал характерные особенности пения каждого района своей родины. Он был живой фонотекой. Владел Кучияк и техникой исполнения на всех алтайских народных инструментах: на язычковом, маленьком, как подкова, комусе, на смычковом икили, на духовом шооре.

Но больше всего любил Кучияк щипковый инструмент — топшур.

Перебирая пальцами волосяные струны топшура, оттопырив нижнюю губу, Павел Васильевич особым, очень низким «органным» голосом — «каем» — воспевал подвиги богатырей.

В тот вечер, в Пушкино, он был не только исполнителем, но и лектором. «По ходу действия» он давал пояснения, переводил отдельные стихи с алтайского на русский, рассказывал об упоминаемых в сказаниях обычаях, описывал географические особенности края, где богатыри совершали свои подвиги.

— Могу повторить, могу еще показать...

Но вот он встал, откинул кивком головы волосы со лба, глянул на нас — и мы едва его узнали. Нам явился грозный колдун, собеседник богов, всемогущий кам. Он приподнял ногу, коснулся пальцами подошвы — это он, по его словам, обул серебряные копыта, чтобы по мосту шириной с конский волос перейти реку человеческой крови.

Там, за рекой, «другой Алтай», то есть загробный мир.

Страшно ступить на волосяной мост, боязно шагать над кровавой рекой. Одно неверное движение — упадешь, захлебнешься в крови. Мост пружинит, качается от ветра, человек идет, балансируя, чтобы не упасть. Ужасен путь, длинна дорога. Когда наконец-то он выбрался на «тот» берег, мы невольно вздохнули с облегчением — не упал. Но теперь это был уже не тот человек, который вышел в путь. Это лишь его трепетная душа, которую грозно вопрошает бог «другого Алтая», грозный Эрлик. Не здешним, иным голосом отвечает Эрлику душа. А высоко под облаками летят серые гуси с прощальным криком.

Нет, над нами был дощатый потолок дачной террасы, никаких облаков. И все-таки гуси кричали, гуси летели под облаками, а душа плакала под землей.

— Я могу объяснить, могу повторить...

В любой миг Павел Васильевич готов был выйти из образа, прервать пение, игру, танец, чтобы дать нам возможность лишний раз убедиться, что нет здесь никакого колдовства, что все это «очень просто».

Да, все, что он исполнял, казалось простым, естественным, потому что было соразмерно, органично, никогда никакого нажима. Врожденное чувство такта не позволяло ему переигрывать. И все же такая «легкость» была не только свойством счастливого таланта, но и результатом размышлений, труда. Он умел управлять голосом, мимикой, жестами, а главное — своими чувствами. Он был одним из самых больших актеров, каких мне приходилось видеть, слышать.

3

Когда весной мы с Павлом Васильевичем ездили в поисках сказок верхом по Алтаю, нас чуть свет приветствовала на опушке леса маленькая птичка:

— Тятя, Витю видел? — слышалось мне. — Видел-видел. Витю видел!

Но Кучияк в щебете этой пичужки слышал иное:

— Эде, эде, бе саак! Бе саак! Эде, бе саак! То есть: «Сестра, сестра, кобылу доить! Сестра, кобылу доить!» А вечером коростели кричали мне:

— Дерг-дерг-дерг!

Но Кучияк слышал:

— Тарт-тарт-тарт! Бажынаг тарт, чачынаг тарт! То есть: «Тяни-тяни-тяни! Голову тяни, косички тяни!..»

Если бы мы не слышали каждый по-своему, то как могли бы пересказать алтайскую сказку по-русски?

Но как быть со сказками, где говорится о злых чарах, о колдунах, злых духах? Для Павла Васильевича все это было настоящее, живое, он это все видел в детстве, пережил, а я? В сказке «Шелковая кисточка» кам камлает, чтобы обмануть всех, отнять у людей прелестную девочку и сделать ее своей женой. Но я никогда не видела кама, не слышала бубна, не видела ритуальной пляски. И потому не знала, как к этой сказке подступиться.

Камлание было строжайше запрещено, и если еще были на Алтае камы, то все они занимались общественно полезным трудом — пасли скот, охотились, даже пахали землю, причем некоторые камы научились работать на тракторе и даже перевыполняли нормы. Ни один из них никогда не согласился бы камлать. Они и сказания едва-едва соглашались петь, полагая, что и это тоже имеет отношение к старому быту, старым запрещенным обрядам.

— Ничего не поделаешь, — сказал Кучияк, придется самому для вас немного постараться.

Одежду он взял из музея и бубен тоже. В прежние времена каждый кам сам сушил над огнем свой бубен, обтянутый сыромятной кожей, добиваясь определенного тембра, чтобы бубен при ударе колотушки звучал «особенно». Бубен и колотушка — вещи «индивидуальные», у каждого кама свои. Сочетать свой голос с «чужим» бубном не каждому было под силу. Исключительная музыкальность Павла Васильевича, большой диапазон и гибкость голоса позволяли ему исполнять ритуальные песни под звучание любого бубна. Он настраивал голос, как настраивают инструмент.

Вот он сунул руки в рукава «двухпудовой» шубы, обшитой длинными развевающимися на ветру лоскутами и шкурками пестрого дятла. Надвинул на самые брови красную остроконечную шапку с воткнутыми в нее перьями филина, со свисающими на лоб нитями крупных бусин. Взял в левую руку скобку бубна, которая была похожа на человека с раски-

нутыми руками. В голову этой скобы были вбиты два медных гвоздя — «глаза», на поперечной полоске — «руках» висели ленты, тонкие полосы металла, звеневшие в такт пляске. Павел Васильевич взял в правую руку колотушку, ударил в бубен и закружился.

Под гул бубна и звон железок гудел его голос. Кучияк кружил по поляне вокруг костра, все убыстряя темп. Порою мне казалось, еще мгновенье — и он упадет бездыханный, сердце не выдержит бешеной пляски. Невозможно было различить ни лица, ни бубна, слышалось лишь гудение да удары колотушки и виделся смерч ярких бликов — это трепыхались разноцветные лоскутья, пришитые к шубе.

Павел Васильевич, меняя ритм, переходил от одной системы движений к другой. И кружился, кружился еще быстрее, быстрее.

Внезапно он остановился. Встал как вкопанный. Руки раскинуты, веки опущены, пот струится по лицу. Он бледен, губы посинели.

Но вот он открыл глаза, улыбнулся своей обычной, по-детски лукавой усмешкой:

— Это только начало. Теперь шкуру с живой лошади сдирать будем, только сперва ноги ей переломим.

И я услышала вопль, ржанием это не назовешь. Воплем заживо обдираемой лошади кричал Кучияк. Я уже больше не могла выдержать, попросила пощады.

Павел Васильевич медленно, как бы нехотя, скинул с плеч тяжелую шубу, снял шапку, повесил бубен на сухую ветку, положил колотушку.

И снова не утерпел — крикнул!

Волосы зашевелились у меня на голове от этого вопля.

— Это ничего, — сказал Кучияк, — это я так, старое вспомнил. А на самом деле, если бы вы все это увидели, услышали. Прямо бедовский!

«Бедовский» — такое было у него словечко.

— Маленький был, глаза закрывал, затыкал уши, как лошадь закричит. А юношей приходилось терпеть. Стыдно было себя показать трусливым, жалостливым. Откуда взялся у нас такой обычай?

4

В 1897 году на Алтае в юрте, сложенной из коры лиственницы, родился мальчик. Отец взял новорожденного на руки, острым ножом проколол младенцу мочки уха, продел в разрез клок собачьей шерсти. Затем положил ребенка на земляной пол, рядом с ощенившейся собакой и дал ему имя — Ийт-Кулак — Собачье Ухо. Теперь можно было успокоить-

ся: злой дух, который уносил детей этой семьи на «другой Алтай», обманется на этот раз, подумает, что родился щенок.

В то далекое время мужчины не стригли волос — мужчины ходили с косами, — кому попадет волос, станет хозяином души. Умываться тоже не полагалось — «вместе с грязью счастье уйдет».

Позже Ийт-Кулак, когда он после революции станет писателем Павлом Васильевичем Кучияком, вспомнит об этом обычае в повести «Аза-Ялан»:

«...Все сорок лет своей жизни не умывавшаяся Эзе вышла из бани неузнаваемой. Чистая, пахнувшая розовым мылом. Тарбаган надеялся, что она хотя бы за ушами или хоть на шее немного грязи оставит — на счастье. Но Эзе и это счастье смыла».

Подростком Ийт-Кулак — Собачье Ухо поступил в работники к попу Василию. Некрещенных инородцев-язычников не сажали за общий стол, не принимали в церковноприходскую школу. А других школ на Алтае в те времена не было. Но чтобы креститься, надо было прежде всего остричь косу...

Долго не решался Ийт-Кулак на такое дело. Однако желание учиться оказалось сильнее страха.

Поп Василий сотворил обряд крещения. Нарекли новообращенного Павлом, а по отчеству стал он Васильевичем, потому что крестил поп Василий.

Но хотя и крещеный и немного грамотный, он все еще оставался верен старым алтайским обычаям и привычкам. Зимой и летом ходил в нагольном овчинном тулупе, в штанах из сыромятной кожи, в меховых сапогах и шапке, сшитой из лисьих лап.

В 1919 году, когда некоторые части армии Колчака, отступая из Сибири в Монголию, шли через Алтай, Куюмская сельская управа мобилизовала Кучияка, «назначили на высокий пост обозника», как он говорил впоследствии.

Но уже год спустя, он вместе с другими такими же, как он, заблудившимися в этой сложной обстановке, ушел из колчаковских войск.

В 1923 году Кучияк работает секретарем комитета бедноты, затем членом президиума сельского совета...

Однако всю жизнь припоминали ему пост обозника-каракорумца, не раз пришлось горько платиться за ошибку, совершенную в молодости, по неведению.

И был только один человек, который все понял, простил, верил ему, верил в него безоговорочно — это была его жена. Во всех, порою весьма сложных, ситуациях Анна Максимовна оставалась непоколебимо преданной, несгибаемо мужествен-

ной. Эта многодетная семья жила в одной комнате. Но стол, за которым работал Павел Васильевич, его полка с книгами оставались всегда неприкосновенными.

Жена и дети были первыми слушателями, первыми судьями Кучияка-сказителя, поэта, актера. И последнюю свою песню он, уже тяжело больной, спел тоже им — жене и детям. Это было ночью в июне 1943 года. Утром его увезли в больницу, откуда ему не суждено было вернуться.

После кончины Павла Васильевича Анна Максимовна бережно хранила его письма, дневники, тетради, рукописи. Ничего она не потеряла, даже клочка бумаги, где он обозначил сумму, полученную авансом в счет зарплаты, даже листка газеты, где он своей рукой подчеркнул несколько строк. Это благодаря ее удивительному пониманию своего долга, терпеливой и верной любви мы можем теперь познакомиться с особенностями развития таланта Кучияка, с неопубликованными страницами, с его черновиками, с его поистине героическим трудом.

Но в семье смогли сохранить далеко не все, сделанное Кучияком. В годы, когда он работал, трудно было на Алтае получить писчую бумагу и потому, а также из-за большой загрузки текущей работой, Павел Васильевич не оставлял копий того, что посылал в издательство. Он писал от руки, пишущая машинка даже в Москве имелась далеко не у каждого писателя. Его стихи, рассказы выходили на русском языке в переводах, далеко не адекватных оригиналу. Но ни текста, ни подстрочников, сделанных автором, не сохранилось. Рукописи, сданные в Западно-Сибирское книжное издательство, потерялись у переводчиков, а в краевом издательстве в Барнауле сгорели. Рукописи, отправленные в Москву, в Гослитиздат, неизвестно где находятся, их не могли разыскать до сих пор.

5

Мне довелось некоторое время, работая с Павлом Васильевичем, ездить по Алтаю, записывать вместе с ним произведения устного народного творчества. Теперь такие экспедиции везут с собой магнитофоны, имеют возможность несколько раз записать на ленту одного и того же сказителя, который при желании, а иногда и по просьбе того, кто ведет запись, сам себя прослушивает, вносит поправки. Так было записано профессором Сазоном Саймовичем Суразаковым эпическое сказание «Маадай-Кара» от сказителя Калкина. Запись на магнитофон длилась месяц, потом еще месяц Калкин слушал себя, вносил поправки, дополнения, затем Сазон Саймович списал текст с магнитофона на бумагу, и месяца два занимался подстрочным переводом этого текста.

Таких возможностей у Кучияка никогда не было. Он вел свои записи «между делом», сопровождая туристов, или когда выезжал с бригадой театра по аймакам. Мелодию Кучияк, не знавший нотной грамоты, просто запоминал на слух. Кстати, и большую часть сказаний приходилось тоже запоминать и записывать их позже, уже по возвращении домой.

Однажды летним вечером приехали мы на лесную поляну. Там под мохнатым кедром на берегу ручья сидел перед небольшим костром-дымокуром могучий старик. Широкие плечи, седая борода, белое лицо, большие белые руки. Он разминал и шил нарезанные узкими полосками куски сыромятной кожи, шорничал. Это был знаменитый на Алтае кайчи Николай Улагашев, слепой сказитель. «Алып-Манаша», услышанного от Улагашева, Павел Васильевич смог записать, только когда мы вернулись в Ойрот-Туру, теперешний Горно-Алтайск, то есть дней двадцать спустя.

Неграмотный певец-кайчи пел сказания, пользуясь определенным набором фраз, хорошо известными формулами и эпитетами. Но каждый раз певец импровизирует вновь и вновь на основную тему. Так же творил и Кучияк, но свои импровизации он уже мог записывать. И записывал он наилучшие варианты. И всякий раз этот отбор был настолько убедителен, что даже Улагашев, весьма придирчивый исполнитель, не прощавший ошибок, оставался доволен записями, сделанными Кучияком по памяти.

Еще смелее обращался Кучияк со сказками типа «чёрчёк». Детали, подробности, как бы стершиеся в повторении многих поколений сказителей, вновь оживали в его устах. Услышанную сказку он смело насыщал пословицами, прибаутками, шутками, поговорками. Повторяя слышанное, он обогащал его, не приукрашивая, но уточняя.

В сказке «Брат и сестра» люди, спасенные охотником Боролдой-Мергеном, благодарили его. Павел Васильевич не останавливался на бесцветном слове — «спасибо», но, мысленно перебирая различные, бытующие на Алтае формулы благодарности, ищет самую для данной сказки подходящую: «Не стареющим, крепким будьте, сто лет живите», «Пусть закрома ваши пустыми не стоят», «У подола вашей шубы пусть всегда топчутся дети, у порога вашего аила пусть белый скот сыворотку пьет». И наконец он произнес:

«Будь же ты, как заяц, белый, как овца, жирный, сто лет живи, на быстром коне езди!»

И на этом не успокоился, развернул шире:

«Нам, не видевшим солнца, ты солнце дал, луны не знавшим, луну подарил. Будь же ты, как заяц, белый, как овца, жирный, сто лет живи, на быстром коне скачи!»

Прочитав это, Павел Васильевич засмеялся, обрадовался:
— Законный, законный!

«Законный» — было высшей похвалой в его устах.

Сказку «Медведь-судья» мы услышали в аиле, где над костром на треноге стоял до того закопченный котел, что казался отлитым из сажи и сала. Когда мы после сытного ужина и теплой араки, которую надо было отведать, чтобы не обидеть хозяина, выбрались на волю, то тут же к описанию жилища медведя прибавили свежие впечатления:

«Перед ним (медведем) жарко трещал костер, над огнем стоял на железном треножнике золотой котел с семью бронзовыми ушками. Этот свой любимый котел медведь никогда не чистил, боялся, что вместе с грязью счастье уйдет, и золотой котел был всегда ста слоями сажи, как бархатом, покрыт».

Таким образом, хотя собранные нами на Алтае сказки и «настоящий законный», они не являются записями этнографическими. Они записаны литераторами.

Мы ездили по Алтаю с небольшими деньгами, и потому спешили услышать возможно большее число рассказчиков в самое короткое время. Не все, что слышали, успевал записывать Павел Васильевич по-алтайски и, случалось, тут же, на ходу, пересказывал сказку сразу по-русски.

Русский язык Кучияка был не очень богат, но когда он своим неправильным русским языком рассказывал алтайские сказки, речь его воспринималась не как ломаная, а как особая, сказочная. Он дополнял, вернее, одухотворял слова мимикой, жестом, интонацией.

Я записывала не только то, что он говорил, но старалась передать и то, как он говорит, наделяя зверей его интонациями, пытаясь словами передать образы, создаваемые Кучияком-актером.

Проза Кучияка как бы пришла из сказки:

«...машина бежит все выше, к снеговым вершинам гор, огибает скалы...

— Ой, ребята, — вдруг закричал Кичемкей, — гляди, там, внизу, звезды, как ячмень, по земле рассыпаны. Что это?

— Кусок неба отвалился, — пробасил кто-то из спутников.

— Это звезды куру-кобинские, домашние. Хозяева к столбам их привязали, — пояснил второй.

— Ты видел когда-нибудь электричество? — сжалилась над парнем молодая девушка...» («Железный конь», сб. «В горах Алтая», М., «Советский писатель», 1957).

Так же сказочны по своей пластике строки повести «Аза-Ялан».

«— Какой я грамотный! Читать кое-как научился, а писать — нацарапаю на бумаге, словно глухарь по снегу крыльями, во все стороны...

— Это ничего. Сначала как глухарь крыльями, а потом как кабарга копытами. Видели, какой у нее след? Прямой, тоненький, ровный. Так что не расстраивайтесь, товарищ Йорыкчинов».

6

Не сразу нашел Кучияк свой путь, свой язык, свойственную лишь ему манеру. В годы, когда он работал, было принято стихами, прозой повторять заданные темы. Авторов хвалили не за результаты, а прежде всего за благие намерения. Первые очерки Кучияка, заметки в газете, даже стихи мало чем выделялись из ряда других, разве что наивностью, горячностью. Но постепенно набирал он силу:

«...Горный хребет взмыл в небо и, будто сказочный конь, взметнул вверх косматую гриву кедрачей, да так и окаменел навеки.

Солнце шло за гору, унося на могучих руках яркие шары раскаленного железа. Уходя, зажгло тучу багрянцем, словно обещая:

— Завтра явлюсь к вам в свой час.

Дверь ветхого аила, собранного из коры лиственницы, протяжно заскрипела. Мать втащила в жилье несколько длинных сухих бревен — запас топлива на долгую зимнюю ночь. Со звоном упали бревна на твердую мерзлую землю. Мать подошла к костру, опустилась на корточки, протянула руки к огню. На указательном пальце левой руки кольцо из красной меди сначала побелело от инея, потом вспотело, засверкало мелкими капельками.

Адыйок испугался:

— Мама! Руки обожжешь.

— Ничего, мои руки крепкие, не сгорят.

Адыйок сидел на земле у огня, распахнув овчинную шубу, чтобы живот согрелся.

Мать вздохнула:

— Грейся подольше: ночью мороз будет сердитый — солнце, уходя, показала нам свои уши» («Адыйок», главы из неоконченного романа).

В простоте сердца, без умствований или ухищрений, всегда пластичный, он создавал произведения, которые, несмотря на их наивность, волнуют и сейчас. В этой наивности есть неотразимая прелесть своей правды. Слышен свой голос, чувствуется индивидуальность писателя, виден его почерк.

7

Экзотика окружающего быта, перемены, которые принесла на Алтай Советская власть, удивительные повороты личной судьбы писателя — разве это не тема для романа? Отдельные эпизоды из биографии Кучияка, перестройка мироощущения, мировоззрения, путь от мрака язычества, от воинствующего здесь, на Алтае, христианства к современному мировосприятию — все это так значительно, увлекательно.

Еще в 1932 году путешествовавший по Алтаю немецкий писатель Вайскопф посоветовал Кучияку написать автобиографический роман. Даже название было придумано — «Адыйок» — безымянный, сирота.

Однажды, когда мы снова беседовали об «Адыйоке», Павел Васильевич вздохнул.

— О чем это вы?

— Да вот старика одного вспомнил. Знаменитый он был на Алтае певец-кайчи. Звали его Чиик Капраилов. Плохо он кончил.

О том, что его глубоко волновало, Павел Васильевич предпочитал говорить иносказательно. Так и теперь, вместо прямого ответа, он рассказал, что сказочный богатырь Алтай-Куучин явился к Чиику Капраилову и жестоко покарал его за то, что тот, воспевая богатырские подвиги, умолчал о том, как богатырь однажды был побежден своим соперником.

«Неправду ты людям сказал. Лжива была твоя песня. Мою мать ты воспел, силу отца моего помянул, мои подвиги славил, врагов моих высмеял, — почему же ты о позоре моем ничего не сказал? Или забыл ты, как шел на меня богатырь без лука, без коня, нагой богатырь, без шапки, без сапог? От этого нагого богатыря, спасаясь, я бежал, бросив коня, ум потеряв. Мчался так, что пятками в пепел столок семьдесят семь гор, море с семьюдесятью заливами в грязь затоптал. Моя темная печень от страха оборвалась, мое круглое сердце едва не лопнуло. Почему ты про это ни слова? Правду как ты посмел утаить?

Чиик Капраилов голову на грудь опустил. Из узких глаз слезы текут...

Алтай-Куучин, богатырь, ременной плетью взмахнул... Тут кайчи ум потерял. Что дальше было — не помнит, как домой пришел — не знает. Очнулся у своего аила. Повод коня держит, через порог не смеет переступить. Жена увидела его.

— Что с тобой?

— На меня Алтай-Куучин, богатырь, плеть поднял. Его жизнь я неверно воспел. Как от нагого богатыря он бежал, забыл рассказать.

Больше ни слова Чиик Капраилов вымолвить не смог.

Подняться с земли он не захотел. Где сидел кайчи, там и умер».

— Вот так и я, — улыбнулся Кучияк. — Боюсь, Алтай-Куучин настигнет меня врасплох, когда я врать начну, и своей ременной плетью высечет...

8

Верхом на наших терпеливых лошадках приехали мы к аилу одного старика-кайчи, тот пробормотал, что сказок никому не говорил и нам не скажет. Не кайларил и не будет кайларить.

Но вот в разговоре Кучияк назвал свое алтайское имя: Ийт-Кулак, сын Чочуша, внук Шонкора-Сокола.

Старик взглянул на него из-под мохнатых бровей:

— Если ты, правда, Ийт-Кулак, Шонкора внук, скажи, какая у твоего отца Чочуша была примета?

— Раздвоенный большой палец.

Позже Павел Васильевич поведал мне историю этой приметы.

Когда Чочушу было семь лет, он положил большой палец правой руки на колоду и сказал мальчику, своему товарищу:

— Возьми топор, закрой глаза и ударь. Потом посмотрим, ударишь по пальцу или мимо.

Мальчик поднял топор, закрыл глаза и стукнул топором по колоде.

Лезвие рассекло большой палец вдоль суставов. Кровь с колоды капала на землю. Чочуш этой землей присыпал рану, а мальчику, который стоял и плакал, велел:

— Крепко свяжи мой палец ременной тетивой.

Палец зажил, но не сросся.

Прикладывая этот раздвоенный палец к губам, Чочуш исполнял старинные алтайские мелодии.

И еще много говорил мне в этот день Павел Васильевич о своем отце Чочуше.

Чочуш рано научился камлать и уже в молодые годы стал известен на Алтае. Но камлал редко.

Ночами смотрел на небо и думал о звездах:

«Небесных жителей эти костры или земных людей — души? Куда они стремятся, откуда приходят? Если хорошо прицелиться, спустишь стрелу, то пока она летит, звезда уже уйдет на новое место. Почему это?»

И лишь один Золотой Кол всегда неподвижен. Крепко вбит он в самое дно неба. На этот Золотой Кол закинута узда Ульгенова коня. Русские зовут эту звезду Полярной.

Жена Чочуша Адимаш, посасывая свою короткую, обитую медными кольцами трубочку, усмехалась:

— Опять болтает...

Но сын Чочуша — Ийт-Кулак мог слушать удивительные речи отца хоть целые сутки.

— Такой же растет, как отец, — вздыхает мать. — Двое в семье бездельников!

Жили, правда, очень бедно. Отец был слишком занят своими мыслями, некогда было ему ходить на охоту. Сын был еще мал. Семья часто кочевала. Отец садился на коня, за ним следовала мать, — одну сестренку усаживала перед седлом, другую — позади. Ийт-Кулак трусил на рыжей лошадке. Позади всех, с трубкой в зубах, ехала верхом на старом буланом коне бабушка. Она везла чугунный котел. Другого имущества у семьи не было.

Однажды, когда приехали в Чемал, тамошний поп долго говорил с Чочушем. Ийт-Кулак, слушая беседу, узнал, что на небе живут еще и русские боги — ангелы, архангелы, серафимы и святой Георгий, ездящий верхом на гнедом коне, и святой Микулай-старичок. Пеший старик, оказывается, безлошадный. Но сколько Ийт-Кулак ни смотрел на небо, никогда ничего не довелось ему увидеть ночью, кроме луны и звезд. Другое дело отец. Чочуш видел на небе многое множество жителей — костры их стойбищ горели не угасая.

Так пристально, так подолгу смотрел на небо Чочуш, что как-то на утренней заре увидел русского бога — святого Георгия, он ехал на своем гнедом коне, разгоняя копьем тьму ночи. Чочуш встал и, ни с кем не простившись, ушел из родного аила.

Ульгень и Христос, святой Георгий и тринебесный Курбустан не могли жить на одних и тех же семи небесах, в одной и той же душе.

Чочуш ум потерял, семью позабыл. Он жил один в лесу, людям не показываясь, прячась от собак.

Ийт-Кулаку было шесть лет, одной сестре — пять, другой — четыре, когда Адимаш послала всех троих в лес.

— Может, отец выйдет к своим детям?

Он вышел. Распахнул полы шубы и, как птица птенцов, укрыл, спрятал под шубу, словно под крылья, своих ребят. Мальчик сидел справа, обе девочки — слева. Отец тихо улыбался и пел:

Есть у меня жена Адимаш,
Сын Ийт-Кулак,
Скот мой — дикие пчелы...

Глаза Павла Васильевича были влажны, когда он повторял мне мелодию этой отцовской песни.

— Больше я отца своего никогда не видел. Он умер зимою, охотники случайно нашли его тело в горах.

9

Павел Васильевич иногда рассказывал о себе, однако всегда над собой посмеивался, редко-редко беседовал всерьез. В таком же стиле говорил он, как попал впервые в Москву, приехал поступать в Коммунистический университет трудящихся Востока:

«Вот, значит, вызывают меня в облисполком. Я как вошел, увидал человека незнакомого, уставился на свои сапоги и думаю:

«Должно быть на комиссии разбирать это дело будут. Выпил я вчера маленько. Кому араки вчера не досталось, тот, значит, и доложил. Конечно, человек из большого города приехал, он законы хорошо знает — самогон гнать нельзя. Однако отказаться от араки тоже никак нельзя было. С далекого аила старик знакомый к тестю приехал, араки привез. Арака — это дело плохое... Но если арака уже есть, да и к тому же бесплатная... Грамотный, скажут мне, стыдись, скажут мне. В сельсовете работал, скажут. Эх!»

— Грамотный вы... — начал приезжий человек.

— Э-э, немножко знаю.

— В сельсовете работали.

— Э-э, немножко работал.

— Немножко — это как сказать, — улыбается приезжий. — Для здешних мест совсем уж не так-то мало. Секретарем работали? Протоколы писали?

— Э-э, маленько писал...

— Протоколы, вами написанные, читал. Толково. Не шибко грамотно, правда, но толково.

«Хоть бы уж скорей отругал и конец, — думаю, — не мальчик я, чтобы насмешки слушать».

— Так вот, думаем послать вас, товарищ Кучияков, в Москву на ученье, в Коммунистический университет трудящихся Востока».

К тому времени у Павла Васильевича было трое детей, Анна Максимовна ждала четвертого. Однако именно она заставила мужа согласиться ехать в Москву.

Окончив три курса университета трудящихся Востока, Павел Васильевич возвращается на Алтай. Здесь его назначают руководителем передвижной «Красной юрты». У него под началом врач, учитель, киномеханик, агроном.

Маленький коллектив «Красной юрты» должен был разъяснять пастухам и охотникам, кочевавшим по горам и долинам Алтая, какие выгоды принесет им оседлая жизнь, что теперь они стали хозяевами в своем государстве.

И, чтобы сделать эту агитацию за новую жизнь более действенной, доступной пониманию своей кочевой аудитории,

Кучияк начинает писать пьесы, в которых сам играет главные роли. Он пишет ради этих же целей свой первый рассказ «Железный конь», свою первую поэму «Арбачи».

10

Мысль об автобиографической повести или романе не покидала Кучияка. Поначалу казалось, что дело это простое — рассказать об экзотическом быте алтайцев, о красоте алтайской природы. Но с годами он постепенно углублял тему, стремился показать не только этнографические особенности жизни и быта, но прежде всего хотелось раскрыть чувства, страсти в их движении, изменение психологии в связи с переменами, происходящими в окружающей среде.

Он был уже признанным поэтом, когда сорокалетним, впервые, прочитал «Детство», «Отрочество» и «Юность» Л. Н. Толстого. Эта книга лежала в моем дорожном мешке. На одном из привалов Павел Васильевич увидал ее, перелистал и так увлекся, что читал всю ночь при свете костра.

— Почему я так волнуюсь? Почему плачу? — удивился он. — Большой граф рассказывает о том, как он был маленьким графчиком. Мне-то какое дело? Почему же так сердце болит?

Я взглянула на раскрытые страницы. Оказывается говорилось, о том, как расшалившийся Николенька Иртеньев — «маленький графчик», был наказан своим воспитателем-французом.

— Правильно, — сказал Кучияк, прервав чтение. — Все правильно. Со мной так же было.

И он рассказал случай из своего детства, который впоследствии описал в главе неоконченного романа «Адыйок».

Читая классиков, Павел Васильевич не подражал им, но учился. Опубликованные после кончины автора две первые главы «Адыйока» говорят, что этот роман мог бы стоять в одном ряду с такими автобиографическими книгами, как «Слово арата» Салчак Тока, как книги Айни.

11

Однажды, когда мы трусили на наших не слишком резвых лошадях по берегу Катуни, Павел Васильевич спросил:

— Что значит слово «ирония»?

Я прочитала наизусть несколько стихотворений Гейне, вспомнила некоторые рассказы Зощенко.

Павел Васильевич пустил свою лошадь вперед. Некоторое время мы ехали молча. Слева поднимались горы, похожие на драконов с чешуйчатой кожей, с густой щетиной леса

всегда доброжелательный, сообщил нам, что к двадцатилетию Октябрьской революции будут награждены достойнейшие собиратели, исследователи и лучшие исполнители устного творчества своего народа.

Кучияк призадумался и потом произнес:

— Мыклай Улагашев, это и человек, труженик, колхозник, хотя и слепой, а работает. Он из тех, кого знаю, самый достойный кайчи. Может замечательно кайларить и помнит много сказаний. Если все, что он помнит, записать, пожалуй, и жизни не хватит. Такого старика поддержать надо.

О том, что он сам, Павел Кучияк, замечательный сказитель, глубокий знаток и собиратель устного народного творчества, остро нуждается в поддержке, поощрении и в первую очередь в жилплощади, ни Павел Васильевич, по своей скромности, ни я по глупости, не догадались тогда Юрию Матвеевичу подсказать.

Увлеченные возможностью прославить слепого кайчи, мы с Кучияком написали об Улагашеве очерк, который был опубликован в «Литературной газете».

Вскоре Улагашев был заслуженно награжден орденом «Знак Почета» — такое случалось на Алтае впервые — награждение кайчи! Возможно, жизнь и работа Кучияка сложилась бы иначе, получи он поощрение одновременно с Улагашевым. Но этого не случилось. Кучияк же был счастлив и горд.

— Это мы с вами, — говорил он мне, — нашли в тайге под широким кедром такого редкого старика и на всю страну наш Алтай прославили.

Старого кайчи повезли в город, но квартиру он получил не сразу, и Павел Васильевич предоставил ему свое жилье. Анна Максимовна обихаживала старика, а Кучияк и его старшая дочь Аполлинария записывали у него старинные сказания.

Павел Васильевич Кучияк скончался в июле 1943 года, на сорок седьмом году жизни.

«... Мастера не стало, — под диктовку Улагашева сообщала мне внучка старого кайчи. — Живу зря, работать, как мастер, никто не умеет, потрудиться как следует не с кем. Орден свой как теперь отработаю?»

Таких, как Павел Васильевич, мастеров не было, правда, с годами выросли другие. Был создан в Горно-Алтайске институт истории, языка и литературы. Записи сказаний Улагашева, сделанные Кучияком, вошли в девятитомное издание алтайского героического эпоса «Алтай баатырлар», когда обоих этих мастеров — кайчи и писателя — уже не было среди нас.

Произведения устного народного творчества, собранные Кучияком, и его собственные издаются и переиздаются на его родном алтайском, русском и других языках народов СССР. Значит, снова возвращается к нам, становится в строй писатель, так много работавший, так много успевший.

ГАРФ АННА ЛЬВОВНА — член Союза писателей СССР. Ее первые выступления в печати начались в 1929 г. в журналах «Лапоть», «Рабис», «Театр и драматургия». В 1934 г. А. М. Горький в своем письме редакции газеты «Пионерская правда» похвально отозвался о сказках, записанных А. Гарф в Средней Азии и на Кавказе. С легкой руки великого писателя сказки, а позднее очерки, рассказы А. Гарф стали печататься в журналах для детей. Вскоре профессор МГУ Ю. М. Соколов привлек ее к работе в секции народного творчества СП СССР.

В центральной печати положительными рецензиями были отмечены публикации А. Гарф — рассказ «Романтическая профессия» (ж. «Молодая гвардия», 1939) и книга очерков «Север» (1948). В своей автобиографии она пишет: «Жить сегодня и не интересоваться проблемами технического творчества, науки невозможно для писателя. Совместно с доктором технических наук, профессором Г. И. Бабат я работала около десяти лет над романом «Магнетрон», который вышел в Детгизе в 1957 году и в том же году получил премию на конкурсе лучшей книги о науке и технике». В 1971 году на конкурсе лучшей книги для детей дипломом первой степени была отмечена повесть А. Гарф «Кожаные башмаки».

Но над чем бы ни работала А. Л. Гарф, она оставалась верной любимому жанру — сказкам. «В гостях у бабушки Кандики», «Как зайчишка ума набрался», «Горские сказки», «Сказки Алтая» и многие другие сборники сказок издаются и по сей день.

Начиная с 1936 года литературная деятельность московской писательницы связана с Горным Алтаем. Благодаря творческому содружеству двух писателей — А. Гарф и П. Кучияк — алтайские народные сказки получили широкую известность. Большинство из них подвергалось значительной переработке и представляет произведения, написанные по мотивам алтайских народных сказок. Алтайские сказки А. Гарф и П. Кучияка переведены на языки народов СССР, а некоторые из них опубликованы на десяти иностранных языках в изданиях для зарубежных читателей.

Е. ДРУЖИНИНА

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

С Павлом Васильевичем Кучияком я познакомилась в 1937 г. на туристской базе Аскат, расположенной на живописном берегу бурной реки Катуни. За пользование маленькой комнаткой и туристической столовой он должен был один или два раза в неделю проводить с туристами экскур-

сии в горы. Эту обязанность П. В. Кучияк выполнял охотно: страстно влюбленный в Алтай, он хотел, чтобы и другие люди полюбили его горные вершины, альпийские луга, сказочно красивые озера и бурные реки. Хождение по горным тропам не составляло для него никакого труда: он был легок, подвижен, привык повсюду ходить пешком. Во время остановок для отдыха Кучияк усаживал группу на какую-нибудь живописную лужайку и начинал рассказывать народные алтайские сказки.

Рассказывая, Кучияк менял интонации, темп речи и даже свой голос. С высоких нот он внезапно переходил на низкие, а иногда начинал говорить нараспев или издавал звуки, похожие на рычание зверя. Среди сказок была и такая, в которой фигурировал шаман во время камлания. Тут гамма звуков была еще более разнообразной и таинственной, а разговорная речь чередовалась с пением и свистом. Кучияк показал нам жилища алтайцев: его все знали, и он запросто входил в любой дом, всюду встречая радостный прием.

Туристы были в восторге от экскурсий с Кучияком. Все чувствовали себя с ним просто и непринужденно. Помню, что при спуске с гор мы даже бегали наперегонки. Кучияку понравилось, что я стремительно сбегаю вниз, не уступая ему в быстроте, и он дал мне прозвище Горный Козел.

В свободное от экскурсий время Кучияк работал. Но в комнатах туристской базы не было столов (туристам они не особенно были нужны), поэтому Кучияку приходилось писать, сидя на койке и положив тетрадку себе на колени. Когда я сообщила об этом заведующему турбазой, он был очень смущен и сейчас же распорядился, чтобы в комнате Кучияка был поставлен удобный стол для работы.

— Почему же Кучияк не сказал мне об этом раньше? — спросил меня заведующий турбазой.

Этот эпизод говорит о беспредельной скромности Кучияка, не привыкшего требовать для себя чего-нибудь такого, чего не было у других.

Кучияк много мне рассказывал о себе и о своей работе. Однажды он показал текст алтайских сказок, записанных им со слов старых людей. Под текстом его рукою был сделан дословный перевод на русский язык. Перевод предназначался для писательницы Анны Гарф, которая помогала Кучияку в литературной обработке его рукописей. Впрочем, Кучияка затрудняли только грамматические формы русского языка. Что касается запаса русских слов, то он был у него исключительно богат. Помню, как глубоко поэтично и образно он говорил о своей работе фольклориста, об Алтае, о жизни родного народа.

Как случилось, что, пробыв в Аскате совсем короткий срок (экскурсия длилась 10 дней), я сделалась близким другом самого популярного человека на Алтае — Кучияка? Чтобы это стало понятным, я должна немного рассказать о себе.

Поступая в МГУ, я решила избрать своей специальностью историю народов СССР. Меня не огорчало, что в этой области сделано пока еще мало: значит, нам, новым историкам, предстоит большая, интересная работа. Изучение истории по книгам я хотела непременно связать с наблюдением действительности.

На 1-м курсе у меня возник план провести летние каникулы на Алтае. Для того чтобы подготовиться к поездке и сделать ее как можно более содержательной, я прочла книги С. А. Токарева, Л. П. Потапова и др. До чего же интересно было проверить на месте сведения, почерпнутые из книг!

И можно представить себе, как я обрадовалась, когда уже на туристской базе Аскат меня познакомили с коренным алтайцем, горячо любящим свой народ и знающим на Алтае каждую тропинку. Что касается Кучияка, то его очень тронуло, что студентка серьезно интересуется алтайцами — их историей, бытом, языком, относится к ним с большой симпатией. Во время наших бесед он то и дело восклицал: «Вы и о кермежеках[1] знаете?» «Да вы, оказывается, уже знакомы с нашим языком!»

Кучияк был беспредельным оптимистом, — и это нас тоже сблизило. Он радовался, видя, как меняется все вокруг, как быстро растет культура алтайского народа. На себе самом он испытал могучее влияние Октябрьской революции. Сын шамана, разделявший в детстве все предрассудки своей среды, он из неграмотного мальчика превратился в крупного фольклориста и писателя. Один из основателей первого алтайского театра, он был и его первым актером. Кучияк побывал в Москве, был участником I съезда советских писателей, где познакомился с Максимом Горьким. Он с большим волнением вспоминал, как Горький, пожимая ему руку, сказал: «Пишите историю алтайского народа!» Эти слова запали Кучияку в сердце, и он с увлечением начал работать над романом из алтайской жизни, который, к сожалению, не успел закончить.

Однако Кучияк не был склонен видеть в окружающем только радужные стороны. Так, его глубоко огорчало необоснованное переименование алтайцев в «ойротов».

С большим интересом Кучияк слушал мои рассказы о сту-

---

[1] Кермежеки — изображения духов — хранителей домашнего очага.

денческой жизни, о книгах, которые я читаю. Узнав, что я хочу поселиться в алтайском селе, он дал мне письмо к своим родственникам, жившим недалеко от нашей турбазы, в Бешпельтире Эликманарского аймака.

Мы покидали Аскат в один и тот же день: Кучияк шел пешком, кажется, в Ойрот-Туру, я же направлялась в Бешпельтир. Часть пути мы прошли вместе, а затем простились, обменявшись адресами.

В Бешпельтире, в деревянном домике на краю села, где широкая проезжая дорога поворачивает в горы, меня встретили две старые алтайки, которые не смогли прочесть письмо Кучияка, так как были неграмотны. Положив его куда-то на полку до приезда ожидавшихся недели через две молодых членов семьи, они сказали мне просто: «Живи. Раз Кучияк прислал, значит, живи». И доверчиво, как своему человеку, указали на сундук, который должен был служить мне постелью.

Я вскоре узнала, что одной из моих хозяек было 90 лет, другой — 60. Задолго до Октябрьской революции они крестились и получили русские имена: Татьяна Алексеевна и Клавдия Николаевна. Старшая женщина почти совсем не говорила по-русски, более молодая объяснялась довольно хорошо. Она рассказала мне все, что помнила о своих молодых годах, а потом несколько раз водила меня в гости в соседние маленькие поселки, разбросанные по горам, где в то время во множестве встречались кочевые жилища (аланчики). Знакомя меня со своими родными и друзьями, Клавдия Николаевна им поясняла, что «бала́» (т. е. девочка), которая у них живет, приехала «Москвада́нг» (т. е. из Москвы). После этого на столе появлялся чегень — вкусный молочный напиток, который пенился, как вино; угощали нас и другими национальными блюдами. Все ели, а потом долго сидели молча, что казалось мне странным и необычным.

С Кучияком я встречалась потом дважды в Москве, познакомила его с моим отцом, матерью и братом, которые пришли в восторг от его яркой, самобытной индивидуальности, его детской простоты и непосредственности. Мы были с ним в Доме писателя на вечере казахского народного творчества, ходили вместе по Москве. Я поняла тогда, что Кучияк — страстный интернационалист и что Москва была для него символом дружбы народов.

В письмах Кучияка ко мне ярко отразился душевный облик писателя: его горячая любовь к народному творчеству алтайцев, сознание им своего общественного долга, а также постоянная поэтическая настроенность большого художника.

В связи с приближавшимся окончанием университета, под-

готовкой к государственным экзаменам я редко писала письма. Был страшно перегружен работой и Кучияк. А затем началась война, порвавшая многие и многие связи. Я не нахожу у себя писем Кучияка после 1939 года. И все же Алтай на всю жизнь остался близок моему сердцу. Когда комиссия по распределению окончивших истфак МГУ предложила мне выбрать какое-нибудь место работы на периферии, я, не колеблясь, попросила послать меня на Алтай.

Начавшаяся война изменила мои планы: я добровольно вступила в ряды действующей армии в качестве военного переводчика и вместо востока отправилась на запад, так как мое знание немецкого в тот момент было всего нужнее.

Во время войны я потеряла из виду Кучияка и долго ничего о нем не знала. Наконец, вернувшись с фронта и сделавшись аспиранткой Института истории Академии наук СССР, я неожиданно встретилась с его сыном Николаем, который с группой алтайских студентов пришел в Институт истории на защиту диссертации Л. П. Потапова. От этого юноши, поразительно похожего на отца, я узнала о кончине Павла Васильевича Кучияка, который во время войны не покладая рук трудился на пользу горячо любимой Родины.

Кучияка нет с нами, но он оставил большой след в истории и культуре народов СССР. Советскую культуру мы уже не можем представить себе без творчества таких писателей, как Павел Кучияк, Давид Кугультинов, Расул Гамзатов и Чингиз Айтматов. А наша музыка, живопись? Достойное место занимают в них Арам Хачатурян и Мартирос Сарьян. Наше вокальное искусство выдвинуло Георга Отса и Муслима Магомаева, ставших любимцами публики. Число примеров можно было бы умножить во много раз. Каждый народ вносит свой вклад в сокровищницу советской и мировой культуры.

ДРУЖИНИНА ЕЛЕНА ИОАСАФОВНА в 1934 г. окончила Московский институт новых языков (ныне — Московский педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза), в 1941 г. — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. С первых дней Великой Отечественной войны находилась в рядах действующей армии. «И на фронте я оставалась историком, — пишет она в своей автобиографии. — Товарищи по работе, по моей просьбе, приносили мне ворох бумаг — дневники, письма, газеты, листовки и т. п. «трофеи», найденные у пленных немцев или брошенные ими во время бегства. В свободные от допросов часы я изучала этот материал, говоривший о настроении немецких солдат и о положении у них в тылу. Обрабатывая этот новый для меня исторический источник, я направляла свои переводы, заметки и статьи в нашу фронтовую газету «В бой за Родину». В 1944 г.

старший лейтенант Е. Дружинина (тогда — Чистякова) по ходатайству академика М. В. Нечкиной становится аспиранткой института истории АН СССР.

Ныне Е. И. Дружинина — доктор исторических наук, автор монографий и более 70 научных статей, соавтор коллективных трудов Института истории АН СССР, союзных и зарубежных институтов. Е. И. — участница X, XI, XII, XIII международных конгрессов историков, член комиссии историков СССР и ГДР. Она внесла большой вклад не только в формирование научных кадров союзных и автономных республик и областей нашей страны. Свободно владея иностранными языками, Е. И. осуществляет научное руководство и аспирантами, прикомандированными из зарубежных стран. Советское правительство высоко оценило ее научную и общественную деятельность, направленную на сближение народов СССР, взаимопонимание и правильную оценку исторических процессов в Советском Союзе учеными зарубежных стран, наградив в 1975 г. орденом «Дружбы народов».

Е. И. не порывает своей связи с Горным Алтаем и по сей день. В Москве, в квартире выдающихся ученых — академика Н. М. Дружинина и доктора исторических наук Е. И. Дружининой — частыми гостями бывают ученые, сказители, учителя, колхозники Горного Алтая.

В настоящем сборнике, кроме воспоминания Е. И. Дружининой, представлена и ее переписка с алтайским писателем. Ею же, как было сказано, осуществлен перевод глав из книги Ф. Вайскопфа.

И. ЗАБРОДИН

ТАЛАНТЛИВЫЕ СЫНЫ АЛТАЯ

Еще до того, как я приехал в Горно-Алтайск, где проработал двенадцать лет художественным руководителем и главным режиссером первого национального алтайского театра, я прочел книгу «Творчество народов СССР». Ее первая страница открывалась алтайской легендой «Зажглась золотая заря». Я прочитал и, как говорят, онемел от восторга: весь Алтай с его неописуемыми красотами, народом, получившим свое возрождение с Октября, стали мне близки, будто я их знал уже давным-давно. Легенда принадлежала перу Павла Васильевича Кучияка.

С 1937 по 1943 год мне с Кучияком приходилось встречаться ежедневно по нашей совместной работе в молодом алтайском театре, где он был актером и заведовал литературной частью. Он был человеком высокоодаренным. Ему природа отпустила не только физическую красоту: высокий рост, выразительное лицо, роскошные волосы; обаятельную улыбку, голос басового тембра, но и одарила богатым внутренним содержанием. Кучияк писал стихи, в каждой строке которых билась неподдельная жизнь.

Первая пьеса Кучияка «Тузак» («Петля») была весьма несовершенной, ощущались композиционная рыхлость, рас-

плывчатость сюжета, безликость образов. Драматург сам об этом произведении говорил: «Свою первую пьесу я изложил схематично, получился голый агитационный материал». Театру нужна была своя драматургия. И она появилась. Два года Кучияк трудился над новым произведением, не раз приходил в отчаяние, пока его пьеса «Чейнеш» окончательно не выкристаллизовалась в драму, в которой автор силой своего таланта, глубиной знания жизни народа, испытавшего всю тяжесть угнетения, пониманием сущности исторических процессов сказал свое слово художника-реалиста, зазвучавшее с гражданской страстностью и партийной прямотой.

Мне выпало счастье осуществить первую постановку «Чейнеш». В процессе работы П. В. Кучияк переделывал некоторые сцены, не обижаясь на замечания, а как истинно творческая натура, загорался новым: вносил более яркие детали, придающие образам большую весомость, а конфликтам — большую остроту. Пьеса «Чейнеш» охватывает период гражданской войны на Алтае с 1919 по 1922 год, окончившейся полным разгромом белобандитов и каракорумской уездной земской управы — органа власти баев, купцов, зайсанов, — восстановлением Советской власти в Горном Алтае. Основа сюжета — социальный конфликт, острота которого усиливается личными мотивами борьбы между байским сыном Яжнаем и батраком Кара из-за девушки по имени Чейнеш.

Запоминается сильный образ Чейнеш (ее играла артистка О. Сарина) — алтайской девушки, прошедшей через весь ужас феодально-родового уклада, стремящейся к прекрасной жизни по пути борьбы.

В июле 1939 года пьеса «Чейнеш» начала свою сценическую жизнь. Постановка этого спектакля стала праздником для алтайского народа.

В своей пьесе Кучияк удивительно хорошо играл бая Козуйта. Как-то я у него спросил:

— Скажите, Павел Васильевич, каким образом вы добиваетесь такой обнаженной правды и достоверности в роли бая Козуйта?

Он очень непосредственно ответил мне:

— Сам удивляюсь, как это у меня получается. Вот выйду на сцену, подожму пальцы ног — как-то все само собой выходит.

В 1940 году мы со спектаклем «Чейнеш» гастролировали в Казахстане, Кузбассе, Томске, Новосибирске. Русские зрители горячо аплодировали артистам за их правдивую игру, автору — за его талантливую пьесу. А уж в Горном Алтае «Чейнеш» принимали восторженно. Благодарные зрители об авторе пьесы говорили:

Возьмет ружье — охотник,
возьмет топшур — певец,
наложит грим — актер он,
возьмет перо — поэт.

Павел Васильевич был и впрямь незаурядной личностью. Это — талант-самородок, мастер горлового пения, поэт, соткавший лучшие узоры алтайской поэзии, основоположник алтайской драматургии и великолепный актер с природной пластикой в движениях, неиссякаемой фантазией, богатством интонационной гаммы, в одинаковой мере владевший и трагедийной и комедийной силой искусства. Незабываемы созданные им образы Темир-Санаа из одноименной пьесы Ч. Енчинова, Сюмелю из «Оролор», семиглавого Дельбегена из музыкальной сказки «Юч кыс».

Я ставил несколько пьес Павла Кучияка. Это — «Оролор», показывающая подлинное лицо буржуазных националистов в Горном Алтае, «Эки гвардеец», повествующая о людях фронта и тыла в дни Отечественной войны и инсценировка «Юч кыс» по сказке Н. У. Улагашева. Русский литературный перевод сказки принадлежит бесконечно влюбленному в Алтай писателю Б. Попову, музыку написал композитор А. Ильин. С автором «Юч кыс», знаменитым народным сказителем Николаем Улагашевичем Улагашевым, наш театр был в самых тесных и дружеских отношениях.

И сейчас, когда я думаю об Улагашеве и Кучияке, в памяти всегда встает название легенды — «Зажглась золотая заря».

Этой золотой зарей алтайской поэзии, драматургии и народного эпоса были они — талантливые сыны народа.

ЗАБРОДИН ИВАН СТЕПАНОВИЧ — заслуженный артист РСФСР, народный артист Тувинской АССР. После окончания Омской театральной студии и Первой театральной мастерской Московского пролеткульта (1927 г.) работал актером и режиссером в театрах Сибири. В августе 1936 г. был назначен художественным руководителем и главным режиссером национальной театральной студии, которая вскоре была преобразована в профессиональный драматический театр. «Чапаев» по роману Д. Фурманова, «Поднятая целина» по роману М. Шолохова, «Гроза» А. Островского, «Слуга двух господ» К. Гольдони, «Борис Годунов» (сцены) А. С. Пушкина — таковы первые спектакли молодого актера, поставленные на алтайском языке. И. С. Забродин был первым режиссером, осуществившим постановки спектаклей по произведениям Кучияка. В 1947 году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, ему было присвоено почетное звание заслуженного артиста РСФСР.

С 1950 года И. С. Забродин работает главным режиссером Тувинского национального музыкально-драматического театра.

И. ШУЛЬГИНА

В ТЕАТРЕ

«Юч кыс», «Оролор», «Темир-Санаа»

Мне посчастливилось играть на сцене с Павлом Васильевичем Кучияком. Позже были у меня и другие партнеры, галантливые, по-своему интересные, но таких, как Павел Васильевич, встречать не приходилось. Он играл не только сам замечательно, но и играть с ним было необыкновенно легко, приятно. Спектакли с его участием были согреты каким-то особым вдохновением. Весь ансамбль работал в приподнятом настроении. Каждый его жест, интонация были правдивыми, но в то же время и театральными. Павел Васильевич был пластичен, музыкален, и при всей своей одержимости, горячности, играя, никогда не переступал границ, не был, как некоторые в его ролях, истеричен. Уже одна его внешность много значила — высокий, красивый, с горячими глазами, к тому же чарующий голос, гибкий, широкого диапазона, поставленный от природы. Голосом он владел свободно, так же как и своим лицом, телом. Казалось, для него на сцене нет ничего невозможного.

С одинаковым успехом он играл роли трагедийные и комедийные, исполнял оперные арии и отлично владел речью в драме. Он умел импонировать и зрителям, и нам, актерам.

В пьесе «Юч кыс» Павел Васильевич играл роль людоеда Дьельбегена. Я была одной из трех сестер, которых Дьелбеген хотел съесть. Он только что «сожрал» нашего единственного брата, мы, сестры, в ужасе бежим от него, чтобы спастись.

И вот Дьелбеген-Кучияк запевает песню. Мы, три сестры, знаем: он поет, чтобы заманить нас.

И все же песня чарует сестер. Слушая это колдовское пение, они забывают об опасности. Забывают не только потому, что так надо было по пьесе, но еще и потому, что пел Павел Васильевич. Не поверить ему невозможно. Вероятно, есть и лучшие певцы, но мне не доводилось слышать пения прекраснее, хотя на сцене я прожила долгую жизнь и слышала многих замечательных певцов. Дело тут было не только в тембре, силе и красоте голоса, а в том, как Павел Васильевич пел. Слыша нежную песню, сестры невольно забывали, что это поет людоед. Замирали и зрители. Плененные песней Дьелбегена-Кучияка, они, казалось, и сами пошли бы за ним хоть на край света, если бы он позвал.

В спектакле «Оролор» («Ямы») он играл мужа, я — жену. Он всегда был настолько одержим ролью, что в сцене, где муж «душит» жену, мне было страшно: вдруг в самом деле задушит? И, дрожа от ужаса, я шептала:

— Только не задушите, Павел Васильевич, только не задушите...

В спектакле «Темир-Санаа», когда Темир-Кучияк, схватив меня за руку, тащил, приговаривая: «Бежим, сестра, бежим!» — я шепотом умоляла:

— Ой, не выдерните руку, ой...

Да, казалось, и не только казалось, верилось — задушит! Выдернет руку... Но он на сцене словно по лезвию бритвы шел и никогда не оступался, каждый жест был рассчитан точно, каждая интонация была созвучна образу. Казалось еще чуть-чуть и... Нет! Этого чуть-чуть он никогда не переступал, хотя играл с полной отдачей, на высоком накале чувств.

Увлеченные его страстью, его талантом, мы всегда играли в темпе, в ритме, заданном Павлом Васильевичем, на его увлечение отвечали увлечением. Играя с ним, мы научились так же, как он, отдавать себя роли, сцене полностью. Бывало, опустится занавес и долго еще сидишь опустошенная, не в силах даже стереть грим с лица.

Не забыть последнего спектакля «Темир-Санаа» с участием Павла Васильевича. Было это весной 1943 года. По ходу пьесы враги схватили Темира и живого закапывают в землю. Когда Павел Васильевич-Темир запел арию, в которой есть слова прощания с белым светом, с синим небом, мы, его партнеры по спектаклю, едва сдерживали слезы.

Его жена, Анна Максимовна, сидела в зале, в третьем ряду. Обычно такая собранная, она в тот день плакала.

— Думалось, будто в самом деле живого закапывают, — позже говорила она. — Будто в самом деле ему уже не встать из-под земли.

Словно впервые увидели мы, как он истощен, как похудела шея, впали щеки. А голос, мягкий, могучий, гибкий, звучал так открыто, так печально...

Выездная бригада

С первых дней войны бригада актеров театра ездила в колхозы и на промышленные предприятия. Выступали со спектаклями, с концертами. За качество работы нашей бригады ответственность взвалил на себя Павел Васильевич. Куда бы ни приехали, днем ли, ночью ли, он вместе с рабочими разгружал и потом ставил декорации, проверял

весь реквизит. Перед спектаклем или концертом мы, молодые актеры, обычно отдыхали, а Павел Васильевич пойдет по аилам, побеседует со стариками, послушает песни, сказки, сам тоже споет, расскажет. Люди любили его, охотно общались с ним, пели ему. Он не расставался с карандашом. Писчей бумаги тогда достать было невозможно и писать ему приходилось на каких-то обрывках, на полях газеты. Иногда школьные учителя дарили ему использованные ученические тетради и он писал в промежутках строк[1].

После концерта Павел Васильевич беседовал со зрителями, часто по их просьбе кайларил, то есть пел низким голосом сказания, перебирая пальцами волосяные струны топшура. Он был выдающийся кайчи, умел исполнять и шаманские мистерии под аккомпанемент бубна, но этого никогда не делал в колхозах, а только в больших городах. Исполнял он колхозникам и горловое пение, колыбельную и кабаржиную охотничью. Зрители, случалось, не отпускали его до утра. Вообще-то, особенно в поездках, он спал мало. Иногда всего по два-три часа в сутки.

Однажды он получил известие, что оба его старших сына ранены и находятся в .госпитале. Сыновья не сообщали подробностей. И Павел Васильевич очень переживал, думая о детях — в армии были два сына и дочь Аполлинария. Как-то он был особенно удручен, подавлен. Но к вечеру взял себя в руки и провел концерт с воодушевлением.

После концерта, он сказал нам:

— Мы здесь тоже как на войне: сражаемся с горем, с бедой. Помогаем людям. Сегодня зрители забыли на время о своих печалях, завтра веселее пойдут работать.

«Мы тоже сражаемся» — так он пытался утешить себя. Уж очень горько было ему — в действующую армию не взяли. Пришлось из военкомата вернуться домой.

Однако свои переживания он таил в себе. Мы, его товарищи, не слышали ни одной жалобы на судьбу, на трудности. Чем тяжелее было на душе, тем самоотверженней он работал.

Достаточно вспомнить наши выступления в Кемеровской области. Там для зрителей родной язык был русский, а мы по-русски говорили плохо. Это, конечно, не мешало нам петь свои алтайские песни, танцевать, показывать отрывки из спектаклей. Но для того, чтобы все было ясно зрителям, не знающим алтайского языка, необходим был конферансье. Это нелегкое дело взял на себя Павел Васильевич, хотя и он

---

[1] Эти школьные тетради и газеты, где между строк записаны Павлом Васильевичем сказки, стихи, рассказы, сохранились в архиве у его дочери Розы Павловны Кучияк.

тоже говорил по-русски не слишком хорошо. Но так велико было его обаяние и так мило он сам обращал внимание зрителей на свое произношение, на ошибки, что принимали его очень тепло, слушали со все возрастающим интересом и всегда награждали аплодисментами. Особенно хорошо в его исполнении принимали алтайские сказки. Он их не рассказывал, а разыгрывал: «Вот заяц... вот медведь...»

В наших поездках Павел Васильевич всегда выступал безотказно. Расскажу, к примеру, о ночном концерте в селе Ортолыке. Это было в 1941 году. Мы должны были приехать в Ортолык из Мухор-Тархаты. Но лодки для переправы через реку Чую нам дали только к ночи. В колхоз прибыли в два часа после полуночи. Оказывается, народ ждал нас: как собрался с вечера, так еще и не думал расходиться.

И вот Павел Васильевич обращается к нам, замерзшим, голодным, усталым:

— Девочки, надо постараться. Отказать этим людям никак нельзя. Наши кайчи-певцы, бывало, семь ночей подряд сказки пели. Днем народ на работе. Давайте и мы постараемся, покажем нашу программу.

И пришлось нам, как вышли из лодок, тут же при свете костра дать концерт.

После концерта мы, молодежь, как обычно, поспешили на «покой», едва легли, сразу и уснули. А Павел Васильевич остался с колхозниками, беседовал, пел, рассказывал сказки. Его не отпускали до утра. Доярки прямо с концерта, который он один продолжал, пошли на работу.

Павел Васильевич, так и не отдохнув, отправился в правление колхоза просить подводы для декораций, чтобы мы могли добраться в другой колхоз.

В пути

Реквизит и декорации мы везли на подводах, а сами, случалось, нередко шагали пешком. Бывало, и багаж свой тащили на себе. Хорошие лошади использовались на колхозной работе, а нам давали иногда такого одра, что и сам себя еле-еле волочил, казалось, не будь оглоблей, давно бы этот коняга ноги протянул.

Но какая бы ни была подвода, непременный на эту подводу пассажир — актриса Катя Уксегешева. Под нее хоть кипяток лей, будет сидеть. Однажды идем мы по крутой тропе, толкаем воз, помогаем лошади, готовы, кажется, сами запрячься.

А Катя сидит на возу.

И вот Павел Васильевич как бы невзначай говорит:

— Еще маленько постараемся, лошадка с Катей нас в гору вы-ы-ы-везут, а под гору мы и сами пойдем.

Ну, конечно, Катя тут же соскочила с воза.

Идешь с ним и никогда не тяжело, не скучно. В те годы по нашему Алтайскому краю еще не были проложены удобные дороги и наш обоз растягивался вдоль тропы длинной вереницей. Иной раз встречные, видя растянувшийся обоз и пеших странников, спрашивали, кто мы, откуда. Однажды, когда мы очень устали и шли, еле волоча ноги, Павел Васильевич ответил:

— Эвакуированные мы...

И такая трогательная завязалась беседа, что мы рассмеялись, а смех, как известно, витамин бодрости.

Павел Васильевич сам недоедал, знал, что и мы голодны, и жалел нас, как своих детей. Увидит, что мы приуныли, а идти надо, он вдруг предложит:

— Девочки, пошли за «шпионами»!

Это значило — пошли по грибы, за шампиньонами. И сразу со всех сторон зазвучат шутки, смех. Еще бы! Идти по грибы — совсем не то, что шагать и шагать от колхоза к колхозу. Мы-то так и думали, были уверены, что отдыхаем, а Павел Васильевич хоть и лесом, а все идет к цели. Мы потихоньку за ним. Так незаметно с шутками и придем куда следует, да еще ужин — грибы в кошелках принесем. Был он веселый, легкий человек, выдумщик и хороший товарищ.

В последний путь

В старое время весной алтайцы выкапывали луковицы кандыка, отваривали их в молоке и ели. Пришлось в войну и нам вспомнить о кандыке. Однажды Павел Васильевич с двумя своими детьми — девочкой и мальчиком пошел в горы копать кандык. Я тоже пошла с ними. Дети скоро устали, легли под дерево. Павел Васильевич опустился на землю рядом с ними и пел им, пока они не уснули. Он смотрел на них, спящих, таких бледных, истощенных, и слезы стояли в глазах. Всех своих детей он очень любил, но особенно дороги были ему приветливый Марат и похожая на Павла Васильевича кудрявая Роза, или, как он называл ее — Чечек-Цветок.

Всякой работе он отдавался горячо, беречь себя не умел. Так же горячо взялся он за лопату, когда сотрудники театра поехали в колхоз имени Алферова вскопать землю. Ни один человек в возрасте Павла Васильевича не поехал. Но он отправился на работу вместе с молодежью, не хотел, как он говорил, «отстать». Работал на совесть, вспотел, глотнул холодной воды... Домой вернулся больным.

После этой болезни он уже не встал.

При жизни был у него всего-навсего один синий бостоновый костюм. В этом костюме он ходил, как говорится, и в пир, и в мир, и в добрые люди. В нем же и выступал в концертах. Эту одежду Анна Максимовна чистила, починяла, гладила. Однако пришлось, наконец, подумать, что делать дальше, как быть? Костюм выгорел и залоснился. Я умела немного шить. Попросили меня взяться за ответственное дело — перелицевать костюм.

В этом костюме, синем, бостоновом, перелицованном, мы и проводили Павла Васильевича в последний путь.

ШУЛЬГИНА ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА — старейшая артистка областного национального драматичесного театра, исполнительница главных ролей в спектаклях «Гроза» А. Островского, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Чейнеш», «Оролор» П. Кучияка и др. Имя И. А. Шульгиной известно зрителям и как талантливой эстрадной певицы, обладательницы лирического сопрано. В ее исполнении впервые прозвучали многие алтайские народные песни в обработке композитора А. М. Ильина.

А. АЛТАРЫКОВА

ЧЕЙНЕШ

С Павлом Васильевичем Кучияком мы встретились на первой читке пьесы «Чейнеш» в студии национального театра. В первом варианте пьесы главная героиня погибает, и нам такая концовка не понравилась.

После прочтения пьесы Павел Васильевич стал спрашивать наше мнение. Сначала мы стеснялись. Но потом, почувствовав его искренность и простоту, стали высказываться. Сам Павел Васильевич, казалось, не был автором, так активно обсуждал вместе с нами пьесу, подбадривал: «Я тоже об этом думал» и т. п. А когда не соглашался, то просто и убедительно объяснял, почему этот герой должен именно так поступить, а не иначе. Так читка закончилась бурным обсуждением, и мы разошлись с радостным предчувствием новой, интересной работы.

Через месяц состоялась вторая читка, и мы убедились, что автор многое переработал, учел замечания, и пьеса стала лучше, богаче содержанием, ярче образами. При этом, к нашей общей радости, полюбившаяся нам героиня «не погибает».

С большим воодушевлением мы приступили к работе над постановкой «Чейнеш». И самое деятельное участие в ней принял автор — Павел Васильевич. Особенно неоценима была его помощь режиссеру театра И. С. Забродину, человеку пока что новому в Горном Алтае. Сам Павел Васильевич играл одну из главных ролей — бая Козуйта. Играл великолепно, правдиво. Глядя на него, и мы, казалось, без особых усилий вошли в свою роль.

Надо сказать, что работу над пьесой Кучияк продолжал и во время репетиций. Помню такой момент: я играла в спектакле мать Чейнеш — Баланку. В четвертом акте, действие которого происходит в юрте родителей Чейнеш, одинокая, утратившая надежды на лучшую жизнь Баланка поет грустную песню. На одной из репетиций этой сцены я вспомнила мелодию народной песни, сохранившейся в моей памяти с детства. И я тихо начала напевать эту мелодию.

В это время Павел Васильевич вместе с композитором А. М. Ильиным сидели в зале и, услышав мое пение, прервали свой разговор. Едва я допела, как Павел Васильевич восторженно захлопал в ладоши и попросил меня еще раз спеть эту песню. Потом я по просьбе Ильина несколько раз пропела эту мелодию. Так она вошла в спектакль.

Позднее Павел Васильевич сказал мне: «Молодчина! Красивая мелодия, наша, майминская, притом старинная».

Когда поставили премьеру «Чейнеш» — это был настоящий праздник! И последующие представления проходили с большим успехом.

Настал день, когда мы со спектаклем «Чейнеш» поехали по селам области. Это были дни нашего нескончаемого праздника. Особенно в алтайских селах.

События, которые легли в основу пьесы, были свежи в памяти людей старшего поколения, может быть, поэтому так непосредственно воспринимались многие сцены. Помню такой случай: когда Яжнай, сын бая Козуйта, «убитый», упал близко к авансцене, из зрительного зала подбегали, трогали его, чтобы убедиться, действительно ли убит ненавистный байский отпрыск.

После спектакля зрители долго не расходились. Праздник, начатый нашим спектаклем, продолжался до утра. Всю ночь пели песни, затевали игры и расходились уже не домой, а прямо на работу. Павел Васильевич тоже всю ночь был с молодежью, слушал песни, сам пел, а потом долго восхищался какой-нибудь услышанной новой песней. И так без сна ехал с нами в другое село, где все начиналось сначала...

В 1939 году был объявлен смотр театров Алтайского края. Наш театр поехал на этот смотр со спектаклем «Чей-

неш». Все мы были начинающими актерами, потому было понятно наше волнение: ведь нам впервые предстояло соревноваться с профессиональными актерами. Павел Васильевич, хотя и волновался вдвойне — как автор пьесы и как актер, много шутил, старался для каждого из нас найти теплые, подбадривающие слова. И в шутку и всерьез он говорил: «Где ошибетесь, старайтесь этого не показать, продолжайте, зритель-то ведь не знает алтайского языка».

И вот мы перед зрителями Барнаула. Наш театр выступал в последнюю очередь. Наши нервы были уже на пределе. Но то, как восторженно приняли нас зрители, превзошло все наши ожидания. Уже в ходе первого акта мы почувствовали, что наш алтайский язык не барьер, зритель понимает нас и принимает. Это чувство окрыляло нас от сцены к сцене, и, пожалуй, никогда с таким подъемом мы не играли свои роли, как в тот памятный вечер. Каждое действие завершалось под бурные аплодисменты. А когда спектакль закончился, то мы были оглушены шквалом аплодисментов, оваций, сцена была закидана цветами, вызывали автора пьесы, постановщика.

На другой день все участники смотра собрались, чтобы прослушать решение жюри. Председатель жюри начал свою речь так: «Все говорят, что национальный театр сыграл хорошо. А я скажу: «Нет, не хорошо!»

Мы все замерли: как же так? А вчерашние аплодисменты, цветы? Но после паузы слышим: «Нет, не хорошо, а здорово! Отлично! Сверхотлично!» И тут грянул взрыв аплодисментов участников смотра, членов жюри. А потом председатель жюри продолжил: «И самое замечательное то, что сам автор пьесы играет в спектакле.Это почти невиданное явление! Да еще как играет! Отлично играет! Автор да еще талантливейший артист!» И снова горячо и долго аплодировали, теперь уже Павлу Васильевичу, который стоял, смущенно улыбаясь.

На смотре мы завоевали первое место и право поехать в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Это было признание нашего театра, это был наш праздник.

Поездка в Москву состоялась, но выступить там со спектаклем «Чейнеш» нам не удалось. Началась война с белофиннами и вагон с нашим театральным реквизитом не прибыл вовремя. Но тем не менее пребывание в Москве оставило у нас у всех неизгладимое впечатление. Ведь все мы, кроме П. В. Кучияка и И. С. Забродина, впервые были в столице. Десять дней знакомились с ее достопримечательностями, а вечером с трепетом переступали порог знаменитых театров — Малого, Художественного...

Павел Васильевич Кучияк был душой нашего национального театра, он болел за каждого из нас, радовался как собственному успеху удачно сыгранной кем-то из нас роли. Не могу не вспомнить, как слово «талант» он сказал и обо мне. Я должна была играть роль Кабанихи по пьесе Островского «Гроза». Видимо, я слишком молода была по возрасту, чтобы войти в роль сварливой старухи, и у меня на первых порах ничего не получалось. На репетициях режиссер нервничал, ругал меня, доходило почти до слез. И вот спектакль готов и предстал перед комиссией. После спектакля я почувствовала, что роль все-таки получилась, однако была не совсем уверена, понравилась ли комиссии, своим коллегам. Но когда я по вызову вышла на сцену, то увидела, как Павел Васильевич легко и стремительно пробежал по залу, вскочил на сцену и, широко раскинув руки, крепко обнял меня, повернулся к комиссии и закричал: «Вот кто настоящая артистка! Настоящий талант!»

Не знаю, кому так долго аплодировали — мне ли, восторгу ли Павла Васильевича.

Среди нас в то время самой талантливой была Ольга Сарина, исполнительница ролей главных героинь. Я же чаще всего играла, как мне казалось, роли второстепенные. Роль Кабанихи для меня была первым серьезным испытанием. А Павел Васильевич часто говорил: «Не то важно, что ты играешь главного или неглавного героя. Важно создать правдивый образ, донести его до зрителя. В этом главная обязанность артиста...»

Кучияк был не только талантливым драматическим актером, он был великолепным артистом эстрады. Вспоминаются наши гастроли по Новосибирской, Кемеровской областям и Алтайскому краю. Везде наш коллектив принимали хорошо. Но когда на сцену выходил Павел Васильевич, то зрители бывали окончательно покоренными. Они готовы были часами его не отпускать, кричали, топали ногами, как только он делал движение уйти со сцены. Виртуоз, импровизатор, он прекрасно играл на всех национальных инструментах — шооре, комусе, под аккомпанемент топшура пел героические сказания, исполнял горловое пение. До сих пор не встречала человека, у которого, помимо красивого голоса, был бы такой многобразный репертуар песен, мелодий. Он был бесконечно разнообразен, каждый раз что-то новое появлялось в его мелодиях, во всем его облике. Вот он изображет запоздалого путника, приехавшего из далекого урочища, а вот человека, который оказался в селе, где быт и нравы людей для него необычны. Потом незаметно переходит к собственным сказкам, и зритель опять умирает со смеху. Держался на сцене

просто, без лишних жестикуляций, и во всем его облике было какое-то подкупающее обаяние. И алтайский акцент в его русской речи, казалось, еще больше усиливал это обаяние.

Обычно слухи о наших концертах шли впереди нас. Поэтому, когда мы приезжали в следующее село, нас уже ждали, в клубе «негде было яблоку упасть». Часто из помещения клуба, который не вмещал всех зрителей, мы переносили выступление прямо под открытое небо.

Для всех нас Павел Васильевич Кучияк был другом с добрым, отзывчивым сердцем. Его искренняя натура была нетерпима ко всякой лжи, зазнайству. Он остался в нашей памяти настоящим человеком, талантливым драматургом и актером.

АЛТАРЫКОВА АННА ПЕТРОВНА — заслуженная артистка РСФСР. В 20-е годы вступила в комсомол. После окончания педагогического техникума работала учительницей в одной из сельских школ. В 1936 году была принята в только что организованную театральную студию, после окончания которой стала артисткой областного национального драматического театра. За время работы в театре ею сыграно более 30 ролей в советских и зарубежных классических пьесах. За самоотверженный труд награждена орденом Трудового Красного Знамени. Избиралась депутатом Алтайского краевого Совета народных депутатов.

ДНЕВНИКИ

1935 јыл

2-чи июль. Менің отпуск, тыштанар, өйим башталды. Бүгүн мен јонго тузалу иш этпедим. Түжине базарга барып, тараан аларга санангам, је онызы јок болды. Бойым эдер ижим таппай, сагыжымда балыктап барар күүндү болуп, адару бедреп табарга кезе сананып турдым. Ол сагыш аайынча түнде анайда ок түжендим. Биске Тайборин деп 72 јашту, мундус сööктү колхозчы келип конды.

3-чи июль. Эртенде түшке јетире базарда актаган тараан бедреп, таппай салдым. Тус керек болгон, база таппадым. Энгирде 9 часта ОПТЭ-де[1] куучын айдар болдым. Топшуурымды, комузымды алганча барзам, туристтер келген эмтир.

4-чи июль. Эртен турадаң ала базарга јүргем: тус алган, чай тапкан, ойто келген соондо литературный вечер эткем.

Мен бу өйдө энеден бир катап туулгандый бодолду болдым. Партияның обкомынаң ла облисполкомноң нөкөрлөр Толток ло Зайцев меге Советский писательдердиң союзының член биледин берди. Мен бойымның көзиме бүтпей тургамдый болдым. Нөкөрлөр Зайцев, Толток, Чевалков, Сурнов бойлорының айткан сөзинде мени сүрекей үредип айдыштылар. «Писатель болдым, эмди мен јаан кижи деп чынааркаба» — деп айдып турдылар.

Мени мындый јолго баштаган большевик партияның шылтузы, Лениннің национальный политиказының шылтузы болды. Менің јүрүмим балкашту да болгон болзо, менің көзимди јарыткан, чике јолго баштаган неме — Коммунист партияның баштаганында, пролетарский революцияның идезинде болды. Оның учун менің алдымда турган задачам

---

[1] ОПТЭ — общество пролетарского туризма и экскурсий.

нына једер керек болуп турган. Менинг коркып турганым болзо, Коля јолго арыыр ла деп болгон. Коля дезе арыырдаҥ болгой, јолдо учураган көбөлөктөрлө јуулажып, ойто кайра да јүгүрип турар болды. Бодолы 5—6 км јерди ойто јүгүрип турган болор. Энгир кирген, 11 часка барып јадар өйдө Куйумда Моможоков Көкүлдиҥ айлына јеткен. Јолго солун улус туштабады. Јаҥыс Александровканыҥ јуртсоведининҥ председатели нок. Морлужоков туштаган, колхозтордыҥ бригадазы канайта иштеп турганын көрүп јүрген.

9-чы июль. Эртен тура јүсти јунуп, чайлап алган соондо кармактаган. Неме јолыкпады. Бүгүнги план — эски јуртка јетире кармактаар. Эски јуртка једип болбодыс. Тугановтыҥ јуртына јетире барала, ойто бурыдыбыс. Коля ла мен бир де балык чачып болбодыс. Ваня дезе балык чачты. Энгирде оны кайнадып јидибис.

Кортин Чочогой деп кижиниҥ чеченин куучындаткан.

Јооколу да болзо, талайыс,
Јокту да болзо, бойлорыс.

Эрдиҥ мойнын јок кезер,
Эликтиҥ мойнын ок кезер.

Јаргак тонныҥ бийди ачу,
Јаман кижиниҥ тили ачу.

Јиген јаак кугарар,
Јидирген јаак кызарар.

Киштиҥ сарызы баага јарабас,
Кижиниҥ јаманы курсак таппас.

Шоҥкор ло Чымчый сөгүшкен. Чымчый: «Чоп-чокту Шоҥкор бар деген, ол слер тураар ине». Шоҥкор: «Чаап келген ат ошкош, чакпынду суу ошкош, Чымчый бар деген, ол кижи сен турунҥ ийне».

10-чы июль. Эртенде 12 часка јетире сууга эжинген, күнге изинген. Оныҥ кийнинде чанак бүгүп турган улустарды барып јураган. Түште өлөҥ чаап турган улустарга барган. Энгирдеги кармактайтан план база үзүлди. Ваня турганы јаҥыс чабак чачкан, Коля оны быжырып јиди. Энгирде уйуктап болбой, узаак јаттым. Јүрегим оорып баштап туру.

11-чи июль. Эртен тура Туганов Санаа* биске келди. Ол куучындаган: «Алтай-Буучайды јети конок Чийик Капчалык деп кижи кайлаган. Ол кайчы Көдөтининҥ боочызына чыгарда, темичи-јеерен атту Алтай-Буучай једе јортып келеле: «Сен мени јети конок айтканыҥ чын ба, јок по?» — деп сурады. «Эйе, айтканым чын». — «Айдарда, сен јылаҥаш кезердеҥ ойто качарымда, јетен јети темир тайганы јемире тепкенимди, јетен айры кара талайды соолто тепкенимди — оны не айтпадыҥ?» — деп кизирт эткен. Ол кижи оноҥ корколо, өлгөн».

Бүгүнги план — эски јуртка јетире кармактаар. Бу план

болзо, меге јарык көргўскен партияга баштадып, кара бажым јыгылганча, кара көзим јумулганча, кара тобрактың алдына көмўлгенче, ак санаамла, акту кўчимле кол кўчиле јаткандар коммунизмге барар јолына тузалу художественный ўлгер-бичиктер бўдўрер учурлу болуп јадым.

Бу өрө айткан кара чернилала чийилген сөзимнең јана түшсем, пролетар диктатуразына каршу кижи болуп калайын. Ол тушта бажында ла көстў улустар мени көзиме сабарла сайып, уйалта айтсын. Јолго јодом батпас болзын, јон ортодо уйадым батпас болзын.

5-чи июль. 11 часта Кузбасстаң келген иностранный ишмекчилерге Ойротто культурный јадын керегинде лекция кычырдым. Ол куучынның узагы 3 частың туркунына болды. Уккан улустарда јакшы, јылу сагыш артып калды. Оноң спецшколдо торжественный јуун болды. Ого барып келдим.

6-чы июль. Энирде 6 часта база ОПТЭ барып, бир час куучын айдып божодорго керек болгон, мен дезе 3 час ажыра куучындадым. Отурган туристтердиң ончолорына мениң айтканым јараган, айрылар кўўнибис јок болуп турала, айрылдыбыс.

7-чи июль. Эртен турадаң отпускка Куйум ла Ороктойго јетире, айса болзо, Барагашка барып келерденг маат јок. Эки уулымды ээчидип алала, көндўгер деп јемшикти энирдеги 6 часка јетире сакыдыбыс. Бистиң јемшик Чумакаев Сомош — бойы јобош, нени де кайкап сананып тургандый, санаазы ырааkта јўргендий көрўнип турар кижи болды.

Озо баштап мен оны онгдобой тургам. Кийнинде көрзөм, эмегени оноң айрылып, балазын кучактанганча, уйын айдаганча: «Сен колхозто јадар болзоң, мен сенең айрыладым» — деп айдала, бойыныг Сылганду деп јерине јана берген. Оны кезе сананып турган кижи эмтир.

Айылдаң 7 часка браадарда чыгып, бар немени арказы балулу боро бееге коштойло, Павел, Иван, Коля — ўч Кучияк көндўктибис. Ол кўн Ойрот-Турадаң 20 км бодолду Сайдыс белтирине келип кондыбыс. Энирде конор јерге једеле, сууга кармак таштаганда, ўч чараан, бир сөлөм алдыбыс.

8-чи июль. Тўнде коомой уйуктадым. Энирденг ала уйкум келбей јаттым. Тўнде соокко тонгдым, дуганы јакшы бўктедим. Је тегин ару кейди тынарга да сўрекей јакшы болды. Өкпө сўўнип турганын айдарга болбос. Таң алдында эбиреде агаштарда јўзўн-башка кушкажактар кожонгдожып турганы коркушту болды. Ол кожонгдорды уккан соондо уйку там ла ары келбей барды. Отко аскан чай да ол кожонгдорды угуп, сўўнип, кайнап, октолып турды. Отко салган семдел тал да сўўнип кўйди, эки уул да томонокко јидиртип те турза, сўўнип, јерге тийбей турды. Бўгўн биске не де болзо, школ ја-

бўтти. Туганов, ойто келериcте, јолой чўрчўк айтты. «Ийт башту тенек уул, кайзырыкту кара уул» сўрекей јакшы чўрчўк болды.

12-чи июль. Эртен турадаг ала колхозчы Тукеевле куучындаштым. Энгирде барып тус сакыдыбыс, неме корўнбеди. Тўнде јангмыр болды, сўрекей откон, соокко до тонгон. Сўрекей шыралап конгон. Бу тужында јангыс сагышка кирген неме — Коля уулымныг сози болды: «Кижини балкаштаг эткен эмес, кайыла берерге неме боло берди эмеш».

14-чи июль. Бўгўн тустаг јанала, Тугановтыг айткан чўрчўгин укkан. Баштапкы чўрчўкти чийгеним бу болды. Тўштег кедери Эргегешке, Чевалковко, Чиндашевке, Бабановко, Мекишкинге, Сопушевке, Арыкпаевке, Карасановко айылдаган. Бу мениг Ойрот-Турадаг чыккан соондогы баштапкы ла тыг айылдаш болды. Алтай улустыг кирген кижини кўндўлейтеч кылыктары јада калбайтыр. Онно ло кирген айылдардаг курсак ичерине ичим торт тастайа берди, тыныжым чала кыскара берди. Оног улам корўримде, бойым да ол улустыг кўндўзин буспаска јўреле, кичинек баладый боло бергеним.

Энгирде Туганов чўрчўк айтты. Кайы јараш кай болды. 10 ажыра улустар отурдылар, ончозы јилбиркеп уктылар.

Бўгўн Эргегештиг эмегенин эки балазыла карточкага согуп алган, Туганов айтты: «Озогы улустар эки бала тапса, тўбинде сўрекей коомой болор деп айдыжатан. Андый айылга улус та кирерге байланып туратан».

15-чи июль. Эртен турадаг ала чўрчўк чийдим. Ваня дезе фотоснимокторло иштеген. Тўште јут бололо, сын сўрекей уурлап турар кўн болды. Павел Кортин озогы улустыг укаа куучынын айтты: «Серкенектиг сегис кып, судазыны јангыс»; «Аданыг алты карындаш, адааны јангыс» (эптў болорго учурлу сўс); «Кўп адала, мерген болбозыг, кўп айдала, чечен болбозыг» (озогы кеп сўс ўйинег откўре кей кижини каарып айтканы); «Кўп бололо, чўп болгончо, ас бололо, чоғ (ўс) болзын»; «Карначак бўткен — тўгинеғ таныыр ба, кызарып аккан канынаг таныыр ба?» (байлана айткан сўс).

Кортин Јажнак «Кызыл Ойрот» колхозто иштеп јат. Ого письмо чийдим, кожогдор чийзин деп. Оныг кийнинде туристтер келген, олордыг кезигиле куучындажып јўрдим.

16-чы июль. Эртен турадаг ала «Кара-Маас» деп чўрчўкти чийдим. Тугановло экў бўгўн ол чўрчўкти тўштеги 3 часка бодолду божоттыбыс. Оныг кийнинде Манты эјеме маала одоштым, картошко јабыштым. Эки колдыг кўчиле иштеерге сўрекей макалу неме. Канча ла эди-сўўги — ончозы чўйилип, темип калар. Физический ишти анайда ок сўўйдим.

Кадын ўрў Јыландуда эки кижиге туштадым. Олор айдышты: «Чобыды Бўксў деп кайчы, јажай берген кижи бар.

Кара-Сууда Сыгыр деп кижи бар. Экилези кайлаарга сүрекей улустар» — дешти.

Бу өйдө Трап келди. Айдарда онила куучындажа бердим. Объещик керегинде комудап куучындады. Айылдарга мылтыгын јүктенгенче кирер, колхозчы алтай улустар оног кут ла јок тырлажып отурар. Бабанов Чебидек деп колхозчыныг айлына киреле, Чебидектиг үйин билеттиг акчазын тутканча берзин деп үзереледип турала, эки куштыг балазын былча баскан.

Трап айткан укаа сөс. Байдана деп келиннег укkан. Јуун саадай берерде: «Бу не мындый саат, байтал беениг јелижи бе, балдардыг ойыны ба?» Бир јаскы байрам болордо, Сулукова Содоной Байданы айткан:

— Бу не көзин јумуп алала, келген?

— Сениг айактый көзиге, айдый чырайыга албаты јуулып туру ба, байрам болордо, јуулып турбай.

Трап база көп чөрчөктөр билетен эмтир.

17-чи июль. Эртен тура уйуктап калала, соң турдым. Андый да болзо, түште колхозтыг председатели Арыкпаевле куучындаштым. Ол көп чөрчөктөр билетен эмтир. Эки чөрчөк айдып берди, бирүзин арай божотпоон.

Сегис июльдаг ала 17 июльга јетире Моможоков Көкүлдиг айлына јадарда, колхозчыларла куучындажарымда, кандый неме билдирди? Элдег ле озо көскө көрүнип јаткан неме — колхозчылар колхоз ижин бойыныг сүүген ижиндий көрүп турганы билдирди. Таңла мегдей-шиңдей өлөг ижине барып јадылар. Нормазын бүдүрбеенче, ойто айлына јанбай, туружып јадылар. Анчадала бу јыл көк өлөг эдип турганына ончолоры сүүнижип, «Бистиг мал быјыл сүрекей семис болор» — дежип турулар. Лодырь-јалкуларга колхоз ортозында јер јок эдердиг керегинде ончолоры башка-башка јерден кемјип алып, адааркашкан айасту чаап јадылар. «Ол иштебесте, мен де иштебезим» деп айдыжып турган бир де кижи јок. Культурный иш колхоз ичинде уйан өдүп јаткан эмтир. Киноны сүрекей сакып јадылар.

Бастыра колхозчыларды көрөр болзоң, ойто эскидеги јадынга барар деп бир де сагыштары јок. Колхоз ло јуртын тыңыдарга албадана бергени јарт. Озогызына чала тартынып отурган улус — јажай бергендер.

Куйум улустарында оног до башка ижин иштегилей бергени көрүнди. Капуста, свекла, моркоп, картошко, огурчындарды — ончозын ла отургускан эмтир.

Бир ајыкту неме — балдарды сөөгин билзин деп ада-энелери база үредип туратан болгодый. Темдектеп айтса: Чумакаев Чотпордыг 5 јашту уулчагы Табар — сөөгим шор, Чин-

дашев Мыйактың 5 јашту Көөрөң деп уулчагы — сөөгим тодош, Кортин Павелдиң уулчагы Васька, 4 јашту, — сөөгим чапты деп айдып турулар.

18-чи июль. Москвадаң келген писательдерле кожо баратан деп Эликманардаң бичик келди*.

19-чы июль. Бу күн түнде 12 часта Ойрот-Тура городко једип келдибис. Куйум ла Ойрот-Туранып ортозы 50 км. Бу тужында бойыбыстың ийдебисти ченедибис.

21-чи июль. Эртең тура озо нөк. Зайцевле куучындажарга керек болгон, анайдарда ол келишпесте, озо нөк. Сурновко туштадым. Нөк. Сурновтың јакылтазы мен писательдерле кожо аймактарга јүрзем, нени эдер учурлу болгоны: 1) Писательдер кайда, нени иштеп јат, олорды јон канайда уткып јат? 2) Аймактарда, колхозтордо кандый солун неме бар? Оны чийер. 3) Сөөк сөөктөрлө тартыжары аймактарда бар эмтир бе? Оны көрөр. Радиокомитет хрониктер ийзин деп сурады.

Бүгүн «Крестьяндар» деп киноны көрдим.

22-чи июль. Акча алган, 500 салк. Онгдойго атанарга белетенген. Данилинге письмо чийген. Түштеги 1 час бодолдуда Ойрот-Турадаң атанган. Оныҥ кийнинде шофер бойының айлына келеле, сүрекей узак отурды. Кадын суузын кечире салган мостоло баштап ла кечип келдим. Кайкамчыкту неме. Чаргыдаң өрө Шабалинге јетире өткүн јааш болды. Кургак јерим артпады, ичеенине суу уруп ийерде, јүүлип чыгып келген өркөдий болдым.

23-чи июль. Онгдойго јеткен. Писательдер Кош-Агаштаң ойто келгелек эмтир. Алагызова Анна деп келиннинг айлына келип, Тулаевле кожо түштим. Оо уйуктарга јадарымда, Манкышева Куленке деп 56 јашту үй кижи келип кирди. «Атту келдеер бе, јойу келдеер бе?» — деген суракка «Јойу келдим» — деди. «Јайдак атка не минбес?» — дееримде, «Тегин де јарбак неме бол, јайдак атка минзе, там ары јарбайар болзо, не болор» — деди. Онон ол үй кижи айдып јат: «Бу эмдиги балдар кандый саң башка. Ичи-буурына не кире берди болбоой? Озодо бу кижи оос ачпай јүретен эди. Эмдиги балдар айтпасты айдар, кылынбасты кылынар. Койы јокто, кодур эчки баштайт деген...»

Кожоңдор бичидим:

Эне Урсулды јакалай
Эрен-чоокыр таш таптым.
Эл-албаты ортодо
Эркиндү Совет јаң турды.

Кан Урсулды јакалай
Кара-чоокыр таш таптым.
Калык-јонның ортодо
Кайран Совет јаң турды.

* * *

Себи төмөн мантаган
Сегис мыйгак, сени мен!
Сертежерде, болбогонг,
Акыр, бала, сени мен!

Арка төмөн мантаган
Алты мыйгак, сени мен!
Айдарымда, болбогонг,
Акыр, бала, сени мен!

* * *

Эчки терези токумныг
Эскизи калзын бу Алтайга.
Эдискелӱ ӱнимниг
Јангылгазы калзын бу Алтайга!

24-чи июль. Эртен турадаг ала писательдерге туштадым. Олор сӱрекей сӱӱнди. Энгирдеги 11 часка јетире олут болды. Тӱнде барып писательдерге сӱт сурап алып бердим. Олор чечен блааштылар. Катаев ле Зарудин Богословскийди өмөлӧдилер. Олордыг тартыжыла болзо, кем артык, кандый писатель артык. Бирӱзи ол артык, бирӱзи ол артык деп турды.

25-чи июль. Эртен турадаг ала атанарга шыйдынган. Ол шыйдыныш тӱштеги 3 часка јетире болды. Учында келер болзо, эки јемшик эзирик, кош онгдоп тартып болбос, аттаг агтарылып турар болды. Айдарга болбос сӱрекей уйат неме болды...

26-чы июль. Колхоз Папардэдэ тӱжине јӱрӱп, айылдардыг јадыныла таныжып, кажаандарды көрӱп, ончозын айландыра көрдибис. Бу немелерди ончозынаг артык сонырқап угуп, көрӱп турганы Зарудин деген писатель болды. Катаев албатыныг тоозы өзӱп јатканына бӱтпей турды: «Статистикага бӱдерге болбос, озолойтоны бар эди». Јон јадынын кичееп көрбөс, туйук сагышту кижи Богословский.

27-чи июль. Куладыдаг атанала, Каракол бажына једип кондыбыс. Энгирде эмеш ангдап баштадыс, неме көрӱнбеди. Тӱниле јааш тыг болды.

28-чи июль. Эртен турадаг ала айас кӱн болды. 9 час. 30 мин. атанала, боочыга чыкпай туруп, бир куран көрөлө, 70 кулаш јерге јастыра аттым.

Караколды өрө чыкканда, јолы јакшы јер эмтир. Ӱч ажу керип, Теректӱниг бажына келер болзо, јайгыда мал кабырузы јер эмтир. Бажынаг төмөн өлөг чабар, мөш агашту, эскиде эки јерде аггныг чедени бар эмтир. Кулактар јатканы јарт көрӱнип јат. Оног келеле, эки өзөктиг оозы — капчал јерге кондыбыс. Мениг јӱзим тижип калтыр.

29-чы июль. Алтыгы Оймонго једер план. Тӱштеги бир часта Теректӱге јеткен. Алтыгы Оймонго једип конгон.

30-чы июль. Эртен тура айас кӱн болды... Автом. катастрофада Натан Зархи* 17 июльда Москвада ӧлгӧн.

Колхозтың председателиле нӧк. Явцев Семен Андриянович-ле куучындаштым. Кожо jӱрген писательдер кандый да ачык-jарык, jайа-тейе куучынданар немени кандый да башкалап көрӧр.

31-чи июль. Аң совхозына келдибис. Анда бисти сӱрекей уткыдылар. Мараловод Самойлов Иван Макарович бисти сӱрекей уткыды. Совхозтың хозяйствозы jакшы, jаңыс рабочийлердиң jадатан туралары jок, кызыл толык jок, культурный jаны уйан эмтир. Онон ойто одубыска jеткенис. Эртеңги план — Ак-Кобыда колхозко барып келер.

1-кы август. Эртен тура атанала, Ак-Кобыда «Кызыл Ойрот» колхозко келдибис. Нӧк. Табаевле куучындашкан: «Кызыл Ойрот» озо башталарда, аң артель болгон. Онон 1929 jылда коммуна болордо, ончозы коммунар болгон. 1930 jылда 7 ӧрӧко арткан: Табаев (ӧскӱс, кулакка jӱрген), Болтовский, Чагаевтер, Хабаров. 1935 jылда дезе көп ӧрӧкӧ июль айда колхозко кирген (алтайлар 78 ӧрӧкӧ, орустар 13 ӧрӧкӧ). Колхоз мал азырады. Jылкы — 158 тын, уйлар — 400, бозулар — 108, койлор — 1067 тын... Колхозчылар ончозы уйлу; 7 ӧрӧкӧдӧ уй jок: 2 эски, 5 jаңы кирген улустарда. Ӱч уйдаң, көп jаны эки уйдаң саап jат... Тын-тоозы улустардың (16—55 jашту) 116 кижи, бичик билбези 34 кижи...

2-чи август. Эртен тура 10 частаң ала нӧк. Волков Василий Ананьевичле куучындашканыс. Оның куучынынаң: Оңдойдо комиссия ӧткӧн соондо Jаламан бажына чыкканыс. Минаков комдив болгон. Актарла Jаламанда согушкан, көп jанын пленге туткан. Соок-Jарыкка Кайгородов отряд ийген, бойының бандиттерине болуш эдерге. Минаковты ойто алдырган соондо Долгих комдив болгон. «Мен слердиң jӱрӱмеерди чеберлеерим, сӧзим берип турум». Кайгородовты алган*.

1936 jыл

9-чы февраль. Москвага 3-чи январьда келеле, бир де онгду дневник чийген jок. Бӱгӱннең ле баштап чийерге керек болды.

Мен бӱгӱн М. айлына кондым, эртен тура турала, 12 часта Голицыного jедип келер болзо, шуурган деп неме коркышту болды. «Сен, кулугур, келген болзоң, jакшы ӱлӱӱнгди берер» — деп тургандый. Көскӧ-башка туй чаап турды.

Дом творчествада сӱрекей jакшы уткыдылар. Бӱгӱн эңирде бир полька ӱй кижиле куучындаштым. Советский Союзка

келгели 7 ай болгон. Бир француженкала тушташтым. Тил ондожып болбой турдыбыс.

Бүгүн энгирде онду неме чийбей, амырап уйуктаар деп сананып, 10 часка браадарда, јадып уйуктадым.

10-чы февраль. Бүгүн түнде соок сүрекей болды. Бир кат простыня, эки кат јукачак одеяло, пальто арайдан ла мени тонгырбады. Озодо, кичү тушта, айылга соокко тонгоным сагыжыма кирди. Айла, меге өчөшкөн немедий, соок то тынгып келди.

11-чи февраль. Эртен тура ажанып алала, Москвада таштаган ödүгим барып алдым. Зазубринге* айылдадым. Край ОГИЗ-тен 500 салковой акча келип калтыр, алдым. Онон КУТВ студенттерине туштап, бир кезекке куучындажып отурдым. Онон ойто Голицыного 7 часта келдим.

12-чи февраль. Бүгүн түнде соокко тонбой, јакшы кондым. Творческий сагыш та өйинде јенгил болды. Рассказты* јенгил чийдим. Је андый да болзо, рассказ чийери үлгер чийеринең күч болотон эмтир. Јенгдеер ле, күч јеткенче, јана базыш јок. Энгирде ужин тушта эки писатель табарышты: Шагинян Мариэтта ла Дроздов.

13-чи февраль. Јангы јерге келерде, чийиш јакшы јылбай туру. Сагыш кандый да чайбу болуп јат. Бүгүн облисполкомның председателине письмо ло заявление чийдим, балдарыма болуш керегинде.

14-чи февраль. Эртен тураданг ала Москвага бардым, учебный карталар редактировать эттим, бир күч ишти бүдүрдим, ойто 7 часта јанып келеле, энгирде 8 часта писатель Мариэтта Сергеевна Шагинянла узак куучын болды.

15-чи февраль. Эртен тураданг ала рассказты чийдим. Кандый да күч ле болуп јат, анда да јок чанак уур да болзо, эки адыс јерди тартып, карарта чоокырладып салдым.

Кандый да болзо, јенгдеер ле. Кижи јенгдебес неме јок. Бүгүн чуваштың писатели келген. Онула бир час кирелү куучындажып отурдым. «Темир-Санааны»* баштап чийдим.

16-чы февраль. Бүгүн эмеш јылдыра чийдим, јанғы јерге темиге бердим ошкош; чийип јаткан улустарымның сүр-кеберлери чала бойыма јарталып келип јаткандый болуп туру. Бүгүн «Темир-Санааны» база көндүктире чийдим.

17-чи февраль. Эртен тура тенгери айас болды, сыным јенгил болды. Айлым, балдарым сагыжыма сүрекей кирди. Түште обедке јетире иш јакшы болды. «Эркелейди» јылгыр чийдим*, обед кийнинде база ла балдарым, Алтайым сагыжыма кирип, бир кезекке иштеп болбой отурдым.

18-чи февраль. Москвага звонить эдеримде, айлымнаң письмо келген деп Зарудиннинг үйи айдарда, будым јерге тийбей бардым. Энгирде столовыйда писательдердиң ортодо

ойын көргўстим. Онҷолоры јарадып көргиледи. Бўгўн айлыма письмо чийдим.

19-чы февраль. Эртен турадаҥ ала Москвага барып, эки письмо алдым, немецкий драматургтыҥ* айлына айылдап, чай ичип, куучындаштым. Ол Алтайга барар болорым ба деп айтты. Зарудинге айылдап, бир письмоны оноҥ алдым.

20-чи февраль. Эртен турадаҥ ала рассказты чийип божоттым. Обедтиҥ кийнинде посылканыҥ кайырчагын эттим, бўдўрип салдым. Андый ишти кандый сўўп јадым, узанар ла кўўним бар. Бўгўн уулыма письмо чийдим, Варвара сыйныма база. Мойным ла эки јардым оорып калтыр.

21-чи февраль. Бўгўн кўн јылып калтыр, эртен тура почтага посылка, уулыма фотоматериал, салдым. Тўште «Темир-Санаа» чөрчөкти чийдим. Онын кийнинде Свирскийдиҥ јўрў-мин кычырдым, энгирде база чөрчөкти чийдим.

22-чи февраль. Эртен тура кўн көрўнбей, кар јаап турды, соок эмеш киреленип калтыр. Ол кўн чөрчөк чийдим.

24-чи февраль. Таҥ эртеденҥ ала Москвага барып келдим, анда кере тўжине јўрдим. Мызаев Јырпанга* туштадым, ол Ленининиҥ орденин алган. Онына куучындажып отурдым. Оноҥ ойто јандым. Энгирде балдарыма письмо чийдим.

25-чи февраль. Эртен турадаҥ ала айылга посылка јазадым. Бўгўн творческий иш кирелў, ас болды. Андый да болзо, кару нөкөр Катаев И. И. келгенине сўрекей сўўндим.

26-чы февраль. Эртен теҥери айас, соок кўн болды, чайлап алган соондо чөрчөк чийдим. Бўгўн, 7 часка јеткелекте, «Темир-Санаа» деген чөрчөкти чийип бўдўрдим. Кичўде уккан чөрчөк, көп јакшы јерлери ундылган ошкош. Анда да јок јолыҥаҥ ыраак кыйбадым. Сары јијиҥейлер тўште «јылкел, јыл-кел» деп эдип турдылар.

27-чи февраль. Бўгўн кўн ойто сооп калтыр. Кичў көстў элгектеҥ кулур элгеп тургандый, кар буркурап, јаап турды. Рассказты орус тилге көчўрдим, чын кўч неме мында болды. Чын терлеш эмтир. Ўч карагайдыҥ ортозына азып јўрдим.

28-чи февраль. Бўгўн сўрекей јылу кўн болды. База «Эркелейди» көчўрдим. Новосибирскийдеҥ «Молодой Алтай»* деп бичик алдым.

29-чы февраль. База рассказ көчўрген*, је алтай тилге чийгени база арай уйан эмтир. Кезик јерин јазаар керек. Свирскийдиҥ јўрўмин кычырдым.

1-кы март. Свирскийдиҥ јўрўмин бўгўн божодо кычырдым. Јакшы чийген. Оноҥ ўренерге немези бар, керсў чийген.

Пушкиниҥ «Евгений Онегинин» кычырып баштадым, билерге кўч болуп көрўнди.

7-чи март. Бўгўн сўрекей тыҥ иштедим. Рассказты божодо чийдим. Рассказтыҥ көчўрижин энгирде 7 час 30 мин. бо-

жодо чийдим. Энгирде Пушкиннинг «Евгений Онегин» деп бичигин кычырдым. Рассказымды Катаев Ив. Ив. писательге апарып бердим. Ол оны эмеш кычырып көрөлө, «Чала кыскарта көчүрдинг, перевод кирелү» — деп айдар күүни бар болды.

8-чи март. Бүгүн онгду неме иштебедим. Чала тыштаныш аайлу болды. «Евгений Онегинди» божодо кычырдым.

11-чи март. «Человек меняет кожу» деп бичикти кычырдым. Јангы баштап, онгдоп билерге күч болуп јат.

14-чи март. Эртен тура Зазубринле эрмектештим. Рассказты коомой деп айтпады, көчүргени уйан деди. Бүгүн чөрчөк көчүрдим.

15-чи март. Бүгүн база ла чөрчөк көчүрдим. Энгирде Бруно-Ясенскийди кычырдым.

16-чы март. Сүрекей эптү күн болды. База чөрчөк көчүрдим. Карпов деп карый берген писатель келди, јадарга. Кижиге кару, өмөлөжип иштеер күүни бар кижи эмтир.

17-чи март. Бүгүн сүрекей јакшы күн болды, теңери тапту семис малдың каазазы ошкош булутту, јер дезе көс чактыгар ак торко платьелү болтыр. Бүгүн «Темир-Санаа» чөрчөкти көчүрип божоттым, 2 час түште. Энгирде нөк. Киндиков Мрык келген. Ого айдары јок сүүндим. Экү јаңыс орында јадып уйуктадыбыс.

18-чи март. Бүгүн эртен турадаң ала чын тыштаныш болгон. Киндиковло экү «Темир-Санаа» чөрчөкти кычыргам.

19-чы март. Бүгүн эмеш «Кара-Маасты»* көчүргем. Бруно-Ясенскийдиң бичигин кычырдым.

20-чи март. «Кижи терезин солып јат» деп бичик меге сүрекей јарап туру, јаңыс күч јерлери байа тууразынаң шүүй бергенинде болуп јат. Бүгүн айлымнаң письмо алдым. Ого коркышту сүүндим. 2 баламның, эмегенимниң фотокарточказын алдым, акча јок, түреп јатканын угала, кунуга бердим. Карман тудуп, кактап туруп, эртен ийер туру.

21-чи март. Бүгүн айлыма письмо, телеграфла 50 салковой акча ийдим. «Кара-Маас» чөрчөктиң 18 страницазын көчүрдим. Иш өйинде јакшы болды.

22-чи март. Эртен турадаң ала база көчүргем, чала сыным уур болды. 450 строк көчүргем. Эртен Москвага барар керек.

24-чи март. Эртен турадаң ала эмеш чөрчөк көчүрген. Түште КУТВ-таң студенттер келген: Чумакаев В. Ф., Кыжыков А. А. Олорго коркышту сүүнип, олорло кожо күн өткүрдим.

25-чи март. Бруно-Ясенскийди божодо кычырдым. Айдары јок јакшы бичик болды. Энгирде чөрчөк јакшы көчүрдим.

26-чы март. Энгирде јакшы иштедим. Чөрчөк көчүрдим.

Флобердиң «Госпожа Бовари» деп бичигин кычырып баштадым.

29-чы март. Бӱгӱн «Кара-Маас» чӧрчӧкти кӧчӱрип, учына чыктым. 3700 строк.

30-чы март. Айлыма письмо чийдим... Флоберди кычырдым.

1-кы апрель. Бӱгӱн «Госпожа Боварини» божодо кычырып, учына чыктым. Јакшы чийген бичик. Канайта сӱӱйтен, кемди сӱӱйтенин билерге керек туру бу бичиктең.

Бӱгӱн театр народный творчестводо болдым*. Бу чын народный театр эмтир. Сӱрекей јарамыкту болды. Андый театрды јаңыс ла социализмди бӱдӱрип јаткан талада көрӧр туру. Өскӧ талада кайдаң келер ол?

2-чи апрель. Н. Островскийиң «Болот канайда каткан» деп бичигин (романын) кычырып баштадым.

3-чи апрель. Бӱгӱн «Келер-Куш» деген чӧрчӧкти кӧчӱрип чийдим.

4-чи апрель. Эртен тура Москвага нӧк. Рахиллоло*, Хайдарла кожо барган. Чын большевик нӧкӧр Хайдар эмтир.

6-чы апрель. Тӱште эмеш чӧрчӧк чийген. Энгирде «Болот канайда каткан» деп бичикти кычырдым.

10-чы апрель. Кече эмеш сагыш башкаланган да болзо, керекке албай, балдарыма облисполком болуш бергенин угала, санаам омок боло берди. «Келер-Кушты» чийдим.

13-чи апрель. Бӱгӱн пьесаны баштап чийген*.

18-чи апрель. Ойто база Москва. Театрда репетиция болгон. Анда 4 часка јетире турала, ойто Голицыного келген.

19-чы апрель. База Москва. Эртен турадаң ала Маяковскийиң стихин ӱренип, јӱрегим согулды*. Јӱрегимниң согужына чыдап болбой, айлыма письмо чийдим. Бӱгӱн энгирде чын интернациональный генеральный репетиция болды. Андый интернациональный творчество јаңыс болуп биригип, бойлорыныҥ кӱчин көрӱжип турганы большевик партияныҥ шылтузы, Ленинниҥ национальный политиказы.

20-чи апрель. Кече репетицияда узак турган керегинде узак уйуктап калдым. Бӱгӱн энгирде мениҥ выступлением. Сӱрекей коркып турганым јок. Андый да болзо, јӱрек токунабай јат.

Бӱгӱн энгирде сыраҥай ла јӱрексиреп турган тужым болды. Андый да болзо, стихти бир бӱдӱрилип туруп кычырдым. Бойымныҥ номеримди јакшы бӱдӱрдим.

21-чи апрель. Огизке барып, карталарга кажы бир сӧстӧр кӧчӱрип бердим. Бӱгӱн энгирдеги выступление кечегизинеҥ оҥду болды. Тыҥ јӱрексиребедим, сыным јеҥил болды.

22-чи апрель. Бӱгӱн литературный иш јок, выступление јакшы болды, андый ойын болорын бойым сакыбаам.

23-чи апрель. Бойымныҥ адымды башкаруныҥ газединеҥ* көргөн соондо будым јерге тийбей бардым. Мени ажыра ойрот албатыныҥ ойын-јыргалын Совет Союзта албаты угар, көрөр.

24-чи апрель. Эки кожоҥ чийдим: тойдыҥ, уткуул. Бүгүн энгирде ненииҥ де керегинде јүрексиреп номерди өткүрдим, арай ла јастырбадым. Түнде, бир часка барып јадарда, Голицыного келдим.

26-чы апрель. Ойто Москва келдим, энгирде база театрда выступать эттим, анда отурган албатыныҥ алакан согужы база да тыҥ болды. Энгирде кару писатель-нөкөрим келген.

27-чи апрель. Түште наукалар Академиязына јүрдим, алты часка јетире ойрот областтыҥ картазын јазап, көрүштим. Оноҥ энгирде театр народный творчестводо база калганчы күн выступать эттим, алакан согужы база да коркышту болды.

28-чи апрель. Бүгүн гостиница «Москвадаҥ» барып јадым. Совет башкаруныҥ шылтуунда јарык көрдим. Канча муҥ албатыныҥ алдына выступать эттим, ончо улустар јарадып көрди, башкаруныҥ, партияныҥ газедине кирдим. Москвада «Москва» деп кирлү колло тутпас комнатада јаттым. Телефоны бар, радиозы бар, кийим илер јери, душ бар, калыҥы јарым метр јымжак төжөк. Бу јыргалду комнатаны узакка ундыбазым.

28-чи апрель. Бүгүн ойто Голицыного барар керек. Голицыного 6 часта једип келдим. Айлымнаҥ письмо алдым, балдардыҥ амыр јатканын уктым.

29-чы апрель. Эртен тура Москвага барар керек болды — кино јурадарга. Киноснимок божогондо, ойто келдим.

30-чы апрель. База Москвага баргам. Радиоло бастыра Совет Союз ичине текши угулта кайлап бердим.

1-кы май. Бүгүн тенгериниҥ түбиле темир куштар өрс учкылаганын көрдим. Канча миллион албаты Баштапкы майды уткыдылар, эки буттары талганча басканын көрдим.

2-чи май. КУТВ-тыҥ студенттери келгенин уткып, нөкөрликтиҥ күнин өткүрдибис, јаман-јакшы айдышпадыбыс, јакшылыкту конуп алдыбыс. Бүгүн күүктиҥ үнин уктым.

3-чи май. Эртен турадаҥ ала Москвага барып, күн өтти. Энгирде НКВД-ниҥ клубына выступать эттим, оноҥ ойто келеле, Катаев Ив. Ив. айлына кондым.

4-чи май. Москвадаҥ Голицыного јанып келдим. Обедтиҥ кийнинде «Кулакчын» деп чөрчөкти баштап чийдим*.

5-чи май. Эртен турадаҥ ала энгирге јетире база «Кулакчынды» чийдим. Иш өйинде јакшы болды. Энгирде јаткан.

6-чы май. Бүгүн «Кулакчын» деп чөрчөкти божодо чийдим. Бу чөрчөктиҥ көп јанын бойым таап чийдим. Энгирде

Москвага театрга барар деп тергендим, барып келдим. Айыл ээзининг кичӱ балазыла Надяла «Албаты творчествозы» деп театрга барып келдибис. Айтпаза да, чын албатының театры деп айдар театр болды. Совет Союзында јаткан канча ла нациялар, бойының культуразын бойының айлында көргӱзип тургандый; ончозын сӱӱнчилӱ ойноп турадылар. Камчаткадаң ала Крым ла Ереваннаң бери келген албаты.

7-чи май. Бӱгӱн көп иш бӱтпеди. 100 строк эмеш ажыра. «Кулакчынды» көчӱрген. Артык неме этпей, Пушкиннің «Дубровскийин» кычырдым.

8-чи май. Бӱгӱн эртен тураданг ала «Кулакчынды» көчӱрген. Иш јакшы бӱтти, сыным јеңил болды. Пушкиннинг «Пиковая дамазын» кычырдым.

9-чы май. «Кулакчынды» орус тилге көчӱрип салдым.

10-чы май. Москвага барып, «Кулакчынды» Зазубринге берип, ойто јаңдым.

11-чи май. Энгирде айылчылар келип конды: Азанов ло Иртанов.

13-чи май. Бир де иш эткен јок, кере тӱжине тегин јӱрген, баш оорыган, јӱрек оорыган. Адының тискинин тудуп болбос кижиге ол керек! Солун јерге јӱреле, кемге иженип, аракылап јат, оноң не туза болор? Уйатты уйга артып салган кижи.

14-чи май. Бӱгӱн 6 часта турала, пьеса чийген. Јакшы иштедим, кижи јӱзӱндеш болдым. Јайла кожо Алтай сагышка кирип јат, колхозный театр сагыштаң чыкпай јат. Кобыјикте, колхозчылардың ортодо пьесаны тургузар керек, культураны таркадар керек. Бар кӱчти ончозын салар керек. Ойрот јерининг кобы-јигининг ончозына эмиги јок электричествоны, јаркынду социалист культураны таркадар керек.

Бӱгӱн А. Серафимовичтиң «Железный поток» деп бичигин ӱзе кычырып салдым. Јакшы чийилген книге. Кара јаңыс украин, казак тилле улустың куучындажып турганын чийип салган. Ол тилди билбес улуска кычырарга кӱч бичик эмтир.

16-чы май. Тӱжине А. Фадеевтиң «Разгромын» кычырдым. Энгирде ӱзе кычырып чыга бердим. Сӱрекей јакшы чийген бичик болтыр.

17-чи май. Бӱгӱн калганчы кӱн Голицынодо отурым, эртең барып јадым. Нени айдарың, ӱч ай јадала? Айдар сӧзим јаңыс: «Бойымның 39 јажыма јетире, тӧрт — бежинчи јыл писатель болгонымның туркунына алдынаң иштенер комнатада јатканым бу Голицынодо болды. Партияның айткан сӧзи, кадрларды, улусты чеберлеер дегени мында кыйалтазы јок бӱдӱп јатканы көрӱнет. Мен, Ийт-Кулак деп атту бойым, советский писатель болгоным мындый кӱндӱлӱ јӱргенимди көрӧр болзо, большевик партияның, совет башкарунының шылтузы болды. Азып јӱрген бойыма јол көргӱсти, карангуй

jўрген бойыма кўн чалытты. Менинг бойымда турган керек эмди кандый дезе, Совет башкару мени писательге jетире ўреткен керегинде ол кўндўлў атты артатпай, тобракка тўжўрбей, ӧрӧ бийик тударга керек болуп туру.

18-чи май. Ўч ай ажыра jаткан Голицыноны таштайла, Москвага келдим.

19-чы май. Театр народный творчество барып келдим.

20-чи май. Бўгўн эртен турадаг ала «Келер-Куш» деп чӧрчӧкти чийдим*.

21-чи май. Эртен турадаг ала онгду неме эткен jок. Тўжине Jабыкла* кожо jўрўп калган. Энгирде театр народный творчествого барып келдим.

24-чи май. Бўгўн ӧйинде jакшы иштендим. Jабыков келерде, узак Ойрот jеринде не барын jазап куучындаштыбыс.

25-чи май. Эртен тура 11 часта филармонияга репетицияга барган. Оног бир часта народный комиссар по делам искусств нӧк. Керженцевке кайлап бердим. Энгирде театр народный творчестводо репетиция болгон. Ондо тўндеги 12 часка jетире туруштым. Бўгўн онгду иш jок.

26-чы май. Эртен тура эмеш чийген, онын кийнинде М. М... звонить эткен. Ого барып туштап келдим, кызыл-марал чырайы агаш болуп кугарып калтыр, аргазы чыгып, кунугып калтыр.

Энгирде театр народный творчество барып, выступать эттим.

27-чи май. Бўгўн эртен тура Морозова Анисия Васильевна чӧрчӧкчи ўй кижи келген*. Онына куучындаштыбыс. Бичик билбес. Кӧгўсле бойы ўлгерлеп jат, 63 jашту. Карган да болзо, куучындаган соондо, эди изиген соондо курсак та ичерин ундып салган, куучындады.

1-кы июнь. Бўгўнги кўн иштеген ишти айдарга да болбос болды. 7 jўс строк бодолду чӧрчӧк кӧчўрдим.

2-чи июнь. Бўгўн «Келер-Куш» деп чӧрчӧкти божодоло, кӧчўрип ийдим. Бу кўн Всеволод Иванов чийген «Бронепоезд № 14-69» кычырып баштадым. Энгирде Канаев Кўндўлей келди, конды.

3-чи июнь. Москвага барып, «Келер-Кушты» Зазубринге апарып береле, келдим. Jолой «Бронепоездти» кычырып, божодып салдым. Артык иш иштебедим.

4-чи июнь. Бўгўн пьесаны чийип кӧндўктим. Сўрекей jылдыра чийип болбодым. Энгирде театр народный творчество алдырган. Ого барып келдим.

5-чи июнь. Бўгўн эмеш пьеса чийдим, оног квартира бедиреп, узак jўрдим. Энгиргери таптым. Энгирде Канаев келген. Онына кожо базып jўреле, станциянын jанына вагонго табарала, поездтинг алдына арай тўшпедим. Jыгылала, бир

кезек сагыш чыгып барала, оңдолдым. Как элүүрге јүреле, канайып јыгылган? Торт оңдобой јадым. Баш бойы айланган болор, оноң башка кайткан? Арай ла болзо, Чочуш уулы Ийт-Кулак сööги Голицынодо чириир эди.

6-чы июнь. Бүгүн јаңы квартирага көчтим. Курашкин Николай Яковлевич деп № 88 Пушкинский проспектте јаткан кижиге көчтим. Энгирде Москвага барып, театр народный творчестводо выступать эттим. Калганчызын. Мени театрдың дирекциязы баалу немеле сыйлады.

7-чи июнь. «Ойротский комсомол» газетти алдым*. Мени национализмниң писатели деп Енчиновтың выступлениезин канайдар база. Кижиниң өзөгин јара кезеле, оның кандый ла јажытту санаазын билетен болзо, мен кыйышпас эдим. Мен националисттердиң писатели деп түнде түженбедим де, түште сананбадым да. Мен бичикти чийип баштаганымнаң (1932 j.) ала јакшы ла чийейин деп албаданган болгом. Төрт јылдың туркунына областьта бир де кижи оос ачып, бичигенимниң јаман-јакшызын айтпаан, јакшы јол көргүзип, түзебеен. Бойымның күчиме салдырып чийгеним, айса болзо, бир канча тутактарлу болуп калды. Критика качан да меге узалу, ол качан да мениң јазылар эмим. Је Енчиновло менің јöпсинишпес неме — «Туујы». Ол мениң произведением деп айдарга јарабас, ол канча үйеден бери албатының оостоң ооско, кижиден кижиге улай айдылган чörчöги.

Је мен ол критикадаң ары кайда да, качан да сагышка түжеле, эки колды божодо салып ийер эмезим. Мен критиканы бойыма алынып, јастыралу јеримди көрүп алала, бар талантты салып туруп, јакшы качествolу, политика, идеология јанынаң бек-быжу, эпоха социализмге керектү, тузалу бичик бүдүрер керек. Бу сагыш менде бек, кайда да болзо, андый бичикти бүдүрерим.

8-чи июнь. Бүгүн Мария Владимировна айылдап келди. Энгирде Кахаев келип конды.

9-чы июнь. Бүгүн эмеш пьеса чийдим, сагыш кандый да оодыңы болды. Кахаев јакшы иштеди. Эки конокко заданиезин катап такып үренди. Сүрекей сүүнип јанды. Добычин* деп писательле сүрекей јакшы куучындаштым.

10-чы июнь. Бүгүн пьесаны чийдим. Кече Добычинле куучындашканымнаң улам сагыш база көп кожулды. Баштапкы картинаны божодо чийип салдым.

11-чи июнь. Бүгүн экинчи картинаны чийдим. Сүрекей көндүктирип болбодым. «Красная Ойротияданг» статья келген*, Оны көрдим. Кайда барар? Јизе де — бöрү, јибезе де — бöрү деген бирүзи. Азыйдагы јүрүм коомой болгон керегинде бир ле кичү јастыра неме боло берзе, ол неме 100 катап көптöй берер, контрреволюционный националисттиң

значогын јапшырып ийерлер. Андый сагыш Кучиякта болбоон, болотон учуры да јок. Совет мени бичикке ўретти, писательге јетирди, кандый ла керектў айалганы берди, алты бала азырап јадым. Меге оноң артык не керек болгон? Мен бодозом, меге оноң артык бир де неме керек јок, меге керектў неме — јакшы тузалу критика, ол критика ажыра мениң беретеним дезе јакшы художественный бичик, идеязы быжу, акту кўчиле јаткандарды классовый тартыжуга таскаткадый, коммунизмге барар јолго тузалу бичик чийер керек.

15-чи июнь. Бўгўн пьесаны ойинде јакшы чийдим. Азербайджан улустың чорчогин кычырдым, артык неме этпедим. Пьесаны чийерге кўч ле болуп туру, ол јолду, нениң учун дезе мен бойыма эмди критический јанынаң корўп јадым, оның учун узагынча чийилип турганы ол. Оноң башка озодо мен пьесаны 7—8 кўн чийип тургам. Оның качествозы коомой болуп турган болгон.

16-чы июнь. Бўгўн чорчок редактировать эттим. Эмеш пьеса чийдим. Максим Горькийдиң бала туштагы јўрўмин баштап кычырдым. 10 салковойго бичик садып алдым.

17-чи июнь. Москвага барып, Зазубринге чорчоктор апарып бердим. Театр народный творчестводоң 200 салковой премия алдым. Будым јерге тийбей барды. Мениң ол театрга коргўскен таланттаң да кöп талант бар. Онойдордо, оны мынаң ары ончозын коргўзерге албаданар керек. Бўгўн чийиш јок болды. Айлыма 400 салковой акча ийдим. Лермонтовтың «Бистиң ойдоги герой» деп бичигин баштап кычырдым.

18-чи июнь. Бўгўн эртен турадаң онгду иш база јок. Студент К. келген, арай чаптык этти. Тўште эки часта столовыйга обедать эдерге келзем: «Алексей Максимович ölгöн»— деп, писательдер бойлорының ортодо айдыжып турган сöс уктым. Кенетийин курсак ичер кўўним јок боло берди, айдарга сöс тö таппай калдым. Бу ölгöн улу кижини мен корбööн болзом, айса, ол кирези мениң кözиме јарт оның чырайы корўнбес эди. Мен оны 1934 јылда корўп, сентябрьдың 3 кўнинде 1934 јылда оның айлына барып, колынаң тудуп эзендежип, ойто чыгарда, јакшылашкан керегинде оның сўри мениң кözиме јуралып калган. Оның таң чолмондый јаркынду кözи, куулы сабактый кўргўл-сары чачы, кижее јалакай кўлўмзиреер чырайы, кезердиң колы ошкош јоон бўткен сабарлары, кўңкўлдўўш ўни — ончозы мениң алдыма корўне берерде, ол кезер укту кижи эмди катап бисле куучындашпас болуп јажына уйуктап јада берерде, јажына кыймыктабай турган јаан туу тözинең кодорылып јыгылгандый болуп турганы ол эмтир. Је оның айдып салган ўлгер сözи канча ўйеге ölбöс, мöңкў эдип бўдўрип бичип салган бичиги телекейдиң ўстин-

де канча миллиондордың јүрегинде уйалап калган туруп јат. Канайдар база, ада јаштаң шыра көрүп өскөн, канча кезер болгон күчи, агаштың чобразы карталгандый, озогы каан туштагы јадынга чыдашпай карталган керегинде оорулы јеңдеп болбогоны ол туру. Анда да јок Алексей Максимович бойының өштүлериниң куркундары сынып јыгылганын көрүп алала, тазылдар кодорылганын көрүп алала, уйуктады.

Слердиң көдүрген маанының Совет Союзта социализм јазалына бар бойын берингеи канча писательдер качан да јерге тийдирбей, коммунист партияга баштадып, өрө бийик көдүрип бараралар! Уйуктаар, Алексей Максимович! Слердиң одырган от качан да өчпөс, Слердиң айткан сөс качан да ундылбас!

Колонный залда 1934 јылда айткан куучынаар канча ўйеге ундылбас. Мен Слердиң чийген бичиктереерди ас кычырган эдим. Бу күннең ала бойымның алдыма задача тургузып јадым: эки јылды өткүрбей, Слердиң чийген бичиктердиң талдамазын кычырып божодорго. «Бойыңның албатыңның јүрүм-јадынын, канча чөрчөгин чий» — деп Слердиң 1934 јылда меге јакыган јакылтаарды бүдүрерим деп Слердиң тайга болгон улу сөөгөрдиң алдына айдып турум.

19-чы июнь. Бүгүн мен Лермонтовтың «Бистиң өйдөги герой» деп бичигин ўзе кычырдым, сүрекей терең шүүлтелү чийген бичик эмтир. Алексей Максимовичтиң «Детство» деп бичигин кычырып јадым.

20-чи июнь. Бүгүн пьесаның экинчи картиназын чийдим. Агаштың ортозына барып, је јылдыра неме чийип болбодым. Энгирде 1-кы картинаны ўчинчи вариантла чийдим.

21-чи июнь. Эртен турадаң ала база 1-кы картинаны көчүрип чийдим. Түште Москвада «Две пятилетки» деп журналдың редакциязына барып келдим. Јаңы кожоңдор, база бир рассказ, айла повесть чийип берер болдым.

22-чи июнь. Экинчи картинаны чийдим. Өйинде јакшы чийилди, айлыма, уулыма, письмо чийдим.

23-чи июнь. Эртен турадаң ала экинчи картинаны божодо чийип ийдим. Оның кийнинде Совет туштагы улустың чөрчөгин чийдим*. Түнде база чийдим.

24-чи июнь. Эртен турадаң ол ок чөрчөкти јаңырта өскө чаазынга чийдим. Түште Кахаев келерде, ол ижим ўзўле берди, учын арай ла тудуштыра чийип божоттым. А. М. Горькийдиң «Детствозын» кычырдым.

26-чы июнь. Эртен турадаң ала «Ленин» деп чөрчөкти* орус тилге көчўрдим. Обед өйдө божодып ийдим. Обедтиң кийнинде Ив. Ив. кычырган, ого барып, писатель нөкөр Фадеевле таныштым. Губерле, Агаповло түндеги 12 ч. 30 мин јетире Ив. Ивановичте отурдыбыс.

Бўгўн мениҥ чийген «Ленин» деп чөрчөкти ўч писатель мактап айдышты*.

27-чи июнь. Пьесаныҥ ўчинчи картиназын чийдим. Јети страница. Обедтиҥ кийнинде А. М. Горькийдиҥ «Детство» деп бичигин ўзе кычырып божоттым. Улу писательдиҥ бала туштагы уур јўрўмин көрдим. Ого тўҥей көптөрдиҥ јўрўмин көрдим. Энгирде Казаков А. келген, онула куучындажып конуп алдым.

28-чи июнь. Тўштеги 2 часка јетире оҥду неме этпей, Казаковты ўйдежип јўре калдым. Обед кийнинде А. М. Горькийдиҥ «В людях» деп бичигин кычырып баштадым. В. Непомнящихке письмо чийдим.

29-чы июнь. Эртен турадаҥ ала пьесаны чийдим. Обедтиҥ кийнинде 4 часта ўчинчи картинаны бўдўре чийип салдым. Энгирде төртинчи картинаны чийип отурарымда, Казаков ло Кахаев келди. Олор келген соондо чийиш јок болды.

30-чы июнь. Ойслендер* деп писательге барып, кайлап берип келдим. Энгирде Добычинле кожо Голицыноныҥ ол јанында деремнеге барып келдим.

1-кы июль. Эртен тура 8 часта турган бойынча Ленин керегинде айдылган чөрчөкти орус тилине көчўрип чийип, Москвага бардым, представительствodo болдым, редакция «Две пятилеткиде» болдым. Энгирде «Соловушка» деп киноны көрдим. Советский техника капиталистический техниканы једижип турганы јарт көрўнди.

3-чи июль. Бўгўн пьесаныҥ 4-чи картиназын баштап чийдим, энгирде А. М. Горькийдиҥ «В людях» деп бичигин кычырдым.

4-чи июль. Эртен тураданҥ ала пьесаны чийдим. Кем јок, јакшы чийдим, улустар көзиме иле көрўнип турды. Айлыма 300 салковой акча ийдим.

5-чи июль. Москвага барып, Климковичле* куучындажып, чын ару большевиктиҥ учурлу состори озогимди одуп чыккандый болды. Ониҥ айтканы ончозы јолду. Мениҥ алдымдагы јолым элбек немедий боло берди. Большевиктер анайда кижини воспитывать эдетен эмтир. Ого айдар каруум јаҥыс болды: «Бу кўннеҥ ала канча јастыра ижимди тўзеп, чын социалистический реализмдў художественный бичик чийейин» — деп. Ол керекти мен бўдўрер учурлу.

6-чы июль. Эртен тураданҥ ала Добычиннииҥ пьесазын кычырган. «Тайгор» деп атту пьеса чийилгени јакшы.

7-чи июль. Бўгўн Москвага көчкөн. Ив. Ив.[1] айлына келип токунадым. Советский писательдердиҥ Союзыныҥ правлениезине барып келдим. «Цирк» деп киноны көрдим.

---

[1] Иван Иванович Катаев.

8-чи июль. Энгирде Ал. М. Горькийдиң «Калганчылар» деп пьесазын көрдим. Дворянский јадынды айдары јок келиштире көргўскен пьеса эмтир.

9-чы июль. Ойто Голицыного келдим, айылга телеграмма соктым, эки посылка ийдим. Энгирде кожоң чийдим. А. М. Горькийдиң «В людях» деген бичигин кычырдым.

10-чы июль. Новосибирскке письмо чийдим. Кожоң орус тилге көчўрдим, 4-чи картинаны божодо чийдим. «В людях» кычырдым.

11-чи июль. Бўгўн «В людях» божодо кычырып салдым. «Мои университеты» кычырып баштадым. Улу писательдиң чийген бичиги мениң көзимди художественный јолго баштап апарып јат. Көп сагыш алындым, озогы шыралу јадынды көрдим.

12-чи июль. Бўгўн А. М. «Мениң университеттерим» деп бичигин ўзе кычырып салдым. Оныҥ ўренер болуп барала, база ла шыралу јўрўмге тўшкенин көрдим.

13-чи июль. «Јаҥы јалаҥ»* деп повестьтиҥ планын тургузып, баштапкы главазын чийип салдым. Добычин Н. Е. келеле, база бир канча сагыш кийдире айдып берди. Болуш меге көп керек, ўренерге көп керек.

14-чи июль. Москвага барып, «Две пятилетки» редакциязына рассказ керегин куучындажып јўрдим.

16-чы июль. Рассказты экинчи планла чийген, арай јарабас болордо, энгирде ўчинчи планла баштадым. Энгирде Киндик айылдап келди.

17-чи июль. Эртен турадаҥ ала рассказты ок чийдим. Виктор Финктиҥ «Иностранный легион» деп бичигин божодо кычырдым. Художественный сўрекей эмес, талорто бийик.

20-чи июль. Эртен тура писатель Добычин келеле, мениҥ рассказымды јектеп чыгарды. Эмди јаҥыдаҥ чийерге керек туру. Москвага барып, айлымнаҥ письмо алдым, уулым мен јаар атанган, Москвага дезе јетпеген. Кайкадым. Эки јерге телеграмма соктым. Сагышка энчўзи јок неме боло берди.

21-чи июль. Бўгўн уулыма санааркап, тўжине кунукчыл јўрдим. Энгирде писательдер келди, кайла деп сурагылаарда, кайлап бердим. Оныҥ кийнинде писатель Финкле Пушкин керегинде, Лермонтов керегинде куучындаштым.

22-чи июль. Бу кўндерде неме этпей бардым. Уулыма санааркап, телефоңго кўнде ўч катаптаҥ барып турдым. Иштеер кўч јок.

24-чи июль. Бу кўндерде мени коркышту волновать эткен неме јана тўшпес, јалтанып билбес ўч летчиктиҥ јўрўми болды. Олордыҥ учкан јерин, олордыҥ бўдўрген керегин, олорды партияныҥ ла башкарунаҥ башчылары канайда кўндўлў уткып турганын көстөҥ јаш чыкпаанча кычырып

болбос болды. Кайкамчыкту јеңүлерди кижи уулдары бүдүрип јадылар.

25-чи июль. Москвада болдым, изүге арай өлбөдим. Уулымның Новосибирде јогын нөкөр Коптеловтың телеграммазынаң уктым.

26-чы июль. Бүгүн «Белеет парус одинокий» деп бичикти кычырып божоттым. Учебник кычырдым, рецензия беретем.

28-чи июль. Добычин Н. писательдиң рассказтарын кычырдым. Оноң ары иш јок болды. Өдүк јамадым түште.

29-чы июль. Бүгүн эртен тура эмеш чийдим. Оның кийнинде барып сууга кирдим, оноң ойто 4 ч. 20 мин. комнатама келеле, айлымнаң телеграмма алдым: уулым үйде деп. Айдары јок сүүндим, јерге токтоп болбодым.

31-чи июль. Москвага барып, Наркомпросто болдым, гонорар алдым, айлыма 300 салковой акча телеграфла ийдим. Энгирде ойто Голицыного келген.

1-кы август. Бир фольклористка Анна Львовна[1] деп үй кижиге айылдадыс.

2-чи август. Пушкинодоң Москвага келип, онгду неме эткеним јок. Н. Е.[2] айылдайла, «Темир-Санаа» чөрчөк «Новый мир» деп журналга киретен деп угала, сүүндим. Ойто Голицыного келеле, Н. Е. Добычинге фотокарточка сыйладым.

3-чи август. Рассказты чийип баштадым. Оноң өскө иш этпедим, эмеш кычырдым: Шолоховтың «Тихий Дон» деп бичигин.

4-чи август. Москвада болдым. «Две пятилеткиле» рассказка договор эттим.

7-чи август. Москвага барып, «Две пятилеткиденг» 500 салковой гонорар алдым. Уулым келген деп угала, барып бедреп таппай салгам. Энгирде ойто јандым.

8-чи август. Эртен ойто Москвага барып, уулымды таптым. Эмеш адылдым, оның кийнинде Голицыного келип кондыбыс.

9-чы август. Уулымның келгенине сүүнип, энгирде писательдерге концерт-ойын көргүстим.

11-чи август. Эртен тураданг ала база рассказ көчүрген; уулым дезе Москвага барып келген, не ле көргөнин тыныш алынбай куучындап турды.

12-чи август. Эртен тураданг ала рассказтың VII главазын чийген*. Совет Союзтың Геройын нөкөр Беляковты көрдибис.

14-чи август. Бүгүн јети айга иштеген Голицыноны таштап, Москвага келдим. Бу јети айга иштеген ижим төрт јылга писатель болуп иштеген ижимнең көп болды. Мен Моск-

---

[1] Анна Львовна Гарф.

[2] Николай Ефимович Добычин.

вага келеле, бойымның алдымда јолымды јарыдып алдым, көп туза бойыма алындым. Большевик партияның, Совет башкарунын кадрларды чеберлеп, олорго болужып, олордын ижининг качествозын јарандырар деген јаан учурлу керекти литфонд ССП СССР кыйалта јок бүдүрип јады. Онойдордо, бис писательдер коомой бичик чийерге уйалар керек. Качан да бойынын көкүдүмине салдырып, менгдебес керек, быжулап сананып туруп чийер керек. Бу өрө айдып турган задача мениң мойнымда туруп јат, мен бу өйгө јетире коомой чийген болзо, эмди оноң ыраак өрө-бийик чийер керек.

15-чи август. Правление ССП јүрдим. Оныҥ кийнинде ст. Пушкиного барып, А. Л.-ле куучындажып, балдарга чөрчөк чийер болуп эрмектештим.

17-чи август. Эртен тура Детгизке барып, база чөрчөк чийер болуп эрмектежип келдим.

19-чы август. Эртен тура уулымды представительствого көчүрдим. Бойым радиокомитетке јүрдим. Чөрчөк керегинде эрмек болды.

20-чи август. Бүгүн бир чөрчөкти база божодо чийип салдым. Энгирде гостиница «Якорьго» келдим.

21-чи август. Бүгүн бир чөрчөкти база бүдере чийдим. Иш јакшы болды.

22-чи август. Бүгүн 24 страница чөрчөк орус тилге көчүрдим, јарым печатный лист ажыра. Айдары јок јылгыр болды.

23-чи август. Јакшы улустыҥ болужыла бүгүн уулымды атандырдым. Канча конокко санааркап тургам, канайып ла атандырар деп. Билет алатаны коркушту күч болгон. Бүгүн атандырала, сагыжым јарыды. Энгирде Голицыного бардым.

24-чи август. Бүгүн Пушкиного авиацияныҥ байрамына барып келдим. Анда көргөн немени айдарга сөс таппадым.

25-чи август. Бүгүн Пушкиного келеле, «Айу ла көрүк» деп чөрчөкти Анна Львовнала экүлеп көчүрдим. Переводтыҥ чын учурлу јолын јаҥы ла билдим. Коомой көчүриш јакшы чийилген бичикти өлтүрип салар эмтир, јакшы перевод коомой чийилген бичиктиҥ јолын көргүзип беретен эмтир. Анна Львовна сүрекей керсү, кайрал јок критик кижи эмтир. Онына көчүреле, ишти сүрекей јараттым.

26-чы август. База оноҥ ары көчүрдибис. Бүгүнги көчүриш кечегизинеҥ артык болды.

27-чи август. Бүгүн база Пушкиного барып, «Сары-Каан» деп чөрчөкти көчүрдибис. Бу туштa алтай оригиналы арай меҥдешке чийилгени көрүнди. Је анда да јок иш јакшы бүтти. Писательдердиҥ мастерствозына бир кичүдеҥ ичкери алтап ла јадым.

28-чи август. Эртен турадаҥ ала радиокомитетке ойрот јери керегинде выступление чийдим. Ол чийгенимди Анна

Львовна айдары јок критиковать эдип таштап койды. Онын кийнинде öскöзин чийерге керек болды. Мен эмди көрүп турзам, онын критиказында чынныҥ орды бар эмтир.

29-чы август. «Ӱлгер» деп чöрчöк чийип салдым. Орус тилге кöчӱрип ок койдым. Энгирде «Соловей-Соловушка» деп киноны экинчизин барып көрдим. Совет Союзтыҥ техниказы капиталисттердиҥ техниказын сӱрӱжип, ичкери алдына кирип јатканы јарт көрӱнет. Кандый да келтейинеҥ сӱрекей кино.

30-чы август. «Туујы» деп чöрчöгимди орус тилге кöчӱргенин көрдим*. Энгирде Чапчаевала узак куучындаштым.

2-чи сентябрь. Бӱгӱн Енчинов Чот* келген, онула сӱрекей јакшы куучындаштым.

3-чи сентябрь. Попов-Каирский келген. Онула кожо энгир öтти, тӱште правление писательге барып, нöк. Ставскийле* куучындажып келдим.

4-чи сентябрь. М. А. Б. айлына барып келдим. Бойы ӱйде јок болды.

5-чи сентябрь. База да онду иш этпедим. В. А. айлына барала, онула кожо «Огни большого города» деп киноны көрдим. Сӱрекей јарады. Артист болорго, Чарли Чаплиннеҥ ӱренерге керек эмтир.

7-чи сентябрь. Л. Н. Толстойдыҥ «Хаджи-Мурат» бичигин кычырып, бу кӱндерде божоттым. «Кавказский пленник» А. С. Пушкинниҥ кычырдым.

8-чи сентябрь. Эмди Л. Н. Толстойдыҥ «Анна Каренина» деп бичигин баштап кычырдым.

9-чы сентябрь. Бӱгӱн эртен тураданҥ ала «Сӱӱшкен» деп ойын-бичик чийип салдым. Озогы улустыҥ кожоҥы.

КОМУДАЛ

Бери көрзöҥ, кööркийим,
Јаражыҥ көрӱп алайын,
Јаражыҥды көрöлö,
Јажына ундыбай јӱрейин!
Таҥ чолмондый көзиҥди
Төмöн јемире көрбöзöҥ.
Карузыган кӱӱнимди
Кайра ийде салбазаҥ!
Торко бöстиҥ билдӱри
Элебейтен болзо чы,
Тыҥ карузышкан јаш улус
Айрылышпас болзо чы.
Элик бычкак öдӱгим,
Неге элединҥ болбогой?
Эрке кару кööркийим,
Неге ырадыҥ болбогöй?
Тӱлкӱ бӱткен көксинде
Јаш јӱрегин кайылтсаҥ!
Туйуктанган бойыма
Бир сöзиҥди айтсаҥ!

17-чи сентябрь. Красково деп станцияда Н. Е. јанганча јадар болдым. Бүгүн энгирде «Анг» деп чөрчөк чийдим.

18-чи сентябрь. Түжине «Талтар» деп чөрчөк чийеле, оны, «Анғды», «Кулакчынды» оруска көчүрдим. Бу јуукта камык күндер тегин өткөн, бу эки күн дезе ол тежикти јамачылады.

19-чы сентябрь. Бүгүн Красководон Москвага келип, Анна Львовнала экү чөрчөктөрди редактировать эттибис. Сүрекей јылгыр иштелди.

20-чи сентябрь. Түште бир «Табыргы-ууручы» деп чөрчөк чийдим. Энгирде база чөрчөк Анна Львовнала јазадыбыс.

21-чи сентябрь. Түште учебник рецензировать эттим. Энгирде ойто Краскового келдим.

28-чи сентябрь. Москвага јүрдим. Огизке учебник рецензировать эдип табыштырдым.

2—3—4—5-чи октябрь. Бу төрт конокко рассказтын тогузынчы главазын чийип отурдым*.

6-чы октябрь. Москвада «Талтар» деп чөрчөкти јазадым*.

7-чи октябрь. Нөкөр Енчинов Толушка письмо чийдим.

10-чы октябрь. Бүгүн иштенген. Николай Ефимович диктовать эткен, мен рассказты чийдим. Оны Москвага машинкага апарып бердим. «В третьей империи» деп бичик кычырдым. Учурлу книга. Кижи күүни јок фашисттер ишмекчи, интеллигент, крестьян улусты канайда кыйнап турганын бу бичиктен јарт билип алар учурлу болуп јат. Јашөскүримге тузалу бичик.

17-чи октябрь. Бүгүн јанарга сүрекей санандым. Је бойымла кожо иштеген нөкөрим Д. Н. Е. тын оорып јадып койордо, айрылар күүним јок боло берди. Карузыган нөкөримнин ооруузын көрүп, аайына чыкпай, таштап сала берерге јарабас неме эмтир. Н. Е. кижиге буурзак, јастырып јаткан јерин чикезип айдар, узакка эренистелбес. Кижини бойынын бир кичү чикезиле көөрөтпөс кижи эди.

Мен писатель атту болуп иштеген бейин бойыма мындый јылу нөкөргө учурабадым. Таштап бараргa ачу.

20-чи октябрь. «Сыгырган» деп чөрчөк чийдим. Ончозын божодо чийип болбодым.

21—22 октябрь. «Сыгырган» деп чөрчөк чийген. Оны орус тилге көчүрген. Энгирде «Туујыны» көчүрген*.

23-чи октябрь. Эртен турадаг ала «Туујыны» көчүрген.

24-чи октябрь. Бүгүн Москвага келип, книганын предисловиезин чийдим. Оны орус тилге көчүрдибис.

25—26-чы октябрь. Јанар болуп белетенип алала, ол ок күн бу план сакыбаган келтейинен бузулды. Бузулган түби кандый болор — кижи билбес.

27-чи октябрь. Јанар план бузулды. Сагыш уйадады. Энгирде Голицыного келдим. Таныш Карпович В. А. кондым.

29—30-чы октябрь. Голицыного келеле, «Туујыны» көчүрип баштадым. Сын сүрекей уур. Сагыш ненинг де учун кунукчыл.

31-чи октябрь. База «Туујыны» көчүрген.

1-кы ноябрь. «Туујыны» көчүрдим. Менинг баштап записывать эткенимди көрөримде, көп артык сөстөр бар эмтир.

7-чи ноябрь. Бүгүн 170 миллион албатынын јүрегинде Октябрь пролетар революцияныг он тогус јылга јаркындалып турган алтын јалбыжы јылып туру. Социалистический революцияныг куулбас маанызы ончозында чечектеп туру. Кезик улус доклад айдып, кезиктери эрмек айдып болбой, јүрексирип турулар, кезиктери кожогдоп, кезиктери декламировать эдип јадылар, бир канчазы бийелеп јат, балдардыг чырайы майдыг чечектери ошкош чечектеп јат, каргандары бу јыргалды көрүп чыдажып болбой, каткырып јадылар, көзининг јажы дезе токтодынбай төгүлип туру. «Сүгүнгенине бир ыйлаар, кунукканына база ыйлаар» деп кеп бар. Октябрьдыг кызыл маанызы телекейдиг үстине бүркелип туру, акту күчиле јаткандар оныг алдына јуулып турулар. Испаниянын канду-јиндү фашисттерле јенгдешкен, болоттый бек, јана түшпес албатызы Октябрь революцияныг өткөн јолын көрүп, бойлорыныг јенгдеп чыгарынаг алангзышпай, ичкери өштүлерге чике базып јадылар. Долорес Ибаррурининг (Пасионария) «Биске иженер!» дегенин телеграф ийип јат. Оны көстиг јажы јогына кычырып болбой јат акту күчиле јаркынду Совет Союзта тургандар. Бу страницаны чийип турган кижи узакка көрүнбеен көстиг јажын база токтодып болбоды. Ромен Ролланныг «Социализмниг јаркыны јайылып турзын» дегенин телеграф јетирип јат.

Бүгүн бүри түшкен агаштар да ончозы јажыл бүрлү турган немедий көрүнип турулар. Кажы ла айылдыг түндүгинде пролетариаттыг јуучыл кызыл маанызы јаркындалып туру. Албатыныг јүрүми кызыл күнге удура сүүнчилү басты.

9-чы ноябрь. «Туујынын» калганчызын көчүреле, апарып бергем Катаевке.

10-чы ноябрь. Бүгүн Вирта Н. писательдиг «Одиночество» деп романын кычырып божоттым. Чийгени сүрекей јенгил, чып-чын. Кара јангыс учы мени сүүндирбеди. Кулак Ленканы өлтүреле, сала берген. Је ол кайда барзын, колго кирген, божогон, андый да болзо, Советке өштү улустар кычырза, чырайы јарый берер бичик эмтир. «Көрдиг бе, Сторожев эр дезе эр, канча јуулашкан, учында кача берген». Бир келтейинеg Ленка өштүниг мекезине киргени база бар. Мынызы сүрекей кижини серендирер неме.

Оныг кийнинде «19 јылдык» деп исторический справканы кычырдым. Партиздаттыг бу бичикти бүдүргени айдары јок

учурлу эмтир. Бу кажы ла ишмекчиниҥ, колхозчыныҥ, акту кӱчтӱ совет интеллигенттериниҥ столына јадар бичик эмтир. Революцияныҥ öткöн јолын кöргӱзер јарыткыш эмтир. Тузалу бичик.

14-чи ноябрь. Французский писательницаныҥ «Сен ишмекчи болорыҥ» деп романын кычырдым. Эҥирде Л. Толстойдыҥ рассказтарын кычырдым. («Набег»). Ол ок кӱн Ник. Еф. рукописьти табыштырдым.

15-чи ноябрь. Алтай тилге «Аза-Јалаҥды» јазап чийдим. Л. Толстойдыҥ «Севастопольский рассказтарын» кычырдым.

17-чи ноябрь. Бир де оҥду иш эткен јок. Ончозы кей-салкынла кожо уча берди. Ол, учуралга болзо, творческий ишке јаан тутак эдет. Бу мындый кӱн Ойротко јеткенче оҥдолбос болор. Бу кӱндерде Л. Толстойдыҥ «Севастопольский рассказтарын» кычырган. «Утро помещика» деп повестьти кычырдым. А. Тагировтыҥ «Красногвардеецтер» деп повезин кычырган.

2-чи декабрь. Москвадаҥ атаҥам.

5-чи декабрь. Новосибирскке једип келгем.

1941 јыл

20-чи август. Бӱгӱн мен театрла кожо барар болорым деп санангам. Атаныш торт ло военный кижидий болгон. Ончо иш, не ле керек неме онойдо бӱдетен болзо, кандый јакшы болбос!

21-чи август. Бийскке 20 августта келеле, гостиницада он кижи јаҥыс комнатада беш орында кондыбыс. Кöп болгонына (тыгыш) комудаары јок деген орустыҥ кеп сöзи чын болды. («В тесноте, да не в обиде»). Эртен турадаҥ ла ала эҥирге јетире сӱрекей эрикчилдӱ кӱн болды. Озо ло баштап бир таныш кижи бис экӱге туштайла, јытка тийген элик болуп, чалкойто кайра ташталала, базарда каймыгып турган улус ортозына кире конуп, јоголо берди. Тыҥ ачынган кижи бе айла тыҥ сӱӱнген бололо, јӱреги токтобой, барды ба? Је оны сананып, туркаары кайкайын. Элик болуп маҥтагай ла.

22-чи август. База ла кӱн теҥериде бӱрӱҥкий, онойдо ок иш јогына меге де бӱрӱҥкий болды. Кемге кандый, је меге иш јок болгондо, оноҥ кӱч неме јок. Тыныжыҥ бадышпай тургандый болор. Кайда да сарзу бар, ончозын болот эриндӱ ийт соруп тургандый болор. Алтын öйди тегин öткӱрерге килинчек, нöкöрлöр.

23-чи август. Теҥери эртен турадаҥ ала база кунукчыл неме ошкош, бӱрӱҥкийленеле, туманын быкырып турды. Бӱгӱн ойын кöргӱзерге барбаган болзобыс, база ла боро болор

эди. Бричкалар культураны тартып алып, койу карагайактардың ортозы јаар көндүккен. Темир шин, ташла јаап салган јолло тың керижип тургандый, туркаары шиңкилдеп турды. Бричкалар бисти көстөлгөн јерге јетирген, је јол көндүре түс, түрген болбоды. Үчинчи бричкада бир јеерен ат арыган. Тынду неменинг чагы чыкканын көрөргө күч. Малга, бойына килегендий, киле.

Мындагы албаты-калык концертти кичееп көрдилер. Ондый дисциплина качан да јеңдетпес.

24-чи август. Быстро-Истокко јеткенибис. Мында мениң көзиме озо ло көрүнген неме — балкаш, јолды ташла јазаганы оңкок-теңкек. Оромдоры тыйрык-тейрик. Мындагы районный руководительдер деремненинг бүдүмин культурный эдерге тың кичеенбей турганы иле көрүнди.

Бу күн иш јок кондыбыс. А иш јок отурары кандый да оорудаң күч. Кан јаңыс јерденг кыймыктабай, тоңо бергендий болор. Өйдиң ödүп турганы корголјындый уур болор.

25-чи август. Бүгүн энгирдеги концертке белетендибис. Концерт јакшы өтти. Көрөргө келген улустар сүрекей төп, организованный, культурный улус болды. (Олордың көп јаны үредүчилер). Мындый төп улуска ойноорго до јилбүлү.

Кара јаңыс эртенде иштейтен иштиң планын бек билип, улуска ажындыра јарлап койорын бистиң администрация терең билбей јат. Оның керегинде иште тутактар бар. Оның учун айдар сөзиң сананып айт, эдер ижиң ажындыра шүүн.

26-чы август. Ол ок Б.-Истокто. Кечеги јарлаш коомой болгон керегинде, бүгүн эртеденг афишаны көрү јерге кадабаган керегинде иш коомой болды. Концертке јуулган балдардың тоозы уйан болды.

Бу ок күнде Акутиха деп јерге бардыбыс. Төрт км јерге мен кемеле эштим.

Күн, Сибирьдиң элбек, көс јетпес јаланғына түжүп браткандый, јабызай бererде, оның јаркыны бистиң оң јаныбыста (күн јаны јаар) сууны сары куулыдат, айла мölчöй алтындый будукла будып ийди, а сол јаныбыстагы сууны маралдың чечегине јўзўндеш кубакай-кызыл будукла будып ийди. Ол эки башка будуктың ортозыла кемеле эжинип бararга кандый макалу. Айас бистиң үстибисче куштар канаттарыла сыгырыжып, учкулап тургулады. А кемеде артисттер орус тилбиле, алтай тилбиле не ле кожоңдорды кожоңдоп браттылар.

Кандый макалу — Алтайдың канатту куштый түрген суларының јобожыган јеринең кемелү кожоңдоп кечерге! Бу јыргалда кемени чике тударга кийнинде отурган үй кижи де ундып койды. Кеме суунын ортозына азып тургандый арыбери мыйрыңдадып турды.

«Бу слер јолды удадып, нениҥ учун ары-бери мыйрыҥдадып туругар?» — деп, мен сурадым.

«Ары-бери мыйрыҥдабай, чике учатан неме јаҥыс ла каргаа», — ол меге каруузын берди. Бу кӱн концерт эҥирде болбоды.

27-чи август. Тӱште балдарга концерт бердибис. Олордыҥ көп јаны 5—6 јашту, је бистиҥ ойынды тыҥдап укканын алар болзо, јаан да улустаҥ артык тыҥдадылар. Ондый дисциплинированный балдарды јаҥыс бистиҥ совет ӧйдӧ воспитывать эдип јат. Ондый ырысту балдарды көрӧргӧ дӧ сӱӱнчилӱ. Келер јӱрӱм олордыҥ колдо. Эҥирде јаан улуска концерт бердибис. Концертти јакшы принимать эткиледи.

Албатыныҥ тереҥ патриотизми, кижи канын ичкендерди јок эдерге турган кӱӱни сӱрекей бийик! Качан рядовой денщик немецкий офицерди адып ийерде, албатыныҥ јӱрегинде фашисттерди јок эдерге турган ийдези, теҥериниҥ кӱкӱртиндий јызырайла, шуургандый кӱӱлей берди. Алакан табыжы бийик кырдаҥ таш тӧгӱлип тургандый болды. Бандиттердиҥ башчызын — Гитлерди јок эдетен ийде бистиҥ албатыда учы јок көп! Онын көби талайдыҥ суузындый.

28-чи август. Ойто Б.-Истокко келдибис. Тӱште столовыйга боро сагалду, эҥчек сынду бир карыган орус келди. Ол эмеш ичип алтыр.

«Мен эртен ле барып германцалардыҥ токпогын берерим!.. Мен олорло 1914 јылда канча токпоктошком, менде эмди де ийде көп. Совет јаҥды германцаларга качан да бербезибис!..»

Ол эмеш эзирик те болзо, је бу сӧстиҥ јӱректеҥ чыгып турганына бӱткедий болгон. Ол бастыра барбак сагалыла, көзине јаш мӧлтӱрегенче, тырлажып айтты. Эҥирде экинчи концертти Б.-Истокто бердибис.

29-чы август. Эртен турадаҥ эҥир-тӱн киргенче бир де иш јок, сӱрекей кӱч болды. Анчадала Улу Отечественный јуулу ӧйдӧ онойдо тегин кӱн ӧткӱргени јаан буру деп бодоп турум! Администрацияны бу керек кичӱ де энчиктирбей турганы јок. Айдар болзоҥ, ачына берер. Ол эмезе: «Бистиҥ августовский планга 130 салковой јетпей јат, а слерде јиирге акча барда, отурыгар ла». Бу сӧс неме кичеебес кижиниҥ сӧзи. Государствоныҥ мойнына отурарга сананган кижиниҥ сӧзи ол.

30-чы август. Эртен турадаҥ администрация база ла райкомло телефондожып отурды. Оноҥ-мынаҥ ат табарга кичеебей јат. Айдарда бу керекке бистиҥ артисттер ӧрӧ-тӧмӧн јӱгӱрдилер. Социалистический искусствоны таркадар керегинде кичеенгендер — артист Тыдык, Алмадак база бу строкты бичип турган кижи. Калганчы-учында артисттер ок тапкан.

Оноң В.-Озернойго келдибис. Мында бисти тың кичееп уткыбагандый билдирди. Туралар јыду өлөңгө, убакка бектедип койгон турдылар. Көп туралардың эжиги бөктү болды. Кижиге мыны көрүп, эрикчилдү боло берди. Ончо улустар оок-јажыла кыра ижинде, а бис олордың јуртына ойноорго келгенис. Је анда да јок энгирде бала-барка јуулды. Је канайдар, олордың ортозында баштак-хулигандары көп болуп, биске ойноорго сүрекей күч болды. Совет өйдө ондыйларды көрөри кижиге ачу болотон эмтир.

— Слердиң кыс бөкөзи сүрекей эмтир, суунып јарадынаң бир агашты якорьло кожо кодоро тартып экелген — деп, бир карыган үй кижи Ольга Семеновна керегинде эрмектенди.

31-чи август. В.-Озернойдоң үч атла атанып, Ново-Обинскийге келдибис. Бу да деремнеде үргүлеп турган туралар көп болды. Деремнениң эки јанында колхозтың ийделиктү ижи кайнап турды. Канча ондор, јүстер колхозчылар, совхозтың, МТС-тиң ишмекчилери кыра ижинде героически иштеп, јерге бир де мажак түжүрбей, байлык түжүмди јууп, түнге-түшке иштеп, Кызыл Черүниң јеңдеп чыгарына бар күчин беринип јаткан күндерде улузы јок деремнелерге искусство көргүзип јүретени, мен бодозом, јарабас.

Бистиң репертуар бүгүнги күнди база јарт көргүспей јат. Мен оның керегинде худрукка айткамда, ол мени убеждать эдерге албаданат: «Јок, бистиң репертуар бүгүнги күнле колболыжа» — деп айдат. Је бу сөс мени канайып та јөпсиндирбейт. Бистиң репертуар куудаң!

Энгирдеги концертте кезик энчикпес-кырмакчы улус бисти аңдыырга да санангандар. Олордың каршу сөстөри кижиниң ойноор јилбүзине тошту суу уруп ийгендий болды.

1-кы сентябрь. Ново-Обинкадаң атанала, Николаевка деп деремнеге келдибис. Бүгүн үчинчи күн мениң сыным уурлаганы. Колхозчылар јалангда героически иштеп, ишмекчилер — фабрика-заводтордо, мактулу кызылчерүчилер фронтто фашисттерле кайрал јоктоң тартыжып јаткан өйдө оок балдар ла карыган улустың алдына ойноп јүретени сүрекей эби јок эмтир! Мен кайлаганча, бир күнге јүс те сноп буулазам, государствого коруланарына артык туза болор эди. Ончозынаң ла артык јарабай турганы — бистиң худрук деремнеге келеле, колхозтың ла сельсоветтиң председательдерине айдып јат: барып бригаданы айдыгар, ижин таштап, келип бистиң концертти көрзин. Је оның айбызыла көп улустар келип турганы јок. Онызы торт. Иш бүдер. Экинчи јарабай турганы — колхозтордың иштеп турган аттарын айрып алып, деремнеден деремнеге акча төлөбөй, тегин барып јадыбыс. Онызы бис колхозко до, Төрөлистиң коруланар керегине де јаан чыгым эдип јадыбыс.

Мен искусствоны јектеп турганым јок. Је бу јуулу өйдө, иштиҥ өйдө ишке бир де кичү чаптык этпес керек. Искусствоны полевой культстандарда өткүрер керек. Обед өйинде, энгирде. Ол јакшы болор, оноҥ туза болор.

Николаевкада бир 106 јашту Белозерцев деп карыган туштаган.

— Ну, как поживаешь, дед? — деп, мен сурадым.

— Один день ездим, а два дня погодим — деди.

Энгирде 6—7 класста үренип турган кыстар келеле, айдып јадылар:

— Мы без хлеба голодаем. Едим только зелень. Из полевого стана хоть на бричках вози.

Бир красноармейка-келин бистеҥ сурап јат:

—Эрманцев скоро разгромим или нет?

Ол 106 јашту таадак энгирде концертке келди.

— Очень понравился — деп эртенде айдып јат.

Чындап та, улустары дисциплинаны концерт көрөрдө јакшы туттылар. Оноҥ улам көрөрдө, бу улуска политико-массовый иш өткүрзе, олордыҥ моральный кеми бийик болор.

Мен бүгүн аш сортировать эдип јаткан јерге барып, үч час ажыра сортировкада иштедим.

Физический ишти сүүйдим!

2-чи сентябрь. Паутовкага келген.

Колхозчылардыҥ дисциплиназы өйиneҥ кыйбазы чын ла военный улустый. Күн кырдаҥ чыккалак, таҥ јаҥы јарыган:

— Давайте вставайте! Пора ехать!

Биске, бир јанынаҥ, јүс кызарарга керек болуп јат. Бис уйуктап јадарыс, колхозчылар бисти ойгозор. Коомой! Уйатту!

Паутовканыҥ клубы биске јарады. Ол ару-чек, јаҥы лозунгтарла керкеткен. Бүгүнги советский улустыҥ јуучыл ийдезин оморкодор лозунгтар.

Энгирде јуулган улустары да дисциплинированный улустар болды. Кандый да болзо, ишмекчи классы бар јердиҥ дисциплиназы бийик ле болор. Ондый улустыҥ алдына ойноорго до јакшы. Тегин улус база ла ончозы иште. Бистиҥ зрительдер — школ балдары. Кайдаар ла келзебис, олор бистиҥ активный зрительдеribис.

Түнүктеги јымыртка
Түлүреп учар куш болор.
Түйүнчекте јаш балдар
Түбинде барып эр болор.

3-чи сентябрь. Паутовкадаҥ атанала, Ново-Покровкага келдибис. Көс једердеҥ бери јайа түже берген чөл. Алтайдыҥ кырлары ыраактаҥ бисти «түрген бери јаныгар» деп кычырып тургандый болды. Колхозтыҥ ижин бүдүретен аттар-

дың абразына отурып, деремнеден деремнеге баратаны сүрекей уйатту. Мен деремнеден деремнеге јойу јүрер күүним бар. Менинг сагышты јарадып турган кижи Н. С. Лях-Раскольников. Концерт кем јок, јакшы өтти, зрительдер де јилбиркеп көрдилер.

Отурган улустар јилбиркеерде,
Ойноорго биске јеңил болот.
Олордың бирүзи табыш эткенде,
Колы-будың мылырт эдет.

4-чи сентябрь. Бүгүн бис Ново-Покровкадан В.-Ануйга экү сегис километр јерге јойу келдибис. Бу да деремне ончо деремнелерге бүдүштеш, ончо улустар иштеп баргылаган, оок балдар ла карыгандар болды.

Энгирде јуулган улус ас. Кайкап көргödий бир де неме јок.

Кеен јай бистерле
Эзендежип јанып јат.
Коңыр күс бистерге
Эзинделип келип јат.
Јай, јай, јараш јай,
Јакшы болзын бу өйдö!
Эзенде ойто келерге
Ундыбазаң, кеен јай!

5-чи сентябрь. Эртен тура О. С.[1] биске чайды кайнаткан, келип кычырган. Бис, беш эрлер, чайлаарга бардыбыс. О. С. бу күндерде курсакты айыл ээзиндий кайнадып, нökörlörин азырап турды. Ондый кижиге ару јүректең алкыш айдарынаң башка бир де арга јок.

Бисти баштап јүрген кижибис тогус артистти таштайла, бойы каран меңдеп абрага отурала, јүре берди... Бис, отура-отура эрикчил болордо, үчү бастыбыс. Баратан јолдың узагы 25 км. Је оның узагын бис эрмекле кожо билбей калдыбыс. Јаңмыр келгенде, бойыбысты плащла јабыжып келдибис, такаа балдарын канадыла јапкандый. Буттың сыстаганы билдирбеди. Озогы улустың кеп сöзи келиштире эмтир: «Узун јолды кыскартарга, куучындажып браадалы» деген сöс ол.

Качан бис суу ödüп калган ботинкаларыста суузы шыйтылдап, Ануй суузының күрине једип келерибисте, күрдиң учына удура «темир боро атка минген» бир кичинек уулчак, јантык кара картусту, эки буды аттың кабыргазына такылдадып, биске удура келди. Бисти көргön бойынча, адының тискинин туура тартала, кабагын јемире көрүп, бисти ајыктай берди.

— Клуб кайда? — деп бистиң сураган суракка каруун күүн-күч јок береле, бистиң кийнибистең шиңдеп калган.

---

[1] Ольга Семеновна Сарина.

Оныҥ кийнинде уксабыс, ол барып јаан улуска айткан эмтир: «Эки солун улус келди. Экилези очкалу. Клуб сураган».

Бу јиит патриоттыҥ сергеленги. Ончо јашӧскӱримге ол мен адын билбес уулчактый сергелеҥ болор керек. Ол молјулу керегин бӱдӱрип турган јиит советский патриот!

Јиит нӧкӧрлӧр, угугар!
Сергелеҥ болуп таскагар!
Фронтто, тылда да болзогор,
Ӧштӱлерди качан да ундыбагар!

Бӱгӱн јастыра болгон неме ончобыс кожо келбегенинде болды. Планыбыс ӱзӱлди. Бу ӧйдӧ план ӱзетени неге де јарабас.

Старо-Тырышкинодо клуб сӱрекей јакшы эмтир. Ондый культурный клубка кижи келгенде, ол кижини сӱӱнчилӱ уткып тургандый. Ончо клубтар Ст.-Тырышкинонын клубындый болор болзо, ол туштa «Бистиҥ јуртта культурный революцияныҥ јӱреги омок согулып јат» — деп айдарга јалтанбас эдис.

Ненииҥ учун онойдо этпес? Сӱӱр керек.

6-чы сентябрь. Старо-Тырышкинодо. Тенгери бӱркӱк. Колхоз бригадазына барып болужарга коомой кӱн болды. Энгирде концертке кӧп улус келди. Јайым Совет албатызы искусствоны тыҥ сӱӱп јатканы сӱрекей.

Јаш агашка не керек?
Јажыл торко бӱр керек.
Јашӧскӱримге не керек?
Јайым Совет јаҥ керек.

7-чи сентябрь. Старо-Тырышкинодоҥ Смоленскоеге јетире 18 км јерге база јойу келдим. Арык атты көрӱп, абразына шоктоп отурганча, јойу басканынаҥ артык неме јок. Бӱгӱн энгирде концертке кӧп улус келген. Отурган улус ойынды јарадып көрдилер. Андый айалгада кижиге ойноорго до јакшы.

Алты јӱзӱн чечекти
Кӱӱнзеп берген кӧӧркийек,
Алтайдыҥ бажынаҥ эзенди
Макатып алыгар, сарымзак.

8-чи сентябрь. Кӱн иш јок, тегин ӧтти. Энгирде концертке улус ас јуулды. Је анда да јок ойынды јарадып көрдилер.

9-чы сентябрь. Аш ӧскӱретен «Алтай» деп совхозто концерт бердибис.

Бистиҥ улус база коркушту ла улус: эки ат, немелер кӧп, келетен јердиҥ ыраагы јӱк ле эки километр. Анда да јок, тынду этке јуулган чымылдар ошкош, абрага сыралып ийерлер. Колхозчылар 10—15 км јерге јойу базып, нормазын бӱ-

дўрип јат, а бистиҥ артисттер теҥериниҥ тиргижи ошкош, јердиҥ чечектери ошкош. Андый немени мен јўрекке бадырып болбой јадым. «Озо терлейле, курсакты јиир керек».

10-чы сентябрь. Бис совхозтоҥ атанала, тўште Александровка деп деремнеге келдибис. Деремне јараш јерде турат. Качан да Бештиҥ суузы бойыныҥ ус колыла, јалбышту тилиле јарым ай чылап јараштыра, тегерийте јалап койгон бўкте Александровка туруп јат. Јаан өлөҥ јок, ару, ийне де тўшсе, табылгадый.

Эҥирде концертте улус көп болды. Ончолоры кичееп уктылар.

11-чи сентябрь. Н. С.[1] экў Точильныйга Александровкадаҥ јойу келдибис. Колхозтыҥ јалаҥдарын өткўре келеристе, кижиниҥ јўреги ару кейге јундурып турган немедий. Н. С. куучындап јат:

— Портфельге нени мынайда тастайта сукканыгар?

— Не ле директивтер.

— А не керек койтылдайт?

— Арай толбос. Ониҥ учун.

Көзи боромтык чочко базып келген бойынча алтай салда ошкош тумчугыла јерди аҥтара туртуп ийеле, өлөҥниҥ тазылын јамајайынаҥ көбўк ашканча чайнап турды. Бу кўн концерт база јакшы өтти.

Кўндўзек улуска кондым.

12-чи сентябрь. Точильныйдаҥ атанала, Ново-Тырышкиного келдибис. 13 км јерге бис, бир кезек улус, база јойу келдибис. Эҥирде школдыҥ коридорында концерт өткўрдибис. Көргөн улустар концертти јарадып уктылар.

13-чи сентябрь. Белокурихага база јойу келдибис (12 км). Бўгўн иш болбоды. Улустар билеттер албаганы керегинде.

14-чи сентябрь. Концертти курорттыҥ клубында өткўрдибис. Улус ас болды, је јарадып уктылар.

Таныш јерге келерде, улустыҥ азы, чырайларыныҥ катузы көскө иле эмтир.

15-чи сентябрь. Курортту Белокурихадаҥ атанала, Старо-Белокурихага келдибис. Алтайский районго эҥирде концерт бердибис. Концертте улус көп болгон. Ойынды јакшы уккандар.

---

[1] Н. С. — Лях-Раскольников.

ПРИМЕЧАНИЯ К ДНЕВНИКАМ

Стр. 91. Туганов Санаа — сказитель. Здесь и в дальнейшем Кучияк пишет о работе с ним по записи ряда сказаний.

Стр. 94. Здесь и далее речь идет о пребывании на Алтае московских писателей И. Катаева, Н. Зарудина, Н. Богословского.

Стр. 96. Натан Зархи — советский драматург, автор сценариев всемирноизвестных фильмов «Мать», «Конец Санкт-Петербурга» и др. В дневнике его имя упоминается в связи с сообщением в газете о его трагической гибели.

Стр. 96. Рассказ участника гражданской войны В. А. Волкова записан отрывочными фразами. Речь идет об уничтожении банд Кайгородова.

Стр. 97. Зазубрин Владимир Яковлевич — один из основателей и руководителей Союза сибирских писателей, автор первого советского романа «Два мира», получившего высокую оценку В. И. Ленина. По приглашению А. М. Горького работает в Москве в Гослитиздате и в журнале «Колхозник». В конце 20-х и начале 30-х годов Зазубрин несколько раз приезжал в Горный Алтай, и в одну из таких поездок по области он услышал героическое сказание «Кёгютэй». В 1935 г. в его переводе это сказание вышло в издательстве «Academia». Послесловие к «Кёгютэю», написанное чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриевым, является первым научным анализом эпического творчества алтайцев.

Судя по дневнику, Кучияк в доме В. Я. Зазубрина был своим человеком, останавливался у него, получал на его домашний адрес свою корреспонденцию.

Стр. 97. «Рассказты јенгил чийдим» — речь идет о работе над рассказом «Тойчи».

Стр. 97. «Темир-Санааны» баштап чийдим» — речь идет о работе над героическим сказанием «Темир-Санаа», впоследствии опубликованном в одноименном сборнике (Новосибирск, 1940).

Стр. 97. «Эркелейди» јылгыр чийдим» — речь идет о работе над рассказом «Тойчи». «Эркелей» — так первоначально писатель называет свой рассказ.

Стр. 98. «немецкий драматургтың айлына айылдап, чай ичип, куучындаштым» — речь идет о Фридрихе Вольфе, известном немецком драматурге, авторе антифашистских пьес «Профессор Мамлок», «Доктор Ваннер», «Троянский конь» и др., которые с успехом были поставлены в театрах нашей страны. В годы второй мировой

войны Ф. Вольф принимал активное участие в борьбе с гитлеровскими захватчиками. В 1945 году вернулся на родину, опубликовал пьесу «Бургомистр Анна», роман «Летающие блюдца». Его творчество дважды отмечалось национальными премиями ГДР.

Знакомство Кучияка и Ф. Вольфа состоялось в Голицыно во время одновременного пребывания их в Доме творчества. В дневнике речь идет о беседе у немецкого драматурга в его московской квартире.

Стр. 98. Мызаев Дирпан — знатный коневод, один из первых алтайцев, удостоенных высокой награды — ордена Ленина. Вскоре, после этой встречи в Москве, в газете «Кызыл Ойрот» от 17 марта был опубликован очерк П. Кучияка о Мызаеве Дирпане.

Стр. 98. «Молодой Алтай» — сборник произведений устного народного творчества алтайцев и начинающих алтайских поэтов в переводе поэтов-новосибирцев. В этом сборнике опубликованы и произведения П. Кучияка.

Стр. 98. «рассказ кöчӱрген» — речь идет о работе над подстрочным переводом рассказа «Тойчи».

Стр. 99. Здесь и далее речь идет о работе над подстрочным переводом героического сказания «Кара-Маас», 3700 строк.

Стр. 100. «Бӱгӱн Театр народный творчестводо болдым» — здесь и в дальнейшем речь идет о посещении этого театра и участии Кучияка в его концертах. 6-го марта в Москве, в помещении Мюзик-холла (ныне в этом здании на площади В. Маяковского находится Концертный зал им. П. И. Чайковского) был открыт Театр народного творчества. Одним из организаторов его и художественным руководителем был Н. П. Охлопков. Этому событию много внимания уделяет печать, где были опубликованы приветствия театру таких деятелей искусства, как В. И. Качалов, А. Я. Таиров, О. Л. Книппер-Чехова и многие другие, которые в создании этого театра увидели лучшую форму постоянного контакта мастеров искусства со всеми видами самодеятельного творчества. В первый месяц своего существования театр показал зрителям четыре различные программы. С 20-го апреля в театре начали демонстрировать новую московскую интернациональную программу, в которой принял участие представитель алтайского народа П. Кучияк.

Стр. 100. Рахилло Иван Спиридонович — советский писатель.

Стр. 100. «Бӱгӱн пьесаны баштап чийдим» — речь идет о начале работы над пьесой «Чейнеш». Об этом см. также стр. 106, 107.

Стр. 100. «Эртен турадаҥ ала Маяковскийдиҥ стихин ӱренип, jӱрегим согулды» — Кучияк выступил в Театре народного творчества с чтением стихов Маяковского.

Стр. 101. «Бойымныҥ адымды башкаруныҥ газединеҥ көргӧн соондо...» — «Известия» от 23-го апреля (ст. «Интернациональная программа»): «Самое сильное впечатление оставляют прекрасная мужественная песня «Единый фронт» композитора Эйслера, исполненная англо-американским хором Клуба иностранных рабочих, и две совершенно необычные на наш слух ойротские песни, спетые ойротским поэтом, членом Союза советских писателей Кучияком. В Ойротии принято особое горловое пение. Звук зарождается где-то глубоко в горле. Он напоминает жужжание или полет шмеля, он глух и часто еле уловим. Тов. Кучияк спел охотничью песню, в которой на фоне густого, низкого горлового тона вдруг начинает звучать прелестный охотничий рожок, выводящий самую нежную, самую тонкую мелодию. Но охотничьего рожка нет: мелодия

возникает в горле певца. Тов. Кучияк своим замечательным пением вызвал заслуженный восторг аудитории».

Ж. «Советская музыка», № 12: «В апреле 1936 года в Московском театре народного творчества выступил ойротский писатель П. Кучияк, поразивший слушателей исключительно ярким исполнением алтайских и тувинских мелодий особым горловым звуком, дающим впечатление двухголосья».

Стр. 101. Здесь и далее речь идет о работе над сказкой «Кулакчин». Сказка опубликована в ж. «Сибирские огни», 1937, № 4.

Стр. 103. «Келер-Куш» — алтайское героическое сказание, впоследствии опубликовано в сб. «Темир-Санаа».

Стр. 103. «Јабыкла кожо јўрўп калган» — Ябыков Владимир, алтайский сказитель, в мае 1936 года был участником Всесоюзного радиофестиваля художественной самодеятельности.

Стр. 103. Морозова Анисья Васильевна — известная сказительница Калининской области («Сказ об озере Хасан» и др.).

Стр. 104. «Ойротский комсомолец» газетти алдым» — см. примечания к газете «Красная Ойротия».

Стр. 104. Добычин Николай Ефимович — московский писатель, переводчик повести П. Кучияка «Аза-Ялан».

Стр. 104. «Красная Ойротиядаң» статья келген» — в газете «Красная-Ойротия» от 24 мая 1936 года была напечатана статья «Против буржуазно-националистической контрабанды в ойротской литературе», в которой горячая, самоотверженная работа Кучияка по сбору и публикации произведений устного народного творчества алтайцев была квалифицирована как проявление национализма. Статьи с подобного рода обвинением появились и в других областных газетах. Произведения Кучияка критиковались с позиции извращенного толкования линии партии о необходимости решительной борьбы со всеми проявлениями буржуазной идеологии в литературе.

Стр. 106. «Совет туштағы улустың чӧрчӧгин чийдим» — речь идет о работе над поэмой «Зажглась золотая заря». Видимо, это продолжение начатой работы и, судя по записям, все последующие дни писатель интенсивно над ней работал.

Стр. 106. «Эртен турадаң ала «Ленин» деп чӧрчӧкти орус тилге кӧчӱрдим» — Кучияк пишет о работе над подстрочным переводом поэмы «Зажглась золотая заря». В дневнике поэму он называет «Сказ о Ленине».

Стр. 107. «Бӱгӱн мениң чийген «Ленин» деп чӧрчӧкти ӱч писатель мактап айдышты» — Кучияк пишет о знакомстве в квартире И. И. Катаева с А. А. Фадеевым, о чтении сказа о Ленине писателям И. Катаеву, Б. Губеру, Б. Агапову, об их похвальном отзыве.

Стр. 107. Ойслендер Александр Ефимович — русский советский поэт, переводчик.

Стр. 107. «Климковичле куучындаштым» — речь идет о знакомстве с белорусским советским писателем — Михасем Николаевичем Климковичем.

Стр. 108. «Јаңгы јалаң» — так Кучияк первоначально замыслил назвать свою повесть «Аза-Ялан».

Стр. 109. «Рассказтың VII главазын чийген» — свою повесть Кучияк в записях часто называет «рассказ».

Стр. 111. «Туујы» деп чӧрчӧгимди орус тилге кӧчӱргенин кӧрдим» — речь идет о переводе на русский язык героического сказания «Алтын-Туујы». Именно из-за этого сказания Кучияк подвергся облыжному обвинению в национализме, в результате чего публика-

ция его осуществилась на алтайском языке в 1941 году, а на русском языке лишь в 1950 году.

Стр. 111. Енчинов Чот — в то время начинающий алтайский поэт.

Стр. 111. Ставский Владимир Петрович — после смерти А. М. Горького возглавлял СП СССР.

Стр. 112. Здесь и далее речь идет о работе над сказками «Олень», «Коростель», «Кабарга», «Сеноставка» (запись и подстрочный перевод на русский язык).

Стр. 112. «Бу тӧрт конокко рассказтың тогузынчы главазын чийип отурдым» — речь идет о работе над повестью «Аза-Ялан».

Стр. 112. «Энгирде туужыны кӧчӱрген» — по всей вероятности, речь идет о работе над сказанием «Алтын-Туужы» по замечаниям переводчика, доработка отдельных отрывков, их новый подстрочный перевод. Это подтверждается последующей записью дневника от 1-го ноября: «Мениң баштап записывать эткенимди кӧрӧримде, кӧп артык сӧстӧр бар эмтир» — «В моей первоначальной записи оказалось много лишних слов».

ПИСЬМА

ПИСЬМА П. В. КУЧИЯКА А. Л. КОПТЕЛОВУ

1

О.-Тура,
3. IV. 37.

Уважаемый Лазаревич!

Большое спасибо Вам за указание на недостатки моих очерков. Совершенно правильно, что они написаны поспешно (в три-четыре дня). Это получилось потому, что первый срок был к 15-му января, а поручили четыре очерка. И тут же перевод «Великого кочевья», и тут же пьеса. Поэтому очерки и получились скороспелыми. Теперь, конечно, поздно исправлять эти недостатки, потому что я сильно занят — редактирую современные песни и фольклор, записанный молодыми поэтами. Я лично прошу Вас, Аф. Лазаревич, если это можно, возьмитесь за литературную обработку очерка о колхозе им. Гордиенко, можете показать более ясно роль Екатерины Тордоковой.

«Великое кочевье» на алтайском языке, видимо, к юбилею не издадут. Я перевел его, как было предложено, на русском алфавите, а относительно перехода на русскую основу пока вопрос не ясен, шрифтов нет, да и постановления о переходе нет, и перевод будет лежать в шкафу издательства[1].

Сказки короткие у меня есть в памяти, но не изложены на бумаге: нет времени.

Пьесу в подстрочном переводе пока читают ответственные работники: режиссер, пред. комитета по делам искусств и работники культпропотдела обкома. На днях они скажут свое мнение, после этого прочитаю широкому кругу и по замечаниям внесу поправки.

Передайте привет Василию Иннокентьевичу[2]. Алтайские тексты песен на днях восстановлю и пришлю ему. Возможно, свои стихи тоже пришлю.

К большой автобиографической работе[3] приступлю не

раньше августа. До августа надо закончить сказки для детей по договору с Детгизом.

Привет Вашей семье.

Крепко жму Вашу руку.

С приветом П. Кучияк

---

1 Рукопись была утрачена. Позднее роман («Улу кӧчӱш», Горно-Алтайск, 1959) вышел в переводе А. П. Кучияк, Н. Г. Куранакова и др.

2 Василий Иннокетьевич Непомнящих, поэт.

3 Речь идет о романе «Адыйок».

2

15. V. 37.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Третьего дня вернулся из командировки по сбору сказок, записал несколько сказок и песен.

Приехала из Москвы тов. Гарф, редактор детских сказок. Кто-то ей сказал: Кучияк — такой-сякой! Теперь она отказалась со мной работать. Придется мне другого товарища найти. Кого? Хотел было Ваську просить — у него язык, кажется, детский. Моя доля — пять печатных листов. Вы тоже посоветуйте Василию, чтобы он со мной работал.

Я пишу Детгизу письмо о том, что мой редактор (литер.) отказалась, но я желаю работать, договор не хочу расторгнуть, потому что мною получена солидная сумма — 25 процентов.

Вот такая печальная картина у меня сейчас. То, что она отказалась[1], мне нисколько не жалко. Только найти бы литературного редактора — сказок хватит.

Отвечаю на Ваш вопрос о шаманах: в Куюме был «знаменитый» Туянин Сапыр, в 1928 году 336 голов лошадей, коров, овец и коз принес в жертву.

Квартиры пока нет.

Привет Вашей семье.

Крепко жму Вашу руку.

П. Кучияк

---

1 Творческие отношения Павла Васильевича с А. Л. Гарф вскоре наладились. Их совместная книга алтайских сказок для детей издается и поныне.

3

Барнаул,
15. II. 1938 г.

Многоуважаемый Афанасий Лазаревич!

Ваше письмо не застало меня дома — я 3. II. 38 г. выехал в Барнаул. Сейчас нахожусь в Барнауле. Мой выезд вызван был в связи с моей последней пьесой[1]. Я сам ее подстрочно перевел, отдал в нацтеатр, а нацтеатр отослал в крайкомитет по делам искусств. Когда я приехал в Барнаул, начальник крайкомитета по делам искусств тов. Печурин мне ответил, что он едет в Москву, мою пьесу возьмет с собой и там покажет опытным драматургам в драмсекции ССП, числу к 1-му марта приедет. Какие только будут разговоры по поводу моей пьесы, он обещал мне подробно рассказать. Таким образом, я остался до его приезда у одного знакомого человека. Пока писанина плохо идет, потому что, где я остановился, у хозяина много детей, большой шум. Днем хожу в читальни, читаю. Большое спасибо, Аф. Лаз., за советы, какую литературу мне необходимо читать[2]. Обещаю Вам — это я выполню.

Понимаете, Афанасий Лазаревич! Эти мои «критики»[3], с позволения сказать, все-таки подкачали мой авторитет. После их выступлений на читательской конференции, на страницах газеты, по радио и с трибуны (областного) съезда Советов знакомые люди от меня отвернулись. Издательство сидит скрепя сердце, со мной не хочет разговаривать, мои новые вещи никого не интересуют, никто их не читает. Этого еще мало, с новыми-то кадрами работа из рук вон плохо, никто с ними не занимается. Я летом работал в редакции «Кызыл Ойрот», начал было налаживать работу с начинающими поэтами — «сократили» меня. Просился я в театр — тоже молчаливый отказ. Значит, мне остается или тротуар чистить или из Ойротии куда-нибудь выезжать.

Вот из Барнаула я написал большое заявление в президиум ССП СССР, изложил все, что есть налицо. Если бы действительно был враг народа, то на советской земле свободно не ходил бы. С Москвой дело заглохло. Из редакции «Колхозника» ответа нет — наверняка отказались[1]. С Детгизом то же самое.

На днях вышлю Васе Непомнящих сказ о Ленине в стихах. Вам как-то я обещал сказки в прозе — постараюсь.

Привет Вашей семье.

П. Кучияк

1 Пьеса была о борьбе с буржуазными националистами. Подстрочный перевод не найден.

2 До начала работы над романом «Адыйок» А. Л. Коптелов советовал Павлу Васильевичу прочесть автобиографические произведения классиков, в частности трилогию А. М. Горького.

3 Критика была предвзятой, бездоказательной и несправедливой. См. примечания к дневникам, стр. 124.

4 Рассказ «Железный конь» в «Колхозник» не был принят.

4

Барнаул,
11. VI. 38 г.

Уважаемый Афанасий Лазаревич!

Не ругайте, что я Вам давно не писал. Может, это для Вас хорошо? Потому что в правлении ССП Новосибирской области меня просто забыли. Для них я совсем почти не существую или как? Даже не изволили послать мне письмо тов. Ставского[1] об участии писателей в выборах в Верховный Совет РСФСР. Хорошо, что, хотя и с большим опозданием, копию мне передал культпроп Алтайского крайкома ВКП(б). Они сами отыскали меня. А вот мои начальники меня забыли. Напишешь письмо, словно не в почтовый ящик попало, а к подземному Эрлик-хану, — ни ответа, ни привета.

Вот, дорогие мои друзья, это маленько нехорошо. Если я от Вас не получу какого-нибудь совета, помощи и указания, как же я буду расти дальше? Ни в Ойрот-Туре, ни в Барнауле нет таких товарищей, которые мне помогли бы. А мне помощи еще много и много надо.

Завтра, 12.VI.38 г., еду домой совсем. Буду работать и жить постоянно в Ойротии. Жил я дома ровно месяц, отношение ко мне несколько улучшилось, но секретарь обкома ВКП(б) Антонов Федор Семенович меня впервые видит, еще не знает как следует. Вот если бы Вы от имени правления написали ему о моей работе, это был бы для меня плюс.

Я сейчас работаю над переводами двух пьес — «Алькасар» и «Огни маяка», но пьесы для меня не очень поучительные — похожи на мои. Роман мой, знаете, хромает. Стараюсь закончить перевод, тогда возьмусь покрепче.

Привет Вашей семье. И привет Васе!

П. Кучияк

1 В. П. Ставский в то время был секретарем правления ССП СССР. В Алтайском крае тогда еще не было отделения Союза писателей. П. В. Кучияк состоял на учете в Новосибирске, потому он и сетовал на невнимательное отношение к нему со стороны Новосибирского отделения.

5

7. III. 39 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Доехал хорошо. В семье все живы и здоровы. К работе приступил с 2.III.39 г. Сейчас проводим репетиции по «Чейнеш». Очерк написал, но конец никак не могу увязать. Мне не удалось к нему[1] съездить. Но скоро его достанем в Ойрот-Туру. Его сказки Облгиз будет издавать, обработка моя.

Ваш П. Кучияк

---

[1] Очерк о народном сказителе Н. У. Улагашеве.

6

Ойрот-Тура,
10 апр. 1939 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Пословица «У хвастуна подошва тонкая» — моя переделка. А в народе по адресу хвастунов говорят: «У хвастуна з... открытая». В данном случае Сюмелю[1] это говорит Карчага, дескать, «Не хвастайся, пока не сделал».

«Гроза» по-алтайски — «Чыдырт». Можно также перевести «Кюкюрт». Поставьте любое слово, которое лучше звучит.

Улагашев[2] ждет из Москвы телеграмму. Анкету для него я заполнил, автобиографию его написал и три карточки отправил в адрес правления ССП СССР. Деньги ему на дорогу пришлют из Москвы. Я с ним, видимо, не смогу поехать — работы выше головы. Кожевников[3] просил меня написать рассказ вроде «Железного коня». Пока еще не приступил к этой работе. Пишу новую пьесу, перевожу «Падь Серебряную» Н. Погодина, в «Чейнеш» участвую. Так что времени никак не видно. Кто поедет со стариком, я им скажу, чтобы они на обратном пути остановились в Новосибирске. Только старик сильно кашляет, кайларить[4] не может из-за хронического бронхита. 5. IV. 39 его принял тов. Антонов, беседа продолжалась больше часа. Обком обещает старику создать все условия (персональную пенсию, квартиру и т. д.). Он пока у меня живет. У меня сейчас народу полный дом: Улагашев со своей внучкой, теща, мама, две сестры, одна учится на медкурсах, другая больная. Наверное, совсем у меня ос-

танется — некуда ей деваться, у одной мальчик с Марата[5]. Вот видите, какой я богатый!

Сказки Улагашева записывают другие люди, но литературно править, наверно, буду я, только нескоро.

Привет Вашей семье.

Жму руку. П. Кучияк

---

[1] Сюмелю и Карчага — персонажи из рассказа «Ямы», перевод которого в то время готовился для журнала «Сибирские огни» № 3 за 1939 г.

[2] Известный сказитель Николай Улагашев вместе с большой группой писателей страны был удостоен правительственной награды. Орден «Знак Почета» ему вручил в Кремле М. И. Калинин. На обратном пути сказитель останавливался в Новосибирске для переговоров о переводах и издании исполняемых им героических сказаний. В переводах новосибирских поэтов вышли его два тома героического эпоса: «Алтай-Бучай», Новосибирск, 1941 и «Малчи-Мерген», Ойротиздат, 1947.

[3] С. Е. Кожевников готовил для Новосибирского издательства первый сборник П. Кучияка на русском языке «В родных долинах», 1939.

[4] Кайларить — исполнять речитативом под свой аккомпанемент на двухструнном топшуре героические сказания.

[5] Марат — младший сын П. В. Кучияка.

7

15. III. 39 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Это верно, что я торопился, потому что к нему[1] поехать — я коня не нашел. В театре было много работы. А я хотел слово выдержать. Сегодня шлю Вам свой рассказ «Тайная яма». Многие образы за бедностью языка получились однообразными. Я на материале этого рассказа собираюсь писать пьесу. Если что-нибудь получится, отдайте рассказ в «Сиб. огни», а потом — в книгу[2].

Ник. Еф. Добычин писал мне, что мой очерк в «Октябре» понравился, пойдет в майском номере, а сказки едва ли пойдут — материалами журнал перегружен.

Орденоносца привезли в Ойрот-Туру, пока живет у Куранакова, а завтра ко мне придет. Тогда я стариками буду богатым: мама, теща, Улагашев.

Много времени идет на репетиции «Чейнеш». Премьера будет 1-го мая.

Сегодня с Облгизом заключил договор на издание сказок Улагашева объемом пять печатных листов. Рукопись представлю к 15 мая.

О репертуаре Улагашева сообщу Вам, когда узнаю, какие у него сказки еще имеются.

Привет Вашей семье.

Ваш П. Кучияк

---

[1] К Н. Улагашеву в колхоз.

[2] Рассказ «Ямы» был напечатан в № 3 «Сиб. огней» за 1939 г.

8

Ойрот-Тура,
2. IV. 39 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Сейчас идет горячая работа по постановке «Чейнеш», где я сам участвую в ролях. Тут же пишу пьесу по рассказу «Тайная яма», первый вариант, вероятно, скоро закончу, в шести картинах, в главных ролях 9 человек.

С Улагашевым пока не имею возможности заниматься. Он у меня живет, как отец. Областные организации не могут найти ему квартиру и создать условия.

С приветом П. Кучияк

9

6. V. 39 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Давно не писал Вам: времени не было. Готовились к премьере — не вышло из-за отсутствия костюмов и музыкантов (написана музыка). Теперь намечается к июню — к 17-летию области. Потом намечена поездка в Новосибирск, Томск, Абакан, Семипалатинск и другие города. Сейчас наш коллектив отправляется по области, я остаюсь в Ойрот-Туре переводить пьесы. Новую пьесу, написанную на основе рассказа «Ямы», читал на областном активе, в основном получила положительные отзывы.

Когда приедете к нам?

Обработка рассказа «Ямы» меня удовлетворила.

Улагашев поедет в Москву 15. V. 39 г. Провожает другой — не я.

Я получил путевку на курорт Белокуриха, но театр не отпускает. Хочу послать Анну Максимовну, а мне театр достает путевку на август.

Привет!

П. Кучияк

10

Барнаул,
7. VI. 39 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Давно я Вам не писал, но не ругайте — времечка как-то не нашлось. Вот сейчас только небольшое облегчение, и я пишу Вам. Прежде всего хочу сказать, что мы, коллектив молодого Ойротского театра, заняли на краевом смотре первое место по краю за пьесу «Чейнеш» и нас наметили кандидатом на первую Всесоюзную выставку. Расхвалили «Чейнеш», меня премировали месячным окладом. Я хочу передать часть благодарности моим новосибирским товарищам-писателям, в первую очередь Вам, ибо мои таланты в первую очередь открыты Вами. Вы мне помогли и очень много дали советов.

Теперь едем обратно в Ойрот-Туру, будем готовиться к поездке в Москву. «Адыйока» понемногу начал писать, но, видите, мало владею временем. После Москвы возьмусь крепко.

Передайте привет Васе Непомнящих.

Ваш П. Кучияк

11

1. VII. 39 г.

Добрый день, Афанасий Лазаревич!

Спасибо за письмо. Ваши замечания по рассказу «Железный конь» для меня только плюс в моей творческой работе. Совершенно правильно Вы делаете указание, что я над вторым вариантом работал мало и быстро. Это меня торопил тов. Кожевников. Я сразу начал на русском языке мыслить, поэтому рассказ и получился бледным. Все Ваши замечания учту.

Я сейчас работаю над второй пьесой на материале рассказа «Ямы», скоро закончу. В черновом я читал перед студийцами, в присутствии областных работников. Отзывы были положительные. И указали на отдельные недостатки.

Готовимся к поездке в Москву.

Примите привет от Анны Максимовны. Она очень жалеет, что с Вами не могла поговорить.

Примите от меня привет. Желаю Вам наилучшего отдыха и лечения[1].

Ваш П. Кучияк

---

[1] Письмо было адресовано на курорт Белокуриха.

12

22. VII. 39 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Вы, наверно, уже дома? Я от Вас получил из Белокурихи два письма, за что большое спасибо. Из Москвы мы получили телеграмму: приедут к нам представители от Комитета по делам искусств РСФСР, посмотрят наш спектакль на месте, тогда скажут свое слово — поедем или не поедем в Москву. Это я одобряю. Чем позориться в Москве, лучше проверить-ся на месте.

Я все помаленьку пишу и переделываю вторую пьесу — «Ямы».

«Адыйок» плохо двигается: артистическая работа отнимает очень много времени.

Н. Улагашев все еще лежит в больнице — нога не выздоравливает. Пока он лежал дома, от него, говорят, записали восемь сказок. Обработкой занялся Куранаков, я не вмешиваюсь в это дело — у меня очень много своих сказок, а для обработки их нет времени.

Жму руку. Ваш П. Кучияк

13

6. X. 39 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

О поездке в Москву лучше не скажу ни слова, потому что тов. Павлов[1] Вам, наверно, уже сообщил, как мы провалились с поездкой. В основном виновниками, конечно, являются руководители нашего театра: сами приехали в Москву, а декорации оставили в Бийске. Даже костюмы были отправлены вместе с багажом, поэтому и концерта не могли дать. Теперь артисты ушли в отпуск на месяц. И я в отпуске, только сижу за столом — обрабатываю сказки Улагашева.

Простите, Аф. Лаз., что я к Вам не заехал по пути из Москвы: настроение шибко плохое было.

Владимир Иванович Ябыков (автор «Кан-Сулутая») приехал домой, сейчас работает в радиокомитете (он со мной рядом сейчас сидит) в качестве кайчи и икилиста[2]. Теперь «Кан-Сулутая»[3] можно рекомендовать куда-нибудь. Может, «Сиб. огни» частично напечатают? У Владимира Ивановича Ябыкова еще много хороших сказок есть, но я ему говорю — пусть он сам запишет. Некоторые он мне рассказывал — очень хорошие. Борьба с Эрликом[4].

Когда приедете к нам? Куранов[5] надо бы пострелять. Я, возможно, после 15. X. 39 поеду в аймаки записывать сказки, песни.

Привет Вашей семье. Примите привет от Вл. Ив. Ябыкова.

С приветом П. Кучияк

---

[1] Г. Павлов — переводчик пьесы «Чейнеш».

[2] Кайчи — сказитель; икилист — музыкант, играющий самодельным смычком на топшуре.

[3] «Кан-Сулутай» — алтайское героическое сказание; в переводе А. Коптелова опубликовано в журнале «Сибирские огни», № 5—6 за 1940 г.

[4] Эрлик — злой подземный властелин.

[5] Куран — самец косули.

14

22. XII. 39 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Первое Ваше письмо получил, второе — тоже. На первое не ответил потому, что Вы тогда уже выехали в Москву. С ответом на второе задержался по причине того, что я был в гастрольной поездке с театром по Онгудайскому аймаку. Ездили хорошо: дали 12 спектаклей «Чейнеш» и 14 концертов. Колхозники, колхозницы и советская интеллигенция встретили «Чейнеш» с большим интересом. Отзывы все положительные. Теперь, наверно, поедем в Эликманарский аймак, а потом начнется учеба до 1 мая. Я пока мало занимаюсь творческой работой, много времени уходит на артистическую деятельность. Думаю уйти из театра, серьезно взяться за «Адыйока». И есть желание написать историческую пьесу.

Примерно 150 лет назад. Материал собираю. Это — народный герой по имени Канза-бий[1]. Прошу Вас, Аф. Лаз., если Вы где-нибудь в книгах встречались с таким именем, сообщите мне (...) Его песни В. Радловым записаны и изданы в 1866 в Санкт-Петербурге — «Образцы народной литературы тюркских племен».

Отвечаю на ваши вопросы: автобусы ходят из Бийска до Ойрот-Туры, Чилекей Апоятов[2] дома. Может, обком нам даст машину до Усть-Кана, я не возражал бы съездить с Вами.

В Новосибирск здорово хочется. Но только после Нового года, наверно.

Привет Вашей семье.

Ваш П. Кучияк

---

[1] А. Л. Коптелов отговаривал Павла Васильевича от работы над этой весьма сложной исторической темой, но он был увлечен ею, работал упорно, долго, и все же пьеса ему не удалась.

[2] Чилекей Апоятов — колхозник из Усть-Канского аймака, бывший партизан, несколько лет работал заместителем председателя облисполкома.

15

Ойрот-Тура,
21. V. 40 г.

Уважаемый Афанасий Лазаревич!

Спасибо за письмо и за критику нашего сборника сказок. Я сейчас особенного ничего не творю. Занимался улагашевскими сказками, на алтайском языке обработал пять сказок, примерно 7—8 тысяч строк. Написал три одноактные пьески, инсценировал сказку Улагашева «Ырысту». 23. V. 40 г. еду на курорт Белокуриха. А потом, буду жив-здоров, пожалуй, поеду куда-нибудь за пределы области, потому что сколько ни работай — никто не видит. До сих пор не могли обеспечить меня рабочей комнатой. Восемь человек толпимся в одной комнате. Думаю после курорта поехать в Москву. На дорогу деньги как-нибудь найду.

В семье моей все живы-здоровы, учатся ничего. Ваня Родину охраняет.

Да, сейчас у нас шелковая весна в разгаре, только вот эти дни что-то снегопад и холода.

Пишите мне в Белокуриху. Буду рад.
Жму Вашу руку.

С приветом П. Кучияк

16

Ойрот-Тура,
6. VII. 40 г.

Дорогой Аф. Лазаревич!
Хорошо ли Вы доехали домой? Как поживает семья Ваша? Я из Барнаула приехал 1. VII. 40 г. Пока конкретно не взялся за работу — все домашние заботы.

С нацтеатром поехать 90 процентов согласия дал. Теперь вопрос только об условии. Они со своей стороны говорили — по 1000 руб. в месяц, а я еще свое не сказал. Поездка на два месяца, от Барнаула до Ташкента. Выезжать в последних числах этого месяца. Срок — до 1. X. 40 г.

На этих днях обрабатывал свои маленькие пьесы. Выехать куда-либо пока не решил.

Примите от моей семьи привет. Жму руку.

Ваш П. Кучияк

17

5. VIII. 40 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Вот какой я «аккуратный» человек — отвечаю Вам ровно через три недели! Описать все сказки Н. Улагашева не успел. Поручите это Облнациздату. С собой я взял три сказки[1], которые обработаны мною: 1. «Козын-Эркеш», 2. «Ак-Тайчи», 3. «Ескюс-Уул». Думал сделать подстрочный перевод, но пока условий не видно, все-таки постараюсь к 1-му октября закончить перевод. Наш театр сегодня гастролирует в Барнауле. 8. VIII. 40 г. выезжаем в Рубцовку, дальше едем в Лебяжье, Риддер. Дальше неизвестно пока. Говорят, поедем по Новосибирской области.

Зимой думаю поехать в Москву. Я в Барнауле видел тов. Чичерова. Он говорил мне, что они меня устроят через Литфонд в Дом творчества. Вот коротко.

Очень каюсь, что согласился поехать с театром.

Ваш П. Кучияк

---

[1] Здесь: сказания. Кучияк в письмах сказания часто называет сказками.

18

15. X. 40 г.

Здравствуйте, Аф. Лаз.!

Ваше письмо получил. «Курман-Тайчи» и «Алтай-Бучай» получил от Облгиза. Буду читать. Если можно обработать, буду обрабатывать. Если нельзя, не буду.

Квартиры нет. Где буду работать, не могу понять. Материально тоже неважно сейчас.

Привет Вашей семье.

Ваш П. Кучияк

19

О.-Тура
1. XI. 40 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Недели две тому назад я дал Вам половину согласия на обработку сказок Улагашева, но, когда прочел записи, увидел, что требуется основательная правка, поэтому отказался.

Пока работаю разную мелочную работу. «Канза-бий» не начал. «Адыйок» тоже не идет дальше. Условий нет. С нового года, наверно, поступлю работать в ОГИЗ.

Пока живу ничего.

Привет Вашей семье.

Ваш П. Кучияк

20

О.-Т., 20. XI. 40.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Сегодня я увидел Куранакова, он говорит, что Вы «Алтай-Бучая» не получили. Бия, наверно, задержала[1].

Теперь я закончил на ойротском языке «Курман-Тайчи» — более 2000 строк. Делаю подстрочник. Если надо будет, черкните. Я обработал с согласия самого Ник. Улагашева, а не по записи Исая Тантыева. Мне кажется, сказка получилась неплохая, если не выше некоторых других его сказок. Перевод закончу 25. XI. 40. Если надо, то телеграфируйте. Пошлю.

Почему-то ОГИЗ очень долго не посылает мне гонорар по «Сиб. огням». А у меня сейчас карман очень тонкий.

После перевода сказки Н. Улагашева возьмусь за историческую драму «Канза-бий», которой я сейчас беременный.

Привет Вашей семье.

Ваш П. Кучияк

---

[1] В то время А. Л. Коптелов готовил к сдаче в производство первый том сказаний Н. Улагашева «Алтай-Бучай». Моста через Бию тогда еще не было, и Павел Васильевич опасался, что рукопись задержалась из-за ледостава.

21

Ойрот-Тура,
24. XI. 40 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Сегодня посылаю Вам оригинал и подстрочник «Курман-Тайчи». Я по записи Тантыева не пошел, а, согласовав с самим автором Н. Улагашевым[1], обработал иначе. Мне кажется, сказка неплохая. Только богатыря надо было женить, но ввиду истечения срока (для представления рукописи) мы этого не сделали. Прочтите. Если найдутся непонятные места, то можете меня вызвать, тогда можем вместе обсудить, дополнить, исправить.

Ойротские тексты «Алтай-Бучая» и «Курман-Тайчи» непременно пошлите обратно в Облнациздат, потому что копий нет, а второй раз мне писать будет шибко тяжело.

Сейчас берусь за «Канза-бия». Вот коротко все.

Ваш П. Кучияк

---

[1] Судя по письмам Павла Васильевича, он иногда заполнял пробелы эпизодами из вариантов сказаний, слышанных от своей бабушки. Использовались и другие варианты. В этом и состояла обработка записи, порой далекой от точности: записывать за Н. Улагашевым было трудно.

22

Ойрот-Тура,
27. XI. 40 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

Для сказки «Алтай-Бучай» я посылал переводы алтайских слов вместе с текстами. Если еще есть непонятные слова, пошлите их мне.

Ответ по второму вопросу: у Ак-Тайчи идет разговор о том льве, который помогает Эрлику и подземному Темир-хану. Волк, Змея, Батыр и Лев — все они, в данном случае, нечистые духи, которые помогают подземным ханам. Вот их-то как раз Ак-Тайчи и уничтожает.

Ответ по третьему вопросу: относительно чулмусов (шулмусов). У нас это слово тоже давным-давно существует. В одном случае это — нечистый дух, нехороший богатырь или хитрый враг, в другом случае это слово употребляется о бойком, хитром, ловком (кого-нибудь обмануть) человеке.

«Сынару» рассказывается прозой. А песни стихами поются. Между прочим, у Улагашева сказки всегда содержат много песен.

Если эти сказки записаны другими лицами, все равно они записывают прозой, и порой неудачные записи, поэтому я в корне обрабатываю[1] их, при этом согласую с тов. Улагашевым.

В сказках, обработанных мною, почти ничего не остается от записи, потому что записыватели многих слов Улагашева не понимают: его язык тубаларский[2].

Привет Вашей семье.

Ваш П. Кучияк

---

[1] Прозаическую запись, иногда конспективную, Павел Васильевич излагал в стихах, как это и исполнялось сказителем.

[2] В алтайском языке шесть диалектов. Улагашев говорил на языке племени туба.

23

7. XII. 40 г.

Дорогой Афанасий Лазаревич!

На ойротском языке лев называется и каракула, и арслан. В сказке «Ак-Тайчи» слово Арслан переведено — Лев.

Куранаков уже послал Вам «Кёзюйке». Фотопортрет Ула-

гашева тоже скоро пошлют. Так-то давно они снимали старика.

Благодарю Вас за то, что Вы стараетесь выписать мне сто процентов гонорара, — у меня положение туговато...

Пока все. Сейчас мечтаю о «Канза-бие». Не знаю, как управлюсь.

Примите привет.

Ваш П. Кучияк

24

О.-Тура,
16. III. 41 г.

Здравствуйте, Афанасий Лазаревич!

Спасибо за письмо. Живу пока по-прежнему. ...работаю над инсценировкой сказки Ник. Улагашева «Три сестры» по заказу юбилейного комитета[1]. Играть будут артисты нацтеатра.

Больше особенного ничего не сделал. С 1 апреля думаю выехать в аймаки, а то второй год не бывал в колхозах. Надо кое-что собрать.

Отвечаю на ваш вопрос: вот как говорятся эти три строчки[2].

Вот коротко все.

Привет Вашей семье.

Ваш П. Кучияк

---

[1] В то время уже была начата подготовка к двадцатилетию автономной области.

[2] Павел Васильевич написал три строчки из одного героического сказания, которое А. Л. Коптелов включил в сборник Н. Улагашева «Алтай-Бучай», и дал подстрочный перевод.

ПИСЬМА А. Л. КОПТЕЛОВА П. В. КУЧИЯКУ И ЕГО РОДНЫМ

Новосибирск, 29 апреля 1937 г.

1

Дорогой Павел Васильевич!

Письмо твое получил. Выражаю тебе свое соболезнование по поводу смерти твоего сына Кима.

Групком никакой помощи оказать не может по той простой причине, что ты в групкоме не состоишь. Это ведь профсоюзная организация.

Литфонд, конечно, может оказать помощь и выдать единовременное пособие. Но для этого нужно, чтобы ты прислал заявление в адрес нашего правления ССП. Присылай такое заявление.

2 мая в Ойрот-Туру выезжает Кожевников. Может быть, он приедет даже раньше, чем придет мое письмо. С ним пошлю тебе для ознакомления очерк об Апоятове.

Все литературные новости расскажет Кожевников.

У меня к тебе есть просьба. Узнай, пожалуйста (да ты, наверное, и помнишь), как звали попа Сорокина. Необходимо для воспоминаний Н. И. Чевалкова[1]. Сообщи имя этого попа мне или Кожевникову.

И еще у меня была к тебе просьба, но ты ее, вероятно, забыл. Не знаешь ли ты такой сказки, в которой бы богатырь побеждал шамана? Мне бы хотелось получить из такой сказки несколько строк о победе над шаманом. Если можешь прислать, буду тебе очень благодарен.

Да, ты записывал сказку об Алмысе? Она ведь не переведена на русский язык. Посмотри, если эта сказка интересная, то, может быть, ты ее переведешь не торопясь.

Привет твоей семье. Бывай здоров. Жму руку.

А. Коптелов

---

[1] Чевалков Николай Иванович (1892—1937) — алтайский художник. О его жизни и творчестве имеются публикации А. Л. Коптелова: «Николай Иванович Чевалков и его воспоминания» — в альманахе «Алтай», 1972, № 1; «Николай Чевалков». Новосибирск, 1972.

2

Новосибирск,
30 марта 1939 г.

Дорогой Павел!

Что-то давно нет от тебя писем. Разве ты не получил моей открытки?

Очерк[1] сдан в набор. Ты получил копию? Что ты скажешь о нем? При сдаче в набор внесли поправку: имя Улагашеву дает не просто алтаец, а русский охотник. Ты не возражаешь против этого?

Рассказ[2] твой (подстрочник) прочел Кожевников, чтобы санкционировать мою работу. Работа потребуется большая.

За рассказ возьмусь в ближайшие дни и надеюсь закончить его числа 15 апреля...

В апрельский план включили радиопередачу «Сказки Улагашева». Очерк о нем я сделал из нашего общего большого очерка. А сказки присылай. Чем скорее, тем лучше. Передача будет во второй половине апреля. Хорошо было бы получить несколько маленьких сказок Улагашева в прозе.

Орден он получил?

Пиши, как живешь, что пишешь? Вышел первый номер «С. О.»[3]

Желаю тебе всяческих успехов. Привет твоей семье.

Крепко жму руку.

Пиши «Адыйока».

А. Коптелов

---

[1] Очерк Кучияка П. и Коптелова А. «Николай Улагашев, певец Ойротии» вышел в ж. «Сибирские огни», 1939, № 2.

[2] Речь идет о рассказе «Ямы». Опубликован в ж. «Сибирские огни» (№ 3, 1939). Авторизованный перевод А. Коптелова.

[3] «Сибирские огни»; в этом номере вышел рассказ Кучияка «Тойчи» в переводе Г. Павлова.

3

Новосибирск,
6 апреля 1939 г.

Дорогой Павел!

Письмо твое получил.

Перевод рассказа[1] заканчиваю. Прошу срочно сообщить: а) что означает пословица «У хвастуна подошва тонкая»; б) как по-алтайски слово «Гроза» (прозвище Сюмелю).

Копию перевода пришлю тебе по получении от тебя письма.

Я ждал, что ты напишешь, какие сказки еще есть у Улагашева. Хотелось бы знать. Будет время, напиши об этом.

Когда Улагашев поедет в Москву, неплохо было бы, если бы он остановился в Новосибирске на один день, спел бы сказки писателям, поговорили бы об алтайском фольклоре.

Я потолкую об этом с Алексеевым, а ты сообщи мне, когда он поедет.

Прости, что пишу мало, — устала рука, целый день переводил твой рассказ. (...).

Литфонд покупает тебе путевку в «Белокуриху» сроком

с 21 марта, а мне с 10 апреля. Раньше я не успею закончить роман.

Привет твоей семье.

Крепко жму руку.

А. Коптелов

---

[1] Рассказ «Ямы».

4

21 января 1941 г.

Дорогой Павел!

У меня к тебе еще просьба: сообщи, пожалуйста: 1) чем алтайцы подбивают лыжи? Кожей с ног элика[1]? 2) Как фамилия шебалинского сказителя, который знает «Алтай-Бучай»[2]?

Поговори с Улагашевым: когда он перестал верить в богов и в силу шаманов? Под влиянием чего? **Не под влиянием ли эпоса? Приносил ли он когда-нибудь жертву? Вел ли какую-нибудь борьбу с шаманами и шаманизмом?** Я расширяю свою главу об антирелигиозном значении эпоса и меня очень интересуют поставленные выше вопросы. Они помогут разобраться в формировании мировоззрения кайчи. **Не притесняли ли шаманы Николая Улагашева?** Буду тебе очень благодарен за ответы.

Когда переезжаешь на новую квартиру?

Привет твоей семье. Крепко жму руку.

Твой А. Коптелов

Не знает ли Улагашев сказания о Шуно[3], который, по преданию, передал алтайский народ России?

---

[1] Элик — косуля.

[2] По всей вероятности, имеется в виду один из сказителей — Санаа Туганов или Даниил Чичиеков, от которых П. В. Кучияк записывал сказания.

[3] Сказание о Шуно (правильно Шуну́). У алтайцев бытуют сказания и исторические предания о Шуну. Главный герой — Шуну выступает как инициатор движения за добровольное вхождение алтайцев в состав России. Подробно об этом: Л. П. Потапов «Героический эпос алтайцев», «Советская этнография», № 1, 1949; С. Суразаков. Этапы развития алтайского героического эпоса. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологич. наук, 1973, с. 165—168.

5

Новосибирск,
31 января 1941 г.

Дорогой Павел!

Извини за хлопоты, но у меня к тебе еще несколько вопросов, касающихся Н. Улагашева и ойротского народного эпоса[1]. Прошу тебя ответить на них поскорее. Буду тебе сердечно благодарен.

1. От кого ты слышал «Алтын-Тууди»?[2] От бабушки или от дедушки?

2. Сколько сыновей у Н. Улагашева? Кто из внучат знает эпос?

3. Однажды пьяный зайсан заставлял слепого Улагашева показывать дорогу. Как фамилия этого зайсана? Какими словами ответил ему Н. У.? Я знаю, что старик ответил очень остро. За это его хлестнули плетью. Хотелось бы узнать подлинные слова.

4. Когда-то ты рассказывал, что во время поездки с Гарф некоторые старики отказывались петь эпос, говоря, что петь его запрещено (мы знаем, кто и почему пустил этот слух). Что говорил по этому поводу Улагашев? Я написал: когда до него дошли разговоры о том, что нельзя петь сказки про богатырей, он ответил: «Не поверю. Мы поем на пользу народа». А когда приехали Вы с Гарф, он сказал: «У нас тут болтали, что нельзя петь про богатырей. Я говорил: «Неправда это. Так и вышло. Москва понимает, что надо народу». Прошу тебя сообщить будет ли это близко к тому, что говорил тогда Н. У. Улагашев по этому вопросу. Как относились в те годы к эпосу в его колхозе и как относятся сейчас?

Как живешь? Когда переезжаешь на новую квартиру?

Сердечный привет всей твоей семье.

Крепко жму твою руку.

Твой А. Коптелов

---

[1] Вопросы об Улагашеве связаны с подготовкой к изданию сборника алтайских героических сказаний: Н. Улагашев. Алтай-Бучай. Новосибирск, 1941. Вступительная статья «Н. Улагашев и ойротский народный эпос» А. Коптелова.

[2] Сказание «Алтын-Тууди» в детстве Кучияк слышал от своего дедушки — сказителя Ш. Шунекова. На алт. яз. издано в 1941 г., на русск. — в 1950 г., в переводе А. Смердова; вступ. статья А. Коптелова.

6

Новосибирск, 24. VII. 39 г.

Дорогой Павел!

Сейчас получил твое письмо. Я уже давно дома. Из Белокурихи пришлось уехать раньше времени, так как жена должна была выехать в Москву и надо было дать ей поручения в московские редакции. Сейчас я — за хозяйку. Хожу на базар, готовлю обеды, завтраки и ужины. Для себя и для Нины. Мальчики — в санатории (...).

Напиши, когда будешь в Новосибирске. Дело в том, что в августе (числа с 7), по всей вероятности, уеду на охоту (дней на 8). А повидать тебя надо. Но если и меня не будет дома, остановишься, конечно, у нас (дети будут дома). У нас сейчас есть для гостя и комната, и кушетка. Ночевать есть где. Будем ждать.

№ 4 «С. О.» выйдет не скоро. Не раньше августа. В этом номере печатается большая статья Кожевникова о писателе Кучияке. Я консультировал эту статью. Считаю, что статья очень интересная, хорошая. Там, как будто, идет и «Аркыт»[1]. В газ. «С. С.»[2] было напечатано стихотворение «Алтай» в переводе И. Мухачева. Как видишь, Новосибирск не забывает о тебе. А в «Л. Г.» читал мою заметку о твоей пьесе и спектакле?[3]

Моя поездка в Ойротию все отодвигается. Надо будет написать для сборника к 20-летию освобождения Сибири от белых. Придется еще над романом поработать — для «Нового мира». Но в начале зимы обязательно приеду. Хочется посмотреть «Чейнеш».

Когда же выйдут Ваши сказки в Детгизе? Жду. Буду писать рецензию на них.

Читал твой очерк в «Октябре»[4] (№ 5—6). Хорошо!

Желаю здоровья «Адыйоку». Пусть он растет, «не по дням, а по часам», как богатырь.

Мой искренний привет Анне Максимовне и всей твоей семье.

Крепко жму твою руку.

А. Коптелов

---

[1] Речь идет о статье С. Кожевникова «Первые страницы алтайской литературы; стихи в переводе Н. Алексеева.

[2] Газета «Советская Сибирь».

[3] «Успех молодого театра» (о спектакле «Чейнеш») — в «Литературной газете» от 26 июня 1939.

[4] В ж. «Октябрь», 1939, № 5—6 опубликован очерк Кучияка «В гостях у кайчи» (о Н. Улагашеве).

7

Новосибирск,
11 февраля 1944 г.

Уважаемая Полина Павловна![1]

Сейчас получил Ваш перевод третьей главы «Адыйока». Спасибо, что прислали быстро. Начну его обрабатывать. Первые две главы у меня уже давно готовы[2].

С бумагой сейчас трудно. Поэтому книгу Павла Васильевича отложили на следующий год. Но готовить ее надо уже сейчас, постепенно. Что можно, я здесь делаю.

«Адыйока» я думаю предложить в «Сибирские огни». Потому и поторопил Вас. После того, как прочтут все члены редколлегии, я сообщу Вам о результатах.

Сейчас у меня к Вам просьба: у этой главы, по примеру двух предыдущих, было заглавие и эпиграф, состоящий из алтайской пословицы. Прошу Вас перевести и то и другое и прислать мне, по возможности скорее.

О качестве перевода напишу Вам после того, как закончу работу. Тогда у меня будет о нем полное представление. Но, думаю, что это мнение мое будет безусловно положительным, если не больше.

Я получил открытку от Потапова[3]. Он скоро будет у Вас в Ойротии и, надо полагать, привезет Вам все новости.

Привет Анне Максимовне и всей Вашей семье.

---

[1] Полина Павловна Кучияк — старшая дочь П. В. Кучияка.

[2] Речь идет о подстрочном переводе незаконченного романа Кучияка «Адыйок». Над художественным переводом глав романа работал А. Л. Коптелов.

[3] Потапов Леонид Павлович — доктор исторических наук, автор исследований по истории алтайцев.

8

Новосибирск,
22 февраля 1944 г.

Добрый день, Полина Павловна!

Получил Ваше письмо. Вы зря так скромничаете, — третью главу «Адыйока» Вы **перевели хорошо.** Чувствуется, что Вам трудно давалась только молитва, но и в ней основную сущность Вы передали. Обработку «Адыйока» [1] я уже закончил. Перевод уже прочитал редактор «Сибирских огней» и одобрил. Сейчас читают члены редколлегии. О результатах я Вам сообщу.

Жду от Вас заголовок к III главе «Адыйока» и эпиграф. Об этом я Вам уже писал.

Рассказы Татьяны Павловны[2] обязательно запишите. И обязательно переведите на русский язык. Если Татьяна Павловна расскажет все подробно, со всеми бытовыми деталями, то, я думаю, рассказы ее мне потом удастся опубликовать в журнале или альманахе.

(...) Спасибо Вам за добрые пожелания. Привет Анне Максимовне и всей Вашей семье.

Крепко жму руку.

А. Коптелов

Прошу Вас перевести «Эки гвардеец»[3]. Этой пьесы я пока не знаю. Может быть, ее удастся напечатать.

P. S. По поводу пенсии я в ближайшие дни напишу в Москву моим знакомым, чтобы они поторопили там кого нужно.

А. К.

---

[1] Главы из романа «Адыйок» опубликованы в ж. «Сибирские огни», № 4, 1944 г. Предисловие А. Коптелова.

[2] Татьяна Павловна — сестра Кучияка. Правильное ее отчество Чочушевна, т. к. была некрещеной.

[3] «Эки гвардеец» — одноактная пьеса Кучияка. Опубликована в его книге: «Эки гвардеец». Горно-Алтайск, 1950 г.

9

Новосибирск,
13 января 1946 г.

Добрый день, Анна Максимовна!

Поздравляю Вас и все Ваше семейство с Новым годом. Извините, что не сделал этого раньше — помешала болезнь. Желаю в Новом году всего наилучшего, детям Вашим всяческих успехов в учебе и работе.

Я, Анна Максимовна, составил для Ойротского национального издательства книгу Н. Улагашева (на русском языке)[1]. В эту книгу я включил былину Улагашева «Малчи-Мерген» и очерк Павла Васильевича — «В гостях у кайчи». Былина была записана Павлом. Ему же принадлежит и подстрочный перевод. Работа эта, выполненная по моей просьбе (подстрочный перевод), в свое время не была оплачена, так как опубликование ее задержалось. Сейчас, пользуясь правом наследства, Вы имеете право получить соответствующий го-

норар и за очерк и за подстрочник «Малчи-Мергена». Сходите в издательство. Рукопись с моим письмом издательству уже послана.

Как Вы живете? Как учатся ребята? Пишите. Письму Вашему буду очень рад.

В «Сибирских огнях», вероятно, будут напечатаны два стихотворения Павла Васильевича. Об этом я напишу Вам позднее.

Если у Поли будет время, пусть переведет то, что еще осталось в рукописях на алтайском языке: может пригодиться или для «Сибирских огней», или для будущей книги произведений Павла. Об издании этой книги я поставлю вопрос в конце года.

Передайте привет Улагашеву.

С искренним приветом к Вам

А. Коптелов

---

[1] Имеется в виду книга: Н. Улагашев. Малчи-Мерген. Алтайский героический эпос. Ойрот-Тура, 1947.

ПИСЬМА П. В. КУЧИЯКА А. Л. ГАРФ

1

Новосибирск,
9. XII. 36 г.

Уважаемая Анна Львовна!

Есть пословица «Лучше поздно, чем никогда». К этой пословице отношусь и я. Помните, как мы с Вами попрощались 25. X. 36 г., даже не закончив сказку «Сеноставка»? А если я скажу, что выехал я из Москвы 2. XII. 36 г., для Вас это будет очень странным. К сожалению, так и есть.

Стало быть, 27 октября я не приехал из Москвы, остался до 2-го декабря и жил в Голицыне. Главной причиной была одна сказка-поэма, которую требовалось немедленно перевести на русский язык[1]. Поэма очень большая, переводил я ее ровно 27 дней. Кроме этого, были и другие мелкие причины. Обо мне в Москве знали Николай Ефимович, Иван Иванович[2] и Литфонд, больше никто.

Сейчас застрял в Новосибирске, дали мне очень много

материала для перевода с русского на алтайский и обратно. Сразу почувствовал, что моя прямая творческая работа будет хромать. Перевести надо в общей сложности 14—15 п/листов. Эту работу поручило правление ССП Запсибкрая, возразить не мог.

Еще две сказки для нашей книги закончил — «Большая медведица» и одна бытовая.

Домой, в Ойротию, поеду, наверное, не раньше 15-го декабря. Сибиряки встретили меня дружелюбно. Спрашивают, оставил ли я для Сибири что-нибудь.

Уважаемая Анна Львовна! Будьте уверены, относительно нашей совместной работы я Вас не подведу, к Вашему приезду значительная часть будет сделана.

Мое собачье ухо уже слышит, кара-сойонское сердце уже чувствует, как Вы сейчас на меня сердиты. Жил человек около Москвы, приезжал в Москву и не соизволил один раз зайти к Вам. Это, конечно, нехорошо.

Но понимаете, когда я встречаюсь с Вами, почему-то стесняюсь, теряюсь. Мне кажется, что Вы меня насквозь видите, знаете, что́ я думаю, что́ хочу сказать. Поэтому при нашей встрече я всегда старался не волноваться, держать себя взрослым человеком.

Я Вас искренне уважал и уважаю сейчас. Ваша ругань по моим недостаткам — это для меня полезно. Бить надо всегда по не́достаткам, а что есть положительного — никто не отберет...

Шлю Вам, Анна Львовна, привет выше горы Белухи, глубже озера Золотого.

Жму Вашу руку, с приветом

Ит-Кулак

---

[1] Речь идет о работе над поэмой «Зажглась золотая заря» — завершении и подстрочном переводе.

[2] Н. Е. Добычин, И. И. Катаев.

2

Ойрот-Тура,
9. 1. 37 г.

Уважаемая Анна Львовна!

Дома я уже с 16. XII. 36 г. В семье моей все живы-здоровы — растут. Руководители партийных и советских организаций встретили очень тепло, дружелюбно. Но так же дружелюбно нагрузили работой, сам не знаю — справлюсь ли.

Я раньше Вам писал о переводческой работе — 15 п. листов, срок к 15. III. 37 г. Роман А. Коптелова «Великое кочевье» я должен перевести на алтайский язык. Теперь поручили, кроме того, во что бы то ни стало написать три художественных очерка для сборника к пятнадцатилетию Ойротии. И еще одну пьесу на тему о гражданской войне на Алтае. А квартиру пока не дали, обещают, но не раньше 1. V. 37 г. Я сейчас живу в 30 км от Ойрот-Туры в Доме отдыха облисполкома.

По нашей с Вами работе пока что сделано мало, очень сейчас боюсь, едва ли в срок успею выполнить, что Вам обещал.

Самое главное — нет комнаты для работы в городе. Много времени без толку проиграно в Ойрот-Туре (с 16. XII. 36 по 3. 1. 37). Правда, в областную газету две-три статейки и несколько стихотворений написал, напечатали. Теперь в доме отдыха на один месяц условия для работы есть, что будет дальше, не знаю. Как работать?

Сегодня как раз приехал в Ойрот-Туру по делам и сразу же увидел журнал «Юный натуралист» № 11 [1].

По правде сказать, неплохо вышло. Рисунки тоже неплохие.

Мои дети читали, им очень нравится.

Старший мой сын[2], оказывается, не поехал в аймак учителем, а поступил в театр артистом. Хотел немного поругать его, но раздумал.

Зима у нас неморозная. Снег тоже неглубокий. На охоту не мог поехать, работой нагрузили, прямо головы не поднять. Между нами говоря, о Москве скучаю. Ждем Вас к маю месяцу к нам, в Ойротию.

Если имеете возможность, то два-три слова напишите мне. Как поживаете, что делаете? И какие советы мне дадите?

Адрес: Запсибкрай, г. Ойрот-Тура, Пролетарская ул., № 10, мне.

Большой привет Нине Борисовне[3] и Марте[4].

Крепко жму Вашу руку.

С приветом *Ит-Кулак Кучияк*

---

[1] В ж. «Юный натуралист» (№ 11, 1937 г.) были опубликованы записанные А. Л. Гарф со слов Кучияка сказки «Обида марала», «Горностай и заяц», «Нарядный бурундук».

[2] Иван Павлович Кучияк — старший сын Павла Васильевича.

[3] Нина Борисовна — мать Анны Львовны.

[4] Марта — сестра Анны Львовны.

3

4. III. 37.

Уважаемая Анна Львовна!

Э-э, ма-аш[1], вот когда Вы мой язык стали понимать, когда «один нога мало-мало сломался»[2]. Очень жаль, конечно, меня в Москве нет, а то бы немного пошаманить надо было. Ладно, отсюда, из Ойротии, немного пошаманю, все будет в порядке.

Из Манжерока (из Дома отдыха) вернулся 2. III. 37 г., и как раз Ваше письмо дома ждет меня. Работаю день и ночь, худо ли, хорошо ли, успел написать три очерка, размером 2 п. л. Пьесу свою переработал и отдал в нацтеатр. Состряпал еще другую пьесу в 5 картинах. На днях буду читать. Роман Коптелова больше половины (7 п. л.) перевел уже. Остальное стараюсь закончить к 15. III. 37 г. (5—7 п. л.). Потом целиком подключусь к нашей общей работе. За это время мною записано более семи сказок.

Квартиру пока не дали, живем в одной комнате 11 человек, среди которых «разворачиваю» свою творческую работу. Обещают уже четвертый месяц, но пока обещания остаются обещаниями.

Невзирая на все это, темпы своей работы не останавливаю. Материально живу, между нами говоря, скачкообразно, когда бай, когда по нескольку дней бедняк. Но что я, между прочим, говорю, почему-то у меня такая привычка — своим друзьям все, что имею, хочу рассказать.

Из Москвы регулярно получаю письма только от Ник. Еф.[3], больше ни от кого, но вот, наконец-то, и от Вас получил, за что благодарен Вам от всей души. Конечно, вести не совсем приятные, быть хромой нежелательно. Но, возможно, все благополучно заживет — Москва богата врачами.

Ким у нас медленно растет, часто ему нездоровится. Чечек обогнала Марата по росту. Марат учится на отлично, Коля[4], мой любимый сын, только на хорошо и посредственно.

Погода какая-то изменчивая у нас нынче, то тепло — снег тает, то мороз — лед трещит.

Так, значит, Вас золотой Алтай будет встречать своими первыми цветами, как раз кукушка прилетит, запоет:

«Яш тыт, как сёёк!»

Коростелей журавли на своих крыльях принесут, и коростели закричат:

«Бажынаҥ таарт, чачынаҥ таарт, таарт, таарт!»

Дословный перевод (сказки) вышлю к 20. III. 37, не раньше.

Самый горячий привет Нине Борисовне и Марте.

Крепко жму Вашу руку, с приветом

Кара-Сойон-Каны-Кара-Чилен-Кучияк-Ит-Кулак[5].

---

1 Э-э, ма-аш — это присказка медведя в алтайской сказке.
2 Гарф сообщила Кучияку о том, что сломала ногу.
3 Николай Ефимович Добычин.
4 Коля — сын Кучияка.
5 «Кара-Сойон-Каны-Кара-Чилен-Кучияк-Ит-Кулак» — то есть «Черный-Тувинец-Кровинка-Цапля-Воробей-Собачье Ухо» — шуточное прозвище Павла Васильевича.

Ойрот-Тура,
25. III. 37.

Уважаемая Анна Львовна!

Как это нехорошо, что я обманул Вас, обещал к 20.III.37 послать Вам подстрочники, но не выполнил и сегодня. Без дела не сидел, это факт, перевод романа Коптелова[1] —13 п. л. закончил с опозданием, к 19. III. 37. Сразу же Комитет по делам искусств и театр предложили ту пьесу[2], которую я писал к 15-летнему юбилею, перевести дословно на русский язык. Вот три дня за переводом сидел и закончил. Сейчас ответственные люди читают: главный режиссер театра читал, пока свое мнение никому не сказал, затем читал уполномоченный Комитета по делам искусств, теперь читает завкультпропом ОК ВКП(б); после чего буду читать сам на алтайском языке в расширенном кругу, в присутствии студийцев, издательских работников и национальных партработников, после чего (в зависимости, как будут критиковать) буду над исправлением сидеть, конечно, исправлю то, с чем я, как автор, соглашусь.

Теперь просили первую пьесу (которая написана в Москве) перевести, сделать подстрочник, потому что она только на алтайском языке прочитана мною и принята театром, а теперь режиссеру нужен подстрочный перевод, потому что он алтайского языка не знает. Но это еще хорошо, а вот если будут замечания, придется исправлять. Вот такова на данном этапе моя работа. Поэтому данного Вам слова не выполнил.

Теперь скажу, как попасть в Ойротию.

Поезд отправляется, само собою понятно, из Москвы, идет до Новосибирска, в Новосибирске пересадка первая. В мягком вагоне до Новосибирска билет стоит 158 рублей, в жестком —

110 рублей. Из Новосибирска до Бийска в мягком, точно не помню, что-то около 35 рублей, в жестком — 26 рублей. От ст. Бийск до Ойрот-Тура на пассажирском автобусе 24 рубля. От станции Бийск до гостиницы Бийск рубля три надо извозчику дать. Иногда автобус, который должен пойти в Ойрот-Туру, ждет около ж.-д. станции, но это редко бывает.

Таким образом, минимум 163 р., максимум 222 р. стоит поездка в один конец. Жизнь в Ойрот-Туре, по-хорошему, рублей 300—400 в месяц. А если поедем в Манжерок, в Дом отдыха, то 500 рублей. В Чемале Дом отдыха 700 рублей, но это будет ли нам по карману? Если скоро мне дадут квартиру, как обещают, из 4-х комнат, то жить будете у нас и больше никаких разговоров. Но если этого не будет, то найдем комнату на два месяца, рублей за 40—50 в месяц. Если я получу квартиру, то, пожалуй, обед, ужин сами сможем по-свойски с Анной Максимовной коллективно стряпать, варить.

Теперь, что надо с собой взять.

1. Лыжный костюм или брюки. 2. Прорезиненный плащ необходим. 3. Сапоги надо взять, верхом придется ездить, да и ходить у нас по грязи без сапог плохо. 4. Зонтик можете захватить, потому что дожди у нас бывают. 5. Как это вещевая сумка называется — рюкзак, что ли? Возьмите. 6. Постельные принадлежности (одеяло, простыни, маленькую подушечку).

Вы сами, конечно, знаете, купальный костюм захватите, хотя у нас вода холодная, но я знаю, что Вы любите купаться. Хотя в июне—июле тепло будет.

Большой привет всем. *П. Кучияк*

Предисловие[1] к нашим сказкам шлю Вам.

---

[1] «Великое кочевье».

[2] «Чейнеш».

[3] Предисловие Кучияка, написанное к книге «Алтайские сказки» (М., Детгиз, 1939), опубликовано лишь в 1978 г., в сб. «Танзаган — отец алтайцев» (М., «Художественная литература»).

5

5. IV. 37.

... Теперь прошу Вас сообщить, когда можете из Москвы выехать, может, я встречу Вас в Новосибирске. Потому что мне в Новосибирск так или иначе в мае поехать надо будет.

Я Вас извещу, что нахожусь в Новосибирске, телеграфом и Вы пошлите мне телеграмму по адресу:

Новосибирск, Советская, 6.

Правление ССП Запсибкрая, Кучияку.

Или: Новосибирск, Челюскинцев, 23, квартира, 7, Непомнящих, для Кучияка.

Если этого не будет, то, приехав в Новосибирск или Омск, пошлете телеграмму, я попытаюсь встретить Вас в Бийске. Это трудно — в облисполкоме машину взять, но, может, я возьму машину и прямо на станции встречу.

Если у Вас в Новосибирске дела есть, задержитесь. Прямо из Новосибирска телеграфируйте — выезжаю такого-то.

Почему-то Ваше желание ехать на Чукотку меня волнует. Прошу Вас, как-нибудь закончим книгу. Продолжим песню нашего дедушки Сокола-Шонкора.

Крепко жму Вашу руку

П. Кучияк

6

26. IV. 37 г.

Уважаемая Анна Львовна!

Работа у меня за апрель месяц совсем плохо шла, причиной этого была корь. С 24. III по 3. IV. 37 проболела Роза, теперь ей немного лучше. С 2. IV. 37 года в 8 часов вечера умер любимый сын Ким. Мальчик что надо был, песельник мировой был, голос звонкий. Теперь нет его.

Хотел выехать по районам для сбора материала для нашей книги, но, видите, не мог. Придется после мая поехать, а не поехать нельзя. Вы приедете, а у меня не будет сказок, это просто скандал будет. Заранее сердце Ит-Кулака бьется. Поэтому моя поездка в Новосибирск отпадает.

У нас, в Ойрот-Туре, все еще зима, а грязь по улицам такая, что утром выйдешь по снегу, а вечером домой не попадешь — вода бежит по улицам реками. Поэтому прошу Вас из Москвы выехать примерно 20. V. 37. Очень боюсь, чтобы Вы не разочаровались в красоте Алтая, попав сразу в самую грязь.

Мы маршрут составим в Ойрот-Туре. Мне кажется, мы с конца мая примерно по 20 июня поработаем над подстрочником, а с 20 июня примерно по 10 июля поездим по области. Потому что к этому времени люди отпашутся, лошадей до-

стать будет нетрудно и недорого. А потом будем опять над подстрочниками сидеть в Ойрот-Туре или где-нибудь в одной из деревень на берегу Катуни. Таким образом, если к 1 августа не успеем закончить работу, то к 10 августа закончим бесспорно.

Я сейчас работаю над алтайскими текстами. Главного Алтай-Куучина[1] начал, я его хочу с начала до конца записать, а какие места мы из него возьмем, выберем с Вами вместе, а может быть, и все возьмем. Только у меня детский язык бедный. Получается как-то по-взрослому[2].

Вот как обстоит дело, Анна Львовна!

На новую квартиру пока что не переехали, жильцы до мая не хотят выходить, выйдут ли после мая, точно не надеюсь, живу на старой, Пролетарской, 10.

Жму Вашу руку

П. Кучияк

---

[1] Алтай-Куучин — имя богатыря старинного алтайского эпоса. Исполнителей этого произведения уже в тридцатые годы было немного. Павел Васильевич годами собирал стихи, строфы, отрывки и был счастлив, когда нашел «главного» Алтай-Куучина, то есть основной текст. Эта его работа пока не опубликована, хранится в архиве Розы Павловны Кучияк.

[2] Речь идет о работе над сборником сказок для издательства «Детгиз» в Москве.

7

Ойрот-Тура,
19. VII. 37, 2 часа ночи

Дорогая Анна Львовна!

Прежде всего — здоровье Анны Максимовны улучшается, скоро выйдет из больницы, только еще одного трехмесячного сына потеряли. Конечно, жаль. Во-вторых, шлю Вам сказку про семерых зверей[1]. Мне кажется, интересная сказка будет.

В-третьих, что за зверь Мааны, перевода не нашел. Что такое ирбис, я точно не могу сказать, это или дикая кошка или, как Вы говорите, — леопард, барс... Теперь я «бара» перевел как тигр, а Вы там сами сообразите. Потому что тигр у нас «бар» называется.

Решил я жить в Аскате, но не могу писать «Адыйока». Буду жить, конечно, до приезда комиссии из Академии[2]. Пишите, как Вы доехали, что еще записали с Вашими попутчиками?

После Вашего отъезда из Ойротии у нас все время дождь. Это вы, наверно, Ульгену[3] что-нибудь подсказали.

Запас сказок у меня, конечно, к концу почти подошел, но если найду в Аскате, то подстрочник пошлю Вам обязательно.

У меня сейчас двое гостей, пятеро ребятишек, еще сестра Анны Максимовны с сыном — двое, всего девять человек, как мертвые спят-храпят, а я пишу эти строки. Мог бы до утра писать, но я многословия не уважаю, хотя Вы утверждаете обратное.

Спать не хочется, прямо беда.

Привет Марте, Нине Борисовне.

Крепко жму Вашу руку. Ит-Кулак.

П. Кучияк

---

[1] Сказка «Дети зверя Мааны» впервые опубликована в сборнике А. Гарф, П. Кучияк «Алтайские сказки», 1939 г., Детгиз, Москва.

[2] Предполагался приезд на Алтай из Ленинграда этнографической экспедиции Академии наук. Эта экспедиция не состоялась.

[3] Ульген — бог, сидящий на седьмом небе.

8

21. VII. 37, 12 часов дня

Дорогая Анна Львовна!

Вчера я Вам послал сказку о некоторых зверях, сегодня шлю доверенность на получение аванса от Детгиза. Анна Максимовна вчера (20. VII. 37) приехала домой и Вам она шлет большой привет от души, потому что Вы ей пожелали выздоровления как можно скорее. Дожди так же день и ночь беспрерывно льют. Я завтра еду в Аскат. Буду жить в сосновом бору, пожалуй, там много не буду писать, а побольше надо читать, если у них библиотека богата. Но «Адыйока» понемногу буду писать...

Передвижной театр сейчас второй раз отправляется в Кош-Агач. Пишите мне в Аскат: Ойротская авт. обл., Эликманарский аймак, Аносинский с/совет, Тур. база Аскат, мне.

Привет Марте и Нине Борисовне.

Якши болзын[1].

П. Кучияк

---

[1] Всего хорошего.

9

6. VIII. 37, Ойрот-Тура

Многоуважаемая Анна Львовна!

Я 4-го августа из Аската приехал домой, говорят, от Вас письмо было и семья отправила это письмо в Аскат, в другом конверте. Содержание передали невполне ясно. В основном я понял, что наши сказки понравились москвичам, следовательно, не шибко ругают нас. Потом говорили о каком-то новом договоре, это, видно, на «Адыйока» (повесть об алтайской жизни). Я сегодня не мог обратно в Аскат поехать, машина из Бийска не пришла, значит, еду завтра.

Жизнь в Аскате не нравится, народу много, для творческой работы нет времени. Днем экскурсии, вечерние беседы и т. д. Ленинградцы, москвичи — туристы не дают покоя: расскажите то, объясните это и т. д. Пожалуй, откажусь, лучше в Ойрот-Туре жить и работать. Ни одной сказки и ничего другого не написал пока.

Лето у нас вообще чудное нынче.

Я приеду в Аскат, прочту Ваше письмо, тогда напишу Вам подробно, отвечу на вопросы, какие там будут.

Вот коротко все.

От Николая Ефимовича получил письмо, он теперь в Казахстане (в Алма-Ате). Сегодня же ему пишу ответ.

Ленинградская комиссия по записи песен и сказок не приехала еще. «Апсан Айгыр»[1] попал в газету «Сов. Сибирь». Пишите: что делаете сейчас, все ли записи обработали или еще обрабатываете? Приедете ли еще разок на Алтай? Между прочим, осень на Алтае тоже красивая, приезжайте. Вы, конечно, дома, в Москве, Алтай уже, наверно, забывать начинаете, особенно лицо Кара-Чилена совсем, видно, забыто, потому что нечего помнить. Ну что же, живите, здравствуйте. А я по-стариковски... (Все это в шутку говорю, не принимайте всерьез).

Большой пламенный привет Нине Борисовне и славной Марте. По-стариковски жму Вашу руку.

С приветом Ит-Кулак

Привет от Анны Максимовны, она сейчас чувствует себя лучше.

---

[1] «Апсан Айгыр» — «Конь-Стрекоза». Кроме упомянутой, другие публикации этой вещи неизвестны. Оригинал в архиве Розы Кучияк.

10

9. VIII. 37 г.

Уважаемая Анна Львовна!

Простите, пишу карандашом, потому, что у меня в Аскате чернил нет.

Ваше письмо я не получил, видно, потерялось в дороге из Ойрот-Туры в Аскат. 1 августа родные мне переслали, сегодня 9-е, а письма нет. Поэтому, прошу Вас, если не затруднит, черкните мне несколько строк о судьбе нашей работы, а также относительно «Адыйока». Что Вы сейчас делаете? Дают ли Вам квартиру в Москве? Как поживают Нина Борисовна и Марта? Когда Вы по-настоящему собираетесь приехать к нам на Алтай? Правда ли это?

Я сегодня в колхоз иду с туристами, писал второпях, простите меня. Еще одни лирические стихи написал, самому нравится, как людям — не знаю.

Крепко жму Вашу руку.

С приветом. Адыйок-Ит-Кулак-Кара-Чилен.

Стремя[1] ищу, наверняка найду. Между прочим, у одного человека нашел, только не парное. Пишите по ойрот-туринскому адресу.

---

[1] Во время поездки по Алтаю А. Л. Гарф очень понравились алтайские старинные стремена — литые медные, похожие на опрокинутые чаши. Павел Васильевич хотел послать ей в Москву подобные. Об этих стременах он пел однажды: «Если стременем воду черпну, глотнешь ли? Если на расстоянии дня пути ждать буду, придешь ли?» и т.д. Уже после кончины Кучияка Гарф повторила эту песню в сказке «Ак Чечек — Белый цветок».

11

13. VIII. 37 г.

Уважаемая Анна Львовна!

Получил от Вас письмо в Аскате, а ответ пишу из Ойрот-Туры. Оставил Аскат, еду с тов. Арбузовой (музей) в Усть-Коксу и Усть-Кан сроком на месяц за сбором материалов для музея. А я попутно записываю сказки, легенды и для «Адыйока» собираю материал.

Меня удивляет, как это 175 стр. сказок у нас получилось?! Ну что же, плохого ничего нет. Кроме этого, в Вашем письме слова «у нас» почему-то в кавычках? Не понимаю!

Вы, возможно, уже забыли несчастного карган алтай человека? Ладно, бог с Вами, забывайте. Если Вы хотите сказать, что мы все-таки не настоящие хозяева этих сказок, а творцами были другие люди, народ, тогда я с Вами согласен поставить в кавычки слова «у нас».

Теперь относительно «Адыйока». Конечно, я согласен, но стоит ли Вам так рано приезжать сюда, ведь я вернусь домой только к 15. IX, потом сяду писать «Адыйока», а Вам что делать в это время? Мне кажется, «Адыйок» труднее будет делать, чем сказки, поэтому такой быстрый перевод я Вам не сумею дать. Первый перевод могу дать только к концу сентября этого года.

Поэтому я боюсь Вас к сентябрю приглашать. А если Вы просто хотите посмотреть Алтай осенью, когда Алтай желтый, тогда я не возражаю, чтобы к сентябрю Вы приехали.

Не забывайте меня. Может, еще поработаем с Вами. Пока у меня все в порядке. Скоро будет новая квартира из 3-х комнат. Об этом я напишу Вам, когда перееду туда.

Знайте сами — желаете запросить обком ВКП(б) обо мне, пожалуйста. Поверите мне — поставьте мою фамилию смело. Думаю, что никто не попытается лишить меня права соавторства на эти сказки[1].

Больше нечего говорить. 15. VIII едем по области. 15. IX буду дома.

Привет Нине Борисовне и Марте.

Я, Ит-Кулак

---

[1] После того как в Издательство Детской Литературы пришел из Ойрот-Туры так называемый «материал» на Павла Васильевича, в редакции встал вопрос о расторжении договора или, в лучшем случае, о том, чтобы имя Павла Васильевича не стояло на обложке книги «Алтайские сказки». Книга из-за всех этих хлопот вышла не в 1937 году, а в конце 1939 года.

12

27. VIII. 37 г.
Ойрот-Тура.

. . . . . Богатырь, нам с Вами неведомый, пил из золотой чочойки золотое вино и, захмелев, расплескал его по всему Алтаю. Сейчас Алтай стоит весь как облитый золотом, только кедры синие . . . . . .

Где та москвичка, что записывала сказки, живя в чулане по Карагужинской № 3? Ее нет теперь в Ойрот-Туре, ее

даже не найти в Сыгынде около аила слепого старика Мыклая Улагашева, под пихтой. Мне кажется, даже «Еде, еде, бее саак»[1] теперь мало поет...

Вы все дальше и дальше от Алтая летите. Летите на родину, в красную столицу. На Ваших руках держится конец невидимой нити, на другом конце крепко привязано алтайское сердце. Вы все дальше, а сердце Алтая все сильнее и сильнее тоскует.

Дальше уже сказать слов не нахожу, на этом кончаю писать Вам. То, что не написано, поймете Вы без слов, как мы понимали друг друга без слов, когда ездили по Алтаю.

Привет Марте, привет Нине Борисовне, привет Николаю Ефимовичу.

Крепко жму Вашу руку.

Ит-Кулак, Павел, Адыйок.

---

[1] «Еде, еде, бее саак» — «сестра, сестра, кобылу доить». Так алтайцы подражают голосу перепелки.

13

29. VIII. 37 г.
Усть-Кокса.

Дорогая Анна Львовна!

Алтай начинает суроветь. Утром, вечером холод. День короток, ночи длинны. Вот вчера новый снег уже окружил Уймонскую долину. Усть-Кокса, оказывается, соседом стоит с Белухой. Видно, Адучи-Мерген совсем недалеко от Белухи повернул русло Катуни[1].

Кое-где березы начинают золотиться, словно какой-то богатырь пролил из золотой чочойки золотую воду, обрызгав нечаянно весь Алтай. «Тетя, Витю видел!», «Эде, эде, бе саак» и другие птицы давно не поют. Кукушки замолкли, потому что ячмень уже заколосился, застряли у кукушки в горле ячменные иголочки.

Но, однако, осеннего бурого богатства, как прежде говорили старики, погода обещает много. Орехи кедровые, белки розово-серые, лисица светло-красная и т. д.

Вот сегодня 29. VIII. 37 г. уже. Наша музейная экспедиция находится в Усть-Коксе. Экспедиция состоит из трех лиц. Срок у нас, как я Вам уже писал, до 15. IX. 37 г.

Пока для моего «романа» материала встречается немного. О прошлом Алтая мало чего нового рассказывают. Могу сказать, что людей, знающих прошлое больше, чем я,

на Алтае немного. Сказки совсем не встречаются. Или на самом деле не знают люди сказок, или рассказывать опасаются, не мог я понять. Меня же самого везде рассказывать сказки заставляют.

По бурханизму и партизанскому движению новых материалов добыл много, также и по классовому расслоению. Все это будет ценно для второй части «Адыйока».

Видите, без Вас чорчока нет. Видно, Ульгень Вас больше любит, чем меня. Но это понятно, я изменил Ульгеню в 1914 году, приняв православие. Поэтому Вам еще предстоит поездка на Алтай, за сказками, придется Вам еще раз повторить «Якши болзын, бильбес анчибыс».

Думаю, как только жив-здоров вернусь в Ойрот-Туру, возьмусь за «Адыйока». Но эти мечты могут осуществиться только при условии хотя бы самого малейшего материального баланса, чтобы на хлеб было.

Сегодня из Усть-Коксы отправляемся дальше вниз по Катуни. Народ весь на уборке, старики и мальчики тоже. Неудачное время выбрал для экспедиции Кара-Матфеев. А тут еще и Ульгень поторопился покрыть белой простыней вершины алтайских гор. Это еще больше нагоняет страху, потому что колхозники с весны трудились, урожай по большей части обильный, оставить такое добро под снегом никак нельзя.

Ну вот и все о том, какие у нас заботы, какая жизнь. Теперь, как Вы поживаете? Что поделываете? Когда к нам на Алтай собираетесь? Как поживает Нина Борисовна? Что хорошего в Москве? Пишите по ойрот-туринскому адресу. Буду благодарен от всей души.

Пламенный привет Марте и Нине Борисовне.

С приветом Ит-Кулак, Адыйок

---

[1] Адучи-Мерген — сын мифического героя Сартакпая, он вместе с отцом пролагал русла рек Бии и Катуни.

14

3. X. 37 г.

Уважаемая Анна Львовна!

Я, конечно, не пойду для себя характеристики собирать, «пожалуйста, дайте мне хороший отзыв, будьте добры, скажите Детгизу, что я добрый человек»... Если надо, пусть сами через обком ВКП(б) достают отзывы обо мне[1]. Или пусть печатают без моего имени. Кучияк от этого не пострадает, какой был черный кöс кичӱ, тумчук кök[2] и такой останется и будет работать на благо народа.

Мою фамилию боятся поставить? И Вы тоже свою не хотите поставить. Тогда что получится? Мне кажется, Детгиз не может выпустить такую безымянную книгу — Адыйок.

Ладно, политграмоты не стану Детгизу читать, пусть сами решают. Кто боится, тот непременно с медведем встретится...

Я вчера послал Вам предисловие, которое ни к городу, ни к селу. Получите, ответьте.

Больше не хочу болтать. Примите от моей семьи привет.

С приветом *П. Кучияк*

Николай Ефимович работает сейчас в газете «Казахстанская правда», в Алма-Ате. Он писал, что осенью будет снова в Москве и собирается жить на той же даче, где жил прошлый год, т. е. в Краскове.

Якши болзын, кайчи кыс[3].

Мен[4], Ит-Кулак

---

[1] В Изд-во Детской Литературы, где собирались издавать алтайские сказки, пришел донос на Кучияка. Он об этом не знал и отзыв был нужен, чтобы доказать ложность обвинений.

[2] Кичӱ кӧс, тумчук кӧк — узкие глаза, синий нос.

[3] Кайчи кыс — девушка-сказительница.

[4] Мен — я.

15

4. X. 37 г.

Уважаемая Анна Львовна!

Очень жаль, конечно, что Вы связались с этим пройдохой Ч. Возможно, опять же я виноват тут, познакомил его с Вами. Его оценке наших сказок грош цена.

Очень хорошо было бы, если бы Вы не отдавали ему наши сказки, как бы не пропали совсем. Теперь я прошу через Вас Детское издательство, чем так хлопотать, пусть печатают без моей фамилии. Или через обком ВКП(б) пусть сами достают отзывы обо мне. Я, как Вам уже писал, не пойду собирать о себе всякие характеристики. Пусть только Детгиз не забывает, что мои произведения печатаются в краевых и областных изд-вах, без всяких характеристик и отзывов.

От тов. Итина[1] получил письмо, он говорит, что в № 4 «Сибирских огней» наши сказки помещены, объемом 1 п. л.

Завтра поеду в Чепош картофель копать. Тесть умер,

а картофель завещал нам, поэтому надо уважить покойного. Сейчас редактирую переводную пьесу по роману М. Шолохова «Поднятая целина», на алтайском языке[2].

Пишите, как поживаете, что поделываете?

С дружеским приветом

Ваш П. Кучияк

Статья помещена в газ. «Красная Ойротия» от 4. X. 37 г., № 134 (1846).

---

[1] Итин Вивиан Азарьевич — один из организаторов и собирателей литературных сил Сибири. С 1923 г. сотрудничал в журнале «Сибирские огни», был секретарем редакции, главным редактором. Из алтайского эпоса заимствовал название своей повести о первых советских авиаторах — «Каан-Кэрэдэ».

[2] В 1938 г. на сцене областного национального драматического театра с успехом была осуществлена постановка спектакля «Поднятая целина» по роману М. Шолохова. Перевод с русского И. Кочеева.

16

Дорогая Анна Львовна!

Ваше письмо меня очень тронуло, пожалуй, больше сарлыком не буду и не могу быть. Постараюсь сделать все, что от меня зависит для судьбы нашей книги... Очень жаль, конечно, если Вы отдали все наши сказки этому прохвосту Ч. В таком случае судьба нашей книги не скоро разрешится. Ладно, если у Вас сохранился другой экземпляр.

Почему-то сейчас, особенно после этого письма, мои мысли потекли по тем маршрутам, по которым мы с Вами в течение двух недель ездили по Алтаю. Слышу нежный, звучный Ваш голос. Неоднократно я поворачивал свою кара[1] голову, когда неподалеку от тропинки распевала золотая иволга, полагая, что это А... Л... о чем-то спрашивает меня. Ваши товарищеские советы были для меня всегда полезны, нужны. Вспомнил сейчас, как мы под пихтой жарили на сковородке рыбу с алтайским чесноком, только, к сожалению, Вам мало досталось этой рыбы...

Ясно вижу, как у вас перед Паспаулом (где я со старухой-теткой целовался) упал повод через голову рыжего коня... Как маленький кустик лиловой ромашки стоял на дороге, на берегу Бии... Это был подарок от Алтая, а не от кичу кёса. Наша горячая работа в Ойрот-Туре над записью собранных в пути сказок вспоминается. Что я сделал без Вас? Очень мало и совестно мне. Хотя Вы кыйгас кыс[2],

но мое к Вам глубокое уважение будет жить долго. Я здесь, за четыре тысячи километров от Вас, вижу мысленно Ваши хлопоты и беготню по всем этим издательствам, редакторам и т. д. Но... руками не дотянуться, голоса моего не услышите. Хотя богатыри слышат друг друга на расстоянии года пути, а на расстоянии месяца пути видят один другого.

Свои обещания не забыл. Найду!

Составленный Вами список художественной литературы у меня на столе, перед глазами лежит. Прочел следующее: Пушкин. «Сказка о царе Салтане» и другие сказки. Чехов А. «Мужики». Видите, очень мало, позорно.

Сегодня пятый день сижу над редактированием пьесы пэ ром. М. Шолохова, завтра думаю закончить и одновременно я отшлифовываю свой рассказ «Эркелей», потом переводить буду.

Как будто все, но конечно не все!.. Еще поработаем, факт!

Жму Вашу руку.

С приветом, Ваш Павел

14. X. 37 г.
10 ч. 15 м. вечера

---

[1] Кара — черный.
[2] Кыйгас кыс — злая девушка.

17

18. 10. 37 г.

Дорогая Анна Львовна!

Бесконечно большое спасибо за все Ваши хлопоты и беготню по редакциям и издательствам ради нашего общего дела — сказок.

Я приехал домой 17. IX. 37. Поездка ничего не дала, как я Вам уже писал из Усть-Коксы. Но все-таки кое-какие есть новые материалы.

Семья моя живет, пока все живы-здоровы. На новую квартиру еще не перешли, старый квартирант, как упорный сарлык, не выходит. Горкомхоз на него подал в суд. 21. IX. 37 будет суд, после чего насчет квартиры выяснится.

Из Новосибирска ничего не слышно, вообще «живы» ли они? Только от редакции «Сиб. огни» телеграмма на мое имя, запрашивают новые рассказы для октябрьского номера. А наши сказки как будто упали в бездонную пропасть. Пожалуй, на днях выеду к ним в Новосибирск, но это еще не решено окончательно.

Относительно того, чтобы показать сказки ойротскому представительству в Москве, мне кажется, это зря совсем. Я уверен, Вы там, наверно, никого не нашли. Если послать сюда на имя обкома ВКП(б), то Детгиз их не получит обратно раньше чем через года два, а то и еще дольше. Если это необходимо, надо, то, Вас лично прошу, вышлите на мое имя, я лично передам тов. Енчинову и другим для того, чтобы от них получить письменные отзывы как можно скорее.

Я не знаю, почему московские редакторы боятся. Неужели они настолько беспомощны, что не могут сами разобраться в том, какая сказка слабая, от какой сказки пахнет национализмом.

Конечно, бесспорно, для нас ценно получить письменный отзыв местных партработников и их пожелание печатать нашу книгу, но заранее у меня голова болит... что-то будет, когда-то будет все это рассмотрено.

Относительно предисловия. Постараюсь написать как можно скорее, но не раньше как недели через две (к 1. X. 37). Меня только затрудняют такие вопросы: надо ли давать к каждой сказке отдельные комментарии, например, как придирались к Трем Маралам в Ойрот-Туре (Агапов) и т. д. Мне кажется, это не наша обязанность заниматься этими объяснениями. Но вообще, как сумею, так состряпаю. Вам придется отшлифовать. Был бы я в Москве с Вами, несомненно, написал бы хорошее предисловие, да что поделать... «Крылья коня — овес, крылья человека — деньги». Между прочим, страшно хочется в Москву, не знаю почему... Хоть бы выиграл по облигации тысячу, поехал бы без задержки. Ладно, все это пустяки.

Сердечный привет Нине Борисовне и Марте.

Ваш Ит-Кулак

18

10. XI. 37 г.

Уважаемая Анна Львовна!

Сказки наши обком ВКП(б) сегодня возвратил мне обратно. Говорят, что партия поручила издательствам издавать литературу и доверила им это дело, поэтому областной комитет партии не может вмешиваться в эти дела. Если издательство и его редактор считают вещь хорошей, то пусть издают, мы можем это только приветствовать.

Но вот сегодня я начну читать, закончу не раньше чем через два-три дня и пошлю по адресу изд-ва ЦК ВЛКСМ.

42 сказки всего, оказывается[1].

Авторские экземпляры «Сибирских огней» еще не получил (№ 4). Как получу, так Вам пошлю.

Понемногу работаю. Семья все живы-здоровы. Предисловие постарайтесь Вы сами писать, у Вас все-таки впечатление имеется об Алтае. Обо мне какой отзыв посылал обком ВКП(б) в Детгиз, мне неизвестно. На всякий случай имейте в виду, если отрицательный, то под одной Вашей фамилией книгу выпускайте[2], мне только деньги шлите, за славой я не буду карабкаться.

С приветом П. Кучияк

---

[1] Ни А. Л. Гарф, ни Детгизом эти сказки не были получены.

[2] Книга вышла под двумя фамилиями: А. Гарф и П. Кучияк. «Алтайские сказки», М., Детгиз, 1939.

19

25. XI. 37 г.

Дорогая Анна Львовна!

Относительно письменного на наши сказки отзыва разговор уже пора прекратить. В обкоме мне говорили совершенно твердо и бесповоротно. Они на алтайские сказки отзыва не дают и не будут давать. Об этом я тов. Пискунову, нашему редактору, сообщил уже.

Авторский экземпляр «Сиб. огней» № 4 Вам я выслал заказной бандеролью 14. XI. 37. И рукопись наших сказок также на Ваше имя выслал заказной бандеролью.

Вы меня когда-то ругали, что я число не ставлю в письмах, но Вы тоже живете без времени: когда написано Ваше письмо — неизвестно. Мне надо узнать, не потерялись ли наши сказки и жур. «Сиб. огни». Пропадет рукопись — очень плохо, пропадет журнал — это ерунда, могу другой экз. послать Вам. Как только получите, известите меня.

Я сейчас мелкие стихи пишу: «Алтай», «Катунь», «Незнакомая» и «На избирательном участке». Послал Василию Непомнящих. Он пишет, что стихи неплохие, значит, мало-мало дело идет. Дословный перевод своего рассказа «Эркелей»[1] закончил и послал А. Коптелову. От него пока отзыва не имею. На днях собираюсь в Новосибирск. Я получил от тов. Итина телеграмму, он просит, когда я приеду в Новосибирск, чтобы предупредил их: они хотят вечер организовать по моему творчеству. Значит, кое-что порасскажу им, «пошаманю».

Кроме всего этого, начинаю по отдельным этапам писать «Адыйока». Откладывать не стоит. У нас, у алтайцев, есть пословица: «Если упасть, то упасть с высокой вершины дерева». Итак, я если упаду, то упаду с «Адыйока».

Вот как будто все.

Но еще раз говорю Вам, многоуважаемая Анна Львовна, что обком решительно не хочет вмешиваться в наши дела с Детгизом. Поэтому прошу меня поменьше бранить, Анна Львовна, попробуйте посоветовать Детгизу — пускай лучше свяжутся с тюркологами-фольклористами в Москве. Пусть эти ученые лучше скажут, подходят ли наши сказки, алтайские ли они или нет. Наконец, есть статья А. Коптелова («Сиб. огни» № 4) под заглавием «Сказки алтайского народа», где наши записи использованы также в качестве примера: «Сартакпай» и др.

Je болор[2].

Привет Нине Борисовне и Марте.

С приветом П. Кучияк

---

[1] Рассказ «Эркелей» известен под названием «Тойчи». Переиздавался несколько раз, в том числе и в сборнике Кучияка «В горах Алтая», М., 1957. Перевод с алтайского Г. Павлова.

[2] Je болор — ну хватит.

20

25. XII. 37 г.

Дорогая Анна Львовна!

Я написал в Детгиз два письма, но ответа не получил, писал я на имя тов. Пискунова.

Да, не везет моему делу. Сейчас сказками не занимаюсь, бросил, раз никто этим не интересуется, не идет мне навстречу. Из Новосибирска от Непомнящих получил письмо, он пишет: «Сборник алтайских сказок, наконец-то, выходит из печати»[1]. Но я еще не получил авторские экземпляры. Этот сборник, видимо, в стихах, записи мои, обработка сибирских поэтов...

...Читаю А. П. Чехова, «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «Былое и думы» Герцена, «Гимназисты» Гарина и др. Чувствую, что каждая читка мне дает новое. Новые образы, новые сюжеты. Мне почему-то «Чайка» больше понравилась, чем «Дядя Ваня» (А. Чехова).

С приветом

П. Кучияк

---

[1] Алтайские сказки. Новосибирск, 1937.

21

28. XII. 37 г.

Дорогая, хорошая Анна Львовна!

Сколько у меня сегодня радости — конца-края не видно. Ах, какая Вы добрая, хорошая! От имени нашей большой семьи шлю Вам глубокую благодарность за Ваше внимание к нам. Желаю Вам самой наилучшей жизни, работайте плодотворно. Нам совсем неизвестна судьба Вашей книги, над которой Вы с Павлом Васильевичем так старательно работали. Что предпринимает Детиздат, тоже не знаем. Я все думаю, что пусть хоть эта книга напечатается. Но желания мои ничего не значат. Я отсюда вижу, как Вы за эту книгу переживаете. Больше, чем мы!..

Дорогая Анна Львовна! Мы пока живем, все живы и здоровы, того же и Вам желаем. Поля, Коля и Марат учатся неплохо. Старший сын Ваня работает в театре актером, успехи, мне кажется, не очень большие, актерский талант отца не передался ему, видимо. Павел Васильевич сегодня читает, кое-что пишет...

От души желаю Вам самого хорошего в Вашей жизни и прошу нас также и в дальнейшем не забывать.

Крепко жму Вашу руку.

С приветом Анна Максимовна Кучияк

22

19. I. 38 г.

Уважаемая Анна Львовна!

Прежде всего позвольте поздравить Вас с Новым счастливым и радостным 1938 годом! Возможно, этот год нас не обидит, как конец 1937 года...

Во-вторых, хочу сообщить Вам о радости Анны Максимовны, когда она получила перевод от Вас на 100 рублей. Оказывается, взрослые тоже могут радоваться как дети. По моим наблюдениям, это была настоящая детская радость...

У меня еще достаточно сил, которые готов отдать за дело коммунизма.

От чистого сердца желаю Вам счастливой и радостной жизни и плодотворной литературной работы.

Я, Павел Кучияк

23

2. II. 38 г.

Многоуважаемая Анна Львовна!

Получил я от правления ССП (Запсибкрая) извещение о том, что в Детгиз ими послана характеристика на меня. Не знаю, в каком только духе, в пользу или во вред нашей работе.

Сам завтра (3.II.38) выезжаю в Барнаул, по поводу своей пьесы «Чейнеш», потому что подстрочный перевод давно находится в Комитете по делам искусств (по Алтайскому краю). И дальше хочу попутешествовать до Новосибирска, а возможно, еще кое-куда.

Столько еще есть записей сказок! Кроме тех, что мы с Вами сделали. Это все беру с собой[1].

Из Гослитиздата пока ничего не слышно. Те рукописи алтайского эпоса, которые посланы в ОК ВКП(б) еще летом 1937 года, теперь утеряны, потому, что того человека, у кого они находились, уже нет в Ойротии.

Я недавно писал в Гослитиздат, что, мол, могу вновь сделать подстрочный перевод алтайского эпоса, у меня, мол, оригиналы сохранились.

С Новосибирском связь имею регулярно. Непомнящих я послал свои стихи для обработки. Он ответил: «Дорогой Итлаш[2], растешь несомненно». Кроме этого, он писал, что сборник сказок (мои записи в стихах) скоро, наконец-то, выходит на свет божий. Стало быть, долгожданный сборник алтайских сказок наконец-то выходит из печати. Пока, Вам, что хотел сообщить, — все.

Комус, топшур беру с собой. Они мои неразлучные друзья.

Прошу Вас о том, как будут дела с нашей работой, сообщить Анне Максимовне, она мне напишет туда, где я буду находиться...

Относительно авторитета я сам за последнее время (ноябрь, декабрь месяцы 1937 года) подкачал. Тут я сам виноват: слабость, малодушие.

Не забывайте мою семью, особенно Анну Максимовну.

С горячим приветом П. Кучияк

---

[1] Рукописи, книги, все, что П. В. Кучияк привез в Барнаул, вспоследствии разыскать не удалось. Работники издательства, ссылаясь на пожар, утверждают, что все рукописи Кучияка сгорели.

[2] Итлаш — ласкательное от Ийт-Кулак, алтайского имени Павла Васильевича.

24

4. III. 38 г.

Дорогая Анна Львовна!

Слышу Ваш голос, чую, как Вы меня ругаете. Ну что же я поделаю? Без работы и без курсак[2] сидеть нельзя. Причину я уже коротко сообщил Вам. Жил немного в краевом центре в гор. Барнауле, теперь живу в Новосибирске уже четвертый день. Новосибирское издательство издает, в апреле этого года выйдут из печати наши труды (детские сказки в прозе)[2], объем 3 п/листа.

По Алтайскому краю писательской организации нет, единственным оказался я. Я числюсь в Новосибирской областной писательской организации, которая объединяет 15 человек членов и кандидатов ССП.

Кроме того, правление меня шибко ругало за то, что я механически выбыл из Союза Рабис[3]. Это моя личная вина.

Я приглашаю Непомнящих в Ойротию или в Барнаул вместе работать, но он не желает. До сих пор хорошего переводчика не нашлось, чтобы перевести мою пьесу «Чейнеш». Начальник Комитета по делам искусств по Алтайскому краю увез «Чейнеш» в Москву. Но знайте и представьте себе — подстрочный перевод мой. Едва ли найдется в Москве охотник рабирать мой корявый язык.

Сегодня же заключил договор и с облогизом на алтайские сказки и стихи, на 10 тысяч строк по восемьдесят копеек — со строки. Срок выполнения — I. VI. 38 года. (7 тыс. строк приняты готовые). Придется на алтайском языке писать только 3 тыс. строк.

Кроме этого, В. Непомнящих сейчас работает над моими стихами, написанными в 1937 году, и теми, что написаны сейчас. Устно с облогизом договорился твердо, как только В. Непомнящих окончит переводы, заключает договор на сборник стихов автора Кара-Чилена.

Вот примерно все новости, которые я Вам мог коротко изложить. Кара-чиленством не занимаюсь, работаю помаленьку, как видите. Наши сказки сибирским писателям шибко понравились. Говорят: «Очень хорошие, симпатичные сказки». Здесь буду жить примерно до 10.III.38, потом опять в Барнаул поеду, там у меня квартира имеется. Пока договор с облогизом на сказки не заключу, в Ойротию не поеду.

Мой адрес: г. Барнаул, Центральный почтамт. Мне.

Разрешите пожать руку, с горячим приветом

П. Кучияк

---

1 Курсак — пища, «без курсак» означает «без пищи».
2 «Сказки Алтая».
3 Союз работников искусств.

25

Даты нет, примерно начало 1938 г.

Уважаемая Анна Львовна!

Прежде всего разрешите поздравить Вас с новой жизнью вдвоем! Вы хотя и писали мне: «...Самое главное в жизни... это работа», но я, как уже имеющий опыт 22-летней семейной жизни, могу к этому добавить: «Черт его побери, и работать и жить надо!»

Я не знаю, будете ли Вы счастливы в семейной жизни. Но не сомневаюсь, что Вы к этому решению пришли не вдруг. Да, надо работать и надо жить, дорогая Анна Львовна! Но я почему-то, поздравляя Вас, не верю этому. Кто-то около моего собачьего уха шепчет: «Не верь этому, Павел Васильевич. Вы еще не один раз беспрепятственно и независимо ни от кого и без лишней оглядки поездите по голубому Алтаю. Еще попьете не одну кружку вкусной и прозрачной воды Горного Алтая. Вас еще будут встречать маленькие комары Чойского и Турачакского аймаков своей песней. Еще не один цветок будет вас приветствовать, склоняя золотую головку перед вами. Еще не один раз над головой у вас серебряные звезды на дне темно-серого неба будут танцевать. А стихи, стихи, стихи... Не знаю почему, мне кто-то так подсказывает. Кто этот неизвестный подсказчик? Это не тот ли охотник, о котором мы с Вами писали «Якши болзын, бильбес анчибыс! — До свидания, неизвестный охотник!»

Простите, дорогой друг Анна Львовна, неужели у меня сейчас будет такой же вид, какой был в ноябре 1937 года в Ойрот-Туре? Простите, слов не нахожу, еще хотел о многом говорить, но сил нет...

Это писал Ийт-Кулак

26

5. IX. 38 г.

Уважаемая Анна Львовна!

Давно я Вам не писал, да и писать-то было не о чем.

Нынешнее лето прошло совсем темно-серое. Начиная с 1 мая до 1 августа, три месяца, были ливневые дожди. Я из Ойрот-Туры никуда не выезжал, сидел все время дома с видом, подобным птице «Кара-Чилен». Сделано за лето очень мало. Только с 15.VIII по I.IX ездил по Онгудайскому аймаку. Немного сказок записал. Очень интересная, по-моему, сказка о могуществе человека, т. е. почему человек побеждает всех. Продолжение Сартакпая нашел, тоже интересно. Он в Монголии, оказывается, тоже строительством занимался, но самохвальство его погубило. Работаю я в Комитете по делам искусств, но тянет все-таки в театр. Пожалуй, скоро буду работать в театре. «Адыйок» что-то плохо двигается. Основная причина — финансовые затруднения на данном отрезке времени. В семье моей все живы-здоровы, теперь все учатся. Ваня, наверно, призываться будет в РККА в этом году.

Как и где Вы нынче путешествовали? Чего нового пишете? Зимний Ваш план какой? Конечно, когда я задаю Вам такие вопросы, представляю, что Вы уже вернулись из командировки, сидите у письменного стола, что стоит около маминого пианино. Вы правый локоть поставили на стол, щеку правую держите на ладони. Чуть заметно прищурившись, смотрите на «Дьилчик кёса»[1]. «Почему Вы так смотрите на меня?» — спрашиваю я мысленно и тут же осмеливаюсь ответить за Вас: «Потому что наша дружба еще существует, наша коллективная творческая работа будет продолжаться».

Вот как я сейчас представляю себе Вас. Ой, как хочется посмотреть Москву! Не знаю, когда я буду в Москве. Николая Ефимовича я нашел, но очень жалею, что у него все время со здоровьем не ладится...

Примите привет от моей семьи.

С приветом П. Кучияк

---

[1] Дьилчик кёс — узкоглазый.

27

15. III. 39 г.

. . . . . .

. . . . . По указанию самого автора Улагашева Николая, Алып-Манаш любил свою жену Кюмюжек-Ару, но он узнал, что ездящий на бело-чубаром коне хан Ак-каан грозный уничтожил много добрых, честных богаты-

рей, когда они приезжали сватать его дочь Эрке-Каракчи. Поэтому Алып-Манаш решил не сидеть дома рядом с женой у костра, а поехать и вызвать на бой злого Ак-каана.

Гневаясь на Ак-каана, Алып-Манаш сам не заметил, как обидел своего верного ослепительно-белого коня. Он не слушал советов коня, не подождал, пока конь выскажет все, что хотел, и, не желая слушать, удилами рот коню разорвал, плеткой бока до кости рассек.

«Хорошо, — сказал конь, — ты меня не послушал, обидел меня, посмотрим, всегда ли будешь грозным, непобедимым. Еще обратишься ко мне за помощью». Так сказав, про себя, ослепительно-белый конь волшебными словами наслал на Алып-Манаша долгий, девятимесячный сон.

Таким образом, по рассказу Улагашева, Алып-Манаш только внешне якобы не любил свою супругу, а на самом деле желание уничтожить Ак-каана было сильнее любви.

Поэтому, уважаемая Анна Львовна, текст постройте по этому содержанию. Я надеюсь, Вы сумеете.

П. Кучияк

28

15. VIII. 39 г.

Дорогая Анна Львовна!

Привет Вам от горного голубого Алтая. Доехал хорошо, но сразу работы оказалось очень много. Играю в «Чейнеше», еще один очерк для «Сиб. огней» об Улагашеве написал. Сегодня от Коптелова получил письмо, говорит, очерк, в основном, получился неплохо[1]. Кроме того, перевел свой рассказ «Тайная яма», скоро приступлю к переводу пьесы «Падь серебряная» Погодина.

Улагашева привезли третьего дня, он будет жить у меня пока. Ойротский облисполком послал телеграмму в Президиум Верховного Совета, чтобы орден прислали в Ойротию, но пока ответа не получили. Может, придется со стариком мне поехать в Москву...

Обл. ОГИЗ собирается издать сборник сказок Улагашева. Туда войдут: «Алып-Манаш», «Рысту», «Челмеш», «Малчи-Мерген» и др. Литобработка моя (на ойротском языке)[2].

Улагашев шлет Вам горячий привет. Он похудел. Совсем не похож на того, каким был два года назад, постарел.

Об Алып-Манаше больше ничего не могу добавить.

Привет Вам от Анны Максимовны и от всей семьи. Ваня у нас в полковой школе учится.

С приветом П. Кучияк

[1] «Сибирские огни», 1939, № 2.
[2] Сб. героических сказаний: Н. Улагашев. Алтай чӧрчӧктӧр. Ойрот-Тура, 1939.

ПИСЬМА В. И. НЕПОМНЯЩИХ[1] П. В. КУЧИЯКУ

1

Письмо не датировано

Дорогой мой!

Песни получил. Теперь надо тебе писать стихи об Алтае. Хорошие, лирические стихи о красотах Алтая, о новых людях, колхозах, стихи о любви и дружбе. В связи с 15-летием Ойротии и независимо от этого стихи очень нужны и на русском и на ойротском языках. Поэтому пиши, дружище, на русский я буду переводить, на ойротском напечатаешь в Ойротии. Нужно не только стихотворение, в котором говорится о пятнадцатилетии, а вообще нужны хорошие бодрые лирические стихи. Да погорячей, Итлаш, пообразней!..

За песни большое спасибо. Вот еще есть подстрочники, которые не плохо выйдут на русском, но утеряны на ойротском.

I

Значит, мы в бой ходили не зря, —
Поглядите: весел стал человек!
Это потому. что задушила тебя
Керек проклятая.
Значит, воевали мы не зря, —
Как тут не петь, не радоваться?
Грамотой, как солнцем, мы разогнали
Нашу вечную темноту!

II

Подарил мне милый Паша
Дюстук, который не ржавеет.
Я хочу, дорогой друг, чтобы
Наша дружба так же не ржавела.
Кисы из козлиных лап
Когда износятся — сменю.
Вам, мои долины, леса,
Никогда не изменю.
Кисы из лап лóся
Износятся — сменю.
Тебе, любимый край,
Не изменю никогда!

IV

Что есть белее снега первого
Осенним утром?
Кто милей, лучше
Милой с весенней улыбкой?
Засияют в снегу алмазы,
Когда лучи солнце рассыплет.
Когда улыбнется любимая —
Мое сердце сразу сильней застучит!

Посмотри, дорогой, похожи ли эти песни на ойротские. У меня только подстрочник. По-моему, это — ойротские песни. Некоторые ты, наверно, слышал и помнишь. Восстанови, пришли оригинал!.. Очень прошу. Присылай и сам новые интересные песни (только указывай — от кого записана, ставь его фамилию, из какого он аймака).

Над стихами работай! Вот закончу сборник переводов, — напишу тебе подробнее, даже попробую подсказать темы для стихов. Не забывай о стихах!

Напиши, как живешь, когда будут праздновать пятнадцатилетие? (Кажется, в конце июня, а не 1-го)[2]. Как с новым аилом? Переехал? Здоров? Весел? Когда в Новосибирске будешь? Когда увидимся?

Итак, жду песни. А потом напишу о стихах.

Керек — нужда? Дюстук — кольцо, перстень? Кисы — обувь?

Жму руку!

В. Непомнящих

---

[1] Непомнящих Василий Иннокентьевич — новосибирский поэт, переводчик произведений устного народного творчества алтайцев и первых профессиональных писателей Горного Алтая.

[2] Пятнадцатилетие со дня образования автономной области.

2

Не датировано

Дорогой Итлаш!

На днях послал тебе письмо по выдуманномму адресу: Социалистическая, 12. Получил? А назавтра пришло твое письмо, из которого я узнал твой новый адрес. С новосельем, Итлаш!.. Пусть будет урожайным новое место! За хорошие стихи и переводы!!!

Ты пишешь, что до праздника приедешь к нам в гости. Приезжай. Я сказал об этом Итину, который говорит: «Пусть

приезжает, побеседуем с ним по творческим вопросам». Так что приезжай!.. Заезжать можешь прямо в мое жилье. Жду.

Скоро в ОГИЗе здешнем выйдут из печати ойротские песни и сборник сказок. Вези, дружище, еще 2—3 сказки. Я обещаю их ударно обработать, пошлем для издания в Москву. Ведь у меня уже есть три сказки. Вези и новые интересные песни. Вези свои стихи.

Сейчас зашел в «Сиб. огни» (я ведь сижу на работе рядом с редакцией журнала) и узнал, что ты приедешь только после праздника. Итин дал мне прочесть твое письмо. Значит, посылай по почте свои стихи, посылай интересные ойротские песни, сказки. А сейчас посылаю тебе один подстрочник песни о Конституции. У меня есть только этот подстрочник, ойротский оригинал потерян. Посмотри и скажи — ойротская эта песня или нет? Может, ты сам ее слышал? Тогда восстанови ойротский текст этой песни, может быть, даже укажешь — в каком районе ее слышал. А когда у меня будет эта песня на ойротском языке, — я переведу ее в стихах на русский язык. Потрудись, Итлаш, восстанови на ойротском!..

У Афанасия Лазаревича роман об Ойротии вышел одной большой книгой в Москве. Я дал много переводов песен, перевел три сказки. Письмо ойротского народа Сталину будет тоже напечатано в Москве.

Сейчас пока сижу в Новосибирске, никуда ехать не собираюсь. Лазаревич тоже дома. Вам надо бы его пригласить на юбилей Ойротии, ведь он много Ойротией занимался. И опять бы написал что-нибудь.

Ну, всего доброго! Пиши письма. Посылай свои стихи, песни, сказки интересные, — буду переводить.

Будь здоров и весел! *В. Непомнящих*

3

17. XI. 37.

Дорогой Итлаш!

Получил ойротский текст песни о Конституции, получил твои стихи, над которыми уже работаю. Работать над ними надо немало.

Ездили мы с Афанасием Лазаревичем по заданию газет в район. Писали о кандидатах в депутаты Верховного Совета. Только что вернулись.

Пиши, как ты живешь, над чем работаешь. Напиши яркое, доброе стихотворение о выборах. Напечатай его в ойротских газетах, а мне пришли с подстрочником. Я переведу на рус-

ский язык, в русских газетах напечатаю. Посмотри, как написал Сулейман Стальский. Ты тоже можешь написать о выборах хорошее стихотворение, песню. Может, услышишь народную песню о выборах, о Конституции, о новой радостной жизни, — присылай мне, пожалуйста, ойротский текст и подстрочник. Переведу, пошлем в Москву!..

Как праздновали пятнадцатилетие Ойротии? Как живешь? Итак, жду новые актуальные стихи, жду народные песни. Когда сам окажешься в Новосибирске?

Пиши! Будь здоров!!

В. Непомнящих

4

26. III. 39 г.

Дорогой Павел Васильевич!

Вчера был в радио, сообщил твой адрес.

В ОГИЗе сборник твой запланирован. Хотят включить и старые стихи. Надо только, чтобы ты прислал подстрочник из старых стихов, напечатанных в «Молодом Алтае»: «Чемал», «На сенокосе», «Охотник».

Как живешь? Над чем работаешь? Записались ли новые песни и сказки? Здоров ли? У меня со здоровьем все так же. Надо бы летом уехать куда-нибудь в деревню, в тайгу. А куда — еще не знаю.

Будь зодоров! Пиши! Привет!

В. Непомнящих

ПИСЬМА С. Е. КОЖЕВНИКОВА П. В. КУЧИЯКУ

1

1939

Павел Васильевич, подстрочный перевод своих стихов, надо прямо сказать, Вы сделали плохо. Это потому, что Вы не очень хорошо знаете русский язык. Так вот я предлагаю сделать так: попросите кого-нибудь из товарищей, знающих хорошо и алтайский и русский языки, чтобы он сделал для Вас новые подстрочники и пошлите их мне. Думаю, что это даст возможность лучше обработать (ближе к подстрочнику) стихи на русском языке.

Привет! *С. Кожевников*

2

5 мая 1939 г.,
г. Новосибирск.

Павел Васильевич, сегодня зашел к нам Куранаков[1]. Послезавтра он сдаст подстрочники остальных стихов. Сейчас дело все в последнем Вашем рассказе. Надеюсь получить его 11—13 мая. Если так и будет, то в конце мая сборник[2] сдадим в производство.

Очень бы хотелось напечатать в сборнике легенду «Зажглась золотая заря». Кто перевел легенду на русский язык? Фамилию литературного переводчика нам нужно будет указать[3].

Второй вопрос. В 1940 году мы решили издать большой сборник Улагашева.

Вас и Куранакова мы решили просить сделать запись и подстрочный перевод этих сказок. Сообщите, записывает ли сейчас кто-нибудь эти сказки. Какие уже записаны: название, размер, тема.

Передайте т. Улагашеву нашу просьбу: когда он поедет в Москву, то пусть зайдет к нам для переговоров об издании его сказок на русском языке.

Ваши предложения о названии сборника мне не нравятся. Предлагаю назвать так: «В горных долинах» (или «В новых долинах»). Согласны?

Статью о Вашем творчестве я уже пишу. Очень прошу ответить мне на следующие вопросы:

1. Что было первоначальным толчком, благодаря которому Вы заинтересовались литературным трудом и начали писать?

2. Какое Ваше первое произведение? (Не можете ли прислать его мне).

3. Кто помогал Вам овладевать литературным мастерством, кто помогает?

4. Какую роль играет фольклор в Вашем творчестве?

Ответ хотелось бы получить поподробнее и поскорее (к 12 или 13 мая).

С тов. приветом *Кожевников*

---

[1] Куранаков Николай Григорьевич (1913—1974) в последние годы своей жизни работал председателем комитета радиовещания Горно-Алтайского облисполкома. В 30-е годы производил записи и подстрочный перевод произведений устного народного творчества.

[2] Речь идет о подготовке к изданию сборника произведений П. В. Кучияка. Сборник под названием «В родных долинах» вышел в Новосибирске в 1939 г. Предисловие С. Кожевникова.

[3] Поэма «Зажглась золотая заря» впервые опубликована в антологии «Творчество народов СССР», М., «Правда», 1937. Перевод с алтайского Д. Бедного.

3

2. VI. 39 г.

(...) Работа над сборником[1] подходит к концу. Числа 10—13 июня сдам в производство. В него войдут следующие Ваши произведения:

Проза:

1. Аза-Ялан
2. Чейнеш
3. Тойчи
4. Ямы
5. Железный конь («Жел. конь» переводит А. Л. Коптелов. Закончит числа 10 июня).

Стихи:

1. Зажглась золотая заря
2. Арбачи (перевод Непомнящих)
3. Смерть Янар (пер. Гольштейн)
4. Аркыт (пер. Алексеева)
5. Алтай (пер. Мухачева)
6. Катунь (пер. Мухачева)
7. Охотник (пер. Непомнящих)
8. На сенокосе (пер. Непомнящих)
9. Чемал (пер. Непомнящих).

Остальные не переведены и поэтому сейчас трудно сказать, какие из них смогут войти в сборник.

Переводы не равноценны. Да и стихи Ваши не равноценны. Наряду с хорошими есть весьма слабые. Многие страдают растянутостью, некоторые очень не конкретны. Ряд стихов построен примитивно, на основе сопоставления старого с новым. Часто из художественной ткани обнаженно выпирает публицистика.

В общем над культурой стиха Вам надо серьезно и много поработать. Проза у Вас лучше. Но надо работать и над литературной техникой прозы.

Читаете Вы чего-нибудь по теории литературы? Есть ли у Вас книга хотя бы Тимофеева «Стих и проза». Приобретите, советую.

Несмотря на большие недостатки, творчество Ваше полезное, нужное. Статья[2], которую я поместил в «Алт. пр.», составляет только одну пятую часть всей моей работы о Вашем творчестве, которую я закончу на днях.

Статья под заглавием «Первые страницы алтайской литературы» пойдет в качестве предисловия к Вашей книге,

кроме того, будет напечатана в «Сиб. огнях»[3]. Возможно, на днях «Алт. пр.» поместит из нее один отрывок.

Ваши замечания я учту.

Хотелось бы, чтобы Вы прочли всю статью, а также и переводы Ваших стихов. Я рассчитывал, что Вы это сделаете, когда приедете с театром в Новосибирск. К сожалению, поездка Ваша расстроилась.

Если удастся — пошлю вам копии (...).

Привет! *С. Кожевников*

---

1 «В родных долинах».

2 С. Кожевников. У истоков алтайской литературы. «Алтайская правда» от 10 июля 1939 г.

3 «Сибирские огни», 1939, № 4.

4

18. VI. 39 г.

Тов. Кучияк!

Статью в «Лит. газету» я послал сегодня. Послали ли Вы свою статью?

Когда Вы и ваш театр поедете в Москву?

В начале августа будут готовы гранки Вашей книги[1]. Хотелось бы, чтобы перед печатью Вы их просмотрели. Как это удобнее сделать?

Сказки[2] все сданы в производство. Предисловие написал Вихлянцев. Ваша книга идет с моим предисловием.

Как идет запись сказок Улагашева? В начале августа я буду в Ойрот-Туре и там заключим договор с Улагашевым и с тт., которые записывают.

---

1 «В родных долинах».

2 Речь идет о сборнике алтайских героических сказаний «Темир-Санаа». Записи по памяти и подстрочные переводы П. Кучияка, вступ. статья — «Сказки алтайского народа» — В. Вихлянцева. В сборник вошли сказания: «Темир-Санаа», «Келер-Куш», «Кулакчин», «Кара-Маас». Новосибирск, 1940.

Н. Е. ДОБЫЧИН — П. В. КУЧИЯКУ

Письмо не датировано.

Эзень[1], дорогой Павел Васильевич!

Давно получил Ваше письмо и все как-то боюсь отвечать — очень уж много приходится думать о своей болезни, заниматься ею, говорить о ней. Такая уж обстановка в санатории. А писать об этом — Вам будет скучно. Очень бы хотелось, чтобы Вы приехали в Москву, в марте, 26 февраля. Я, наверное, уже выпишусь отсюда и буду дома. Литфонд обещает дать где-то за городом комнату. Вот было бы хорошо, жили бы мы вместе, готовили бы наш чудный суп из кабарги и работали бы. К моей поэтической работе над «Малчи-Мергеном» Вы как будто отнеслись не очень одобрительно, если я правильно Вас понял. Пишите откровенно, я не обижусь. Работать в санатории оказалось не очень удобно. ...Сейчас ровно на половине. Читал Воронцову, которого Вы знаете, и одной очень опытной актрисе из Вахтанговского театра... Оба говорят, что получается у меня правдишний стих и советуют доводить дело до конца. В сборник Улагашевский все равно, наверное, опоздал, но, несмотря на это, доведу до конца.

Пишите о своих планах на лето, если не приедете скоро сюда. Мне разъезжать по-прежнему будет нельзя теперь, но, может быть, на Алтай я все-таки приеду, буду жить тихо где-нибудь в Манжероке в Доме отдыха и работать. Спеши над «Адыйоком».

(...) Ваш уход из театра не знаю как расценить, с одной стороны, хорошо — времени будет больше, с другой, — жаль, очень уж интересно с театром работать. Особенно Вам — драматургу.

Пиши обо всем и чаще.

Ваш Н. Д.

---

[1] Эзень — здравствуй.

Н. А. АЛЕКСЕЕВ[1] — П. В. КУЧИЯКУ

Тов. Кучияк!

Все Ваши 3 письма получил. Третье получил только сейчас. Но я Вам уже писал, одновременно с уведомлением о продлении Вам срока ссуды.

За стихи я брался, правда, урывками. К сожалению, у меня ничего не получилось. Две избирательных кампании много взяли у меня времени. Как-нибудь я переводить не могу. Я должен много работать, не урывками. Такой характер. Поэтому скажите, кому их передать для переводов, я их передам.

У нас, у поэтов, часто зависит от удачи. Бывает, делается легко, бывает, долго примеряешься, хочешь понять дух. Мне говорили Кожевников и Павлов о Вашем неудовольствии длительной задержкой. Да я и сам собой недоволен. По требованию мне переводить трудно. Возможны опять непредвиденные задержки. Напишите, кому передать для перевода Ваши стихи.

С приветом Н. Алексеев

P. S. Напишите, печатаете ли Вы их по-ойротски. Каковы у Вас условия для работы, как к Вам относятся в Ойрот-Туре? Когда собираетесь в Новосибирск?

11 сентября 1938 г.

---

[1] Никандр Алексеевич Алексеев — русский поэт; ему принадлежат переводы стихов П. Кучияка, И. Кочеева.

В. А. ВИХЛЯНЦЕВ[1] — П. В. КУЧИЯКУ

Уважаемый тов. Кучияк!

На днях возвратятся из поездки Смердов и Мухачев, и мы начнем работу над переводами Ваших сказок. Примут в ней участие также Березницкий и Титов. Очень нужно, чтобы хотя бы на несколько дней Вы приехали в Новосибирск, потому что в подстрочниках не все ясно, кроме того, ведь есть, конечно, несколько вариантов сказок, и хорошо бы, если б можно было выбрать лучший. Не сможете ли приехать числа 19 или 20 декабря? Напишите, пожалуйста, сразу же.

С приветом В. Вихлянцев

8 декабря 1938 г.

---

[1] Вихлянцев Владимир Андреевич — новосибирский поэт, прозаик, критик, с его предисловием вышел сборник алтайских героических сказаний «Темир-Санаа» (1940).

Г. П. ПАВЛОВ[1] — П. В. КУЧИЯКУ

24 июня 1939 г.

Дорогой Павел Васильевич!

Получил и телеграмму, и письмо. Печально, что Манжерок закрылся, но что поделаешь. Поеду куда-либо в другое место. Вероятно, уеду уже в 1-х числах августа.

Как обстоит у Вас с «Тайной ямой»? Когда думаете закончить хотя бы первый основной вариант?

Сегодня к нам приехал И. Альтман, командированный Правлением Союза из Москвы. Альтман — критик, театровед, редактор журнала «Театр». Он, наверное, прочтет «Чейнеш». Я сообщу его отзыв Вам.

Привет. Жму руку.

Получили ли № 3 «Сиб. огни»[2]?

Павлов

---

[1] Павлов Георгий Павлович — новосибирский поэт, прозаик, критик. Перевел с алтайского драму «Чейнеш», рассказ «Тойчи».

[2] В этом номере (1939) опубликован рассказ Кучияка «Ямы».

А. Е. СОТНИКОВ[1] — П. В. КУЧИЯКУ

13 января 1941 г.

Привет, Павел Васильевич!

Посылаю литстраницу со сказкой «Жена Лиса». Редакционному народу сказка понравилась. Прошу послать мне пяток подстрочников подобных небольших сказок. Просят еще и наша газета, и комсомольская, и пионерская краевые газеты. А у тебя ведь их десятки!

Стихи «Письмо» и «Алтын-Кёль»[2] посланы в «Литературную газету». На днях пошлю в «Сибирские огни», а поэтому в своей газете воздерживаюсь печатать. Над рассказом «Возвращение» работаю, вскоре опубликуем.

Пишите!

С приветом А. Сотников

---

[1] Сотников Алексей Ефимович; ему принадлежит перевод известного стихотворения Н. Улагашева «Два закона».

[2] Стихотворение Кучияка «Алтын-Кёль» в переводе Е. Стюарт опубликовано во всех сборниках писателя, вышедших на русском языке.

ПИСЬМА П. В. КУЧИЯКА Е. И. ЧИСТЯКОВОЙ (ДРУЖИНИНОЙ)

1

Многоуважаемая Елена Иоасафовна!

Бесконечная радость мешает мне найти самое наилучшее слово поблагодарить Вас за книги, которые для меня ценны, и за письмо, которое (послал) мне товарищ и друг самый близкий. Из командировки вернулся я к 15/IX.37. Поездка по области, конечно, многого мне не дала, но зато окуплена сейчас полностью; настроение стало совершенно другое...

Четвертый десяток лет живу — такого близкого и дорогого товарища вижу впервые с Вашей стороны. Вы даже твердо не обещанное обязательство ранее всякого срока выполнили. Теперь моя очередь. Но я прошу извинения, ибо, зная Ваш адрес, не дозволил (себе) написать открыточку. Пусть это для меня останется надолго уроком... Но я думаю, что у нас с Вами связь не должна порваться, а, наоборот, укрепиться должна. Да, Вы правы, когда пишете: Алтай от Москвы так далеко... Но это на самом деле вовсе не далеко... Нет ни малейшего сомнения, что Вы еще раз появитесь на чудном Алтае. Вы — цветущее поколение. Вам дорога широко открыта и к наукам, и к путешествиям. Алтай Вы посмотрели только у подножия, настоящего еще не смотрели. Поэтому Вам необходимо еще раз побывать и объехать глубины Алтая.

Ваши друзья — Семен Максимович, Клавдия Николаевна, Татьяна Алексеевна и Роза — живут хорошо. Только дедушку схоронили I/IX. 37 г.

Моя семья также жива-здорова.

Сказки мои якобы приняты в Москве, отзывы положительны. Приведу выдержки из письма моего соавтора А. Л. Гарф, она пишет: «Наши сказки прошли по первой категории и получили очень высокую оценку... В числе лучших 10 книг наши сказки попали на конкурс в золотую библиотеку...» Вот так мой товарищ по совместной работе пишет. Тут поневоле сердце прыгает...

Пожалуй, зимой поеду к Вам в Москву, но это не окончательное решение. Я скоро перехожу на новую квартиру, там устроюсь — начну писать исторический роман об алтайской жизни[1]. Только литературного переводчика пока не нашел себе. Я ведь плохо все-таки владею русским языком, видите, пишу даже с большим недостатком.

На Ваши вопросы отвечаю: по имеющимся у меня в памяти сведениям, было так:

У нас, у маймандаров[2], был предок по имени Ргай. Ргай

тогда не знал своего сеока. У Ргая были двое сыновей. Старшего звали Талайшикши, младшего — Тайдамерген. Ргай стариком стал и говорит сыновьям: «Ты, старший мой сын, все время железо куешь, твой сеок (кость) пусть кара майман — черный майман будет. Ты, младший мой сын, своему брату уголь жжешь, отчего ты совсем темно-синий стал; пусть твой сеок будет коголь майман — синий майман». Вот с тех пор сеоки — роды кара майман и коголь майман пошли. От старшего сына Талайшикши родился Кураган, от Курагана — Акпурун, от Акпуруна — Кедреш, от Кедреша — Орузак, от Орузака — Кукаш, от Кукаша — Чолужек, от Чолужека — Кучияк, от Кучияка — Капшаай, от Капшаая — Чочуш, от Чочуша — Ит-Кулак (Павел Васильевич), от Ит-Кулака — Ваня, Коля, Марат. Таким образом, от Ргая до моих детей 13 поколений: 1) Ргай, 2) Талайшикши, 3) Кураган, 4) Акпурун, 5) Кедреш, 6) Орузак, 7) Кукаш, 8) Чолужек, 9) Кучияк, 10) Капшаай, 11) Чочуш, 12) Ит-Кулак, 13) Ваня, Коля, Марат.

Майман Орузак нашел годовалого мальчика по реке Чуя в гнезде беркута, привез его домой за 300 километров и дал ему сеок Ябыр. Их очень мало, только в Эликманарском аймаке, в Куголее и в Аносе. Они считают маймана братом до сегодня (старики, конечно).

Вот коротко моя родословная вся. Постараюсь, если еще для Вас найду ценные материалы, непременно послать.

Кончаю пока на этом.

Крепко жму Вашу руку.

С товарищеским приветом *П. Кучияк*

О.-Тура.
17. XI. 37 г.

---

[1] Речь идет о незаконченном романе П. Кучияка «Адыйок». Впервые опубликован на русском языке в ж. «Сибирские огни», № 4, 1944. (Перевод А. Кучияк, А. Коптелова). На алтайском языке в кн.: П. Кучияк. «Эки гвардеец» (Сб. неизданных произведений), Горно-Алтайск, 1950.

[2] Маймандар — множественное число от майман.

2

Дорогая Лена!

Бесконечно благодарен Вам от всей души за Ваши письма и за Ваши теплые дружеские слова. От Ваших писем всегда повевает теплый и нежный ветерок. Такие ветры бывают у нас на Алтае особенно в июне, июле и августе месяцах. Я не ошибся, говоря о том, что Вы являетесь моим самым близким другом. Ведь по наружности люди как будто все одинаковые. Но,

однако, (чтобы) быть совсем близким другом, нужны еще внутренние качества и взаимное понимание друг друга. Хотя мы, народы Советского Союза, являемся одной семьей и одной силой, но индивидуальные качества не противоречат обществу, наоборот, хорошие примеры поднимают масеу на борьбу за новые победы, за сплоченную семью.

Я в последние месяцы дома мало жил, все время в отъезде. Я теперь живу по новому адресу: ул. Ойротская, д. 17. Дали мне лучшую квартиру, где можно спокойно заниматься и творить. Сейчас горячая работа по подготовке к 15-летнему юбилею Ойротии и XX годовщине Пролетарской социалистической революции. Национальный театр готовит пьесу (переводная) «Поднятая целина» по роману М. Шолохова. Должна быть (ставиться) моя пьеса «Чейнеш», но она на русский язык не переведена и Крайлитреперткомом не утверждена. Поэтому она не могла показаться к 15-летию Ойротии.

Я сейчас большие работы не работаю: мелкие стихи и один рассказ закончил о старой и новой женщине-алтайке. Не знаю, справился ли с задачей? Тема ответственная, большая. На днях перевод (дословный) закончу, пошлю в Новосибирск в журн. «Сиб. огни». Одно стихотворение посылал, называется «Алтай». На сегодня обрабатываю рассказы стариков-алтайцев, как раньше зайсанов, кааларов (помощники зайсана), темичилеров и т. д. они «выбирали». Это исключительно для газеты «Кызыл Ойрот».

Алтай как раз сегодня, т. е. 26/X.37, покрылся молочно-белым одеялом. Он сейчас погрузился в великий семимесячный сон. Для него это совершенно законно: колхозно-совхозного скота он жиром накормил за лето, дал обильный урожай на колхозных полях — румяные пшеницы, восьмигранные желтоцветные ячмени радостно идут в колхозные амбары. А белок, соболей, колонков, горностаев, рысей и других зверей сколько нынче из своего широкого сундука вынет и подаст колхозникам! Вот как будто все, что я хотел Вам сообщить из далекого горного Алтая.

Книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» не шлите, такая книга у меня имеется; после Вашей рекомендации читаю ее.

Большое спасибо Вам за все эти заботы обо мне.

Разрешите крепко пожать Вашу руку.

С пламенным приветом

Ваш П. Кучияк

26. X. 37 г.
Ойрот-Тура.

P. S. Вашу просьбу выполню, карточку пошлю Тукееву.

3

Ойрот-Тура

17. XII. 37

Дорогая Лена!

Прежде всего прошу извинения, что я так долго Вам не ответил. Очень рад, конечно, что наши работы (записи) так понравились Вам. Отсюда моя задача — еще лучше записать, еще тщательнее обработать устное творчество алтайского народа. Постараюсь не обронить ни одного лепестка и не помять ни одного стебля.

Всемирно-исторический день 12-го декабря сего года по нашей области проходил как всенародный торжественный праздник трудящихся. Старики и молодые впервые свои голоса отдавали за лучших сынов и дочерей нашей прекрасной Родины.

Я лично в данное время занят пьесой под названием «Чейнеш» (женское имя). Она у меня написана весной этого года, но чем больше она у меня на столе перед глазами лежит, тем больше я с ней занят (дополнения, изменения и т. д.). Национальный театр просил меня перевести на русский язык; я перевел, но этот перевод очень бледный. Потому что запаса слов у дяди Кучияка нет. Поэтому весь колорит передать затрудняюсь. На днях хочу выехать в Новосибирск, найти хорошего переводчика. Эх, был бы я в Москве, — нашел бы хорошего переводчика! Ведь Москва богата драматургами. Москва — это сердце нашей необъятной Родины. Недаром В. Маяковский сказал:

Москва
не как русскому мне дорога,
а как огневое знамя!

Я собирался ехать в Москву, но маленько не удалось. Детгиз нашу книгу (с Гарф) посылал в обком партии для получения рецензии. Но обком отказался дать рецензию (по-моему, законно), говоря, что партия доверила издателям, обеспечила их политредакторами и т. д., поэтому Ойротский обком не хочет вмешиваться в это дело. Рукопись я обратно на имя своего соавтора А. Гарф еще 14.XI.37 послал. Пока ничего не известно. Такая волокита началась благодаря тому, что в Детгизе сейчас руководство все новое почти. С которыми я заключил договор, их там нет. Вот именно поэтому такая неприятная картина.

Из Новосибирска недавно получил письмо. Там на днях выходит из печати сборник алтайских сказок — в большинстве мои записи. Все они в стихах. Как получу авторские экземпляры, пошлю Вам обязательно. Уважаемая Лена! Я перевожу очень плохо. Вы ничего не разберете, поэтому лучше по-

шлю тогда, когда отшлифуется на русский язык более грамотными товарищами.

Статьи из газеты шлю Вам о 15-летних достижениях Советской Ойротии.

Примите горячий привет.

Кучияк Павел

4

Дорогая Лена!

Я в настоящее время брожу по деревянным тротуарам в гор. Барнауле. Приехал я сюда по следам своей пьесы «Чейнеш», подстрочно перевел я сам. В Барнауле нет драматурга, поэтому начальник краевого комитета по делам искусств тов. Печурин 25.II.39 г. везет (ее) в Москву — показать известным драматургам и драмсекции Правления ССП. Я решил подождать до его обратного приезда из Москвы. Сам хотел до Москвы доехать, но карман маленько тоненький оказался. В Барнауле временно у одного гр-на остановился. Пишу стихи. С Новосибирском переписываюсь. Они все время пишут, что вот-вот на днях сборник алтайских сказок (в стихах) выходит из печати. Но почему-то авторского экземпляра не вижу. Они приглашают меня приехать в Новосибирск. Пожалуй, на днях поеду к ним. Пишу стихи. Отзывы из Новосибирска неплохие: «Адыйок» (роман) кусочками пишу, пока из «Детства» два куска написал. С Москвой дело наладилось, книга «Алтайских сказок» (в прозе) в ближайшее время пойдет в печать. Мой товарищ (соавторша-стилист) пишет, что задержит только художник, который будет оформлять рисунками (иллюстрациями). Таким образом, эту книжку мы должны увидеть во второй половине 1938 года.

Хотел свои стихи предложить сборником издавать в Барнауле. (Однако) пока краевое изд-во не организовано, все книги, которые (поступают) от имени Алтайского края, издаются в Новосибирске. Поэтому хочу предложение сделать в Новосибирск. Занимаюсь лирическими стихами. На ойротском языке они удаются не очень трудно, не знаю — как на русском языке.

Ой, как хочется в Москву съездить, вот как-то не выходит. А может, весной или летом поеду. Но это вопрос будущего. Я очень рад за свои труды. Наконец-то Детгиз решил издавать.

Семья моя живет пока хорошо. Ваши знакомые: Татьяна Алексеевна, Семен Максимович — все живы-здоровы. Из дому я выехал 4.II.38. Отвечать можете: Алтайский край, г. Барнаул, Центр. почтамт, до востребования, мне.

На журнале «Сиб. огни» № 4 написано на алтайском языке, в смысловом переводе так: «На память уважаемой Лене[1] в знак долгой дружбы» (или «вечной дружбы»).

Как только выйдет сборник «Алт. сказок» (в стихах), я Вам обязательно пошлю[2].

Пока прерываю свое письмо. Желаю Вам бодрой и веселой жизни и успешных темпов в учебе.

Жму Вашу руку.

С горячим приветом *П. Кучияк*

23. II. 38.
Барнаул.

---

[1] Между прочим, «Лене» или «Лены?» По-русски крепко не разбираю (примечание П. Кучияка).

[2] Сборник «Алтайские сказки» вскоре был выслан со следующим автографом: «На память живущей в Москве жизнерадостной Леночке от прекрасного Алтая и от П. Кучияка. Новосибирск, II. III. 38».

5

Дорогая Лена!

Получил Ваше письмо, за что от чистого сердца благодарен Вам. А книга сказок пока до Барнаула не дошла еще. Видно, почтовый поезд идет с опозданием; но придет, в этом нет никаких сомнений. Не знаю, что Вам сказать, чем Вас одарить за все Ваше теплое, дружеское отношение ко мне. Я уже писал Вам, но еще раз повторить придется, что Вы для меня первый друг и от Вас только такое внимание заслуживаю. От Ваших писем всегда веет теплый и свежий ветерок, который при распечатании конверта ласкает мое смуглое лицо, обнимает мое горное сердце. Мне кажется, мы в этом году должны встретиться и еще жарче поговорить обо всем. В Москву я зимой не мог приехать, но имеются шансы приехать в апреле или мае этого года. Моя пьса «Чейнеш» сейчас (в подстрочном переводе) находится в Москве; она по подстрочному переводу получила положительную характеристику от Главлита, Реперткома. Но отдельные недоделки имеются, поэтому меня как автора приглашают в Москву. Вопрос окончательно в такой плоскости разрешен. Но теперь (встает) вопрос о деньгах. Крайкомитет по делам искусств сейчас ищет деньги. Написали в Ойротский облисполком. Думаю, вопрос о деньгах разрешится в недалеком будущем. Вот видите, в Москву, значит, поеду. Но прекрасно понимаю, что у Вас в этот период время будет занято подготовкой к сдаче экзаменов. И все-таки в театр мы с Вами сходим, это факт. Вот

что могу в данном письме сообщить Вам. Ездил я в Новосибирск, заключил договор на народный эпос, срок к 1-му июня сего года. Белыми стихами 12 тысяч строк. Думаю, в срок закончить, потому что оригиналы на алтайском языке уже готовы, только буду подстрочно переводить. Получили ли Вы «Алтайские сказки», посланные мною Вам из Новосибирска?

Барнаул — город тоже вроде Бийска. Каменных домов в центре мало, дома, больше двухэтажных, почти единицами. Но в промышленном отношении Барнаул богат. Меланжевый комбинат и другие заводы.

Весна на Алтае в полном разгаре, говорят, а в Барнауле не совсем весна.

Вот все.

Разрешите пожать Вашу руку.

С горячим приветом

П. Кучияк

24. III. 38 г.
Барнаул.

6

10. IV. 38.

Дорогая Лена!

Почти ежедневно, а иногда по два раза в день прихожу на почту, но, поймите меня, как ни печально, слышу от полусонной девушки за окошечком одни и те же наизусть выученные слова: «Вам ничего нет». Потом она, полуоткрыв губы, зевнет, словно этим она показывает мне: «Ваша сказка, мол, где-то спит, так же, как я».

Все это не то, чего я хотел бы. Относительно моей радости я уже Вам писал, как я на Вас смотрю и какую оценку даю нашим с Вами дружеским отношениям. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что наша дружба вечна. Мы услышим свои голоса на неслышимом расстоянии, мы подадим руки друг другу на невидимом расстоянии. Вы знаете, на Алтае растет богатое дерево, называется оно кедром. Вот, я скажу Вам: как бархатная хвоя зимой и летом у кедра не желтеет, так же наша дружба будет вечно зелена-бархатна...

Моя поездка в Москву до мая откладывается. Главрепертком ответил, что пьеса «Чейнеш» с политической стороны вполне выдержана, на сцене Ойротского нацтеатра показать можно. Но с художественной стороны требуется еще обработка; это можно на месте исправить. Я в конце апреля выеду в Ойротию, попрошу деньги от облисполкома. Все-таки думаю

для консультации обязательно съездить в Москву. Потому что Москва — сила большая. Весна в Барнауле в полном разгаре, а на Алтае еще лучше, говорят.

Относительно сказки: мне кажетоя, потеряна.

Пока все, с горячим приветом к Вам.

П. Кучияк

7

Дорогая Лена!

Радостям моим конца не видно! Большое Вам спасибо за посланные мне книги «Сказки народов Востока». Очень хорошо, что (они) меня застали в Барнауле. А билет ж.-д. у меня в кармане. Завтра (27.IV.38) еду в Ойротию. Пробуду примерно дней 15—20, а потом опять в Барнаул. А может, облисполком даст деньги на поездку в Москву. Между прочим, пред. ОИКа тов. Кандараков был в Барнауле. Я лично беседовал с ним. Он говорил мне, что еще раз прослушаем на алтайском языке пьесу, тогда ОИК не будет возражать дать деньги на мою творческую командировку в Москву. Таким образом, видите, что поездка в Москву не так легка. Но имеются шансы, что осуществятся мои мечты. Договор с Новосибирским издательством почти выполнил (11 тыс. стихотв. строк надо, на сегодня 10 тысяч уже готовы), летом целиком отдамся роману «Адыйок». На Алтае, говорят, сейчас настоящая нежная и красивая весна. Да, Алтай! Весной Алтай еще красивее, чем летом. Долины и луга покроются красно-желтыми огоньками, розовыми кандыками. Аскатские, чемальские скалы покроются алыми маральниками. А черемухи! Какие у них ярко-белые цветки, какие у них ароматные запахи, наполняющие целые ложбины и долины. Ну о песнях птиц говорить не приходится. Нам бы с Вами такую весну когда-нибудь на Алтае встречать! Мне кажется, такой случай вполне реален. Не знаю, как Вы на это смотрите? Куда в нынешнем году думаете поехать во время каникул? Еще сколько лет осталось учиться Вам?

Я хочу в Барнауле до июля месяца жить. Как-никак краевой центр, театр и другие культурные учреждения. Но писательской организации у нас в Барнауле нет. По Алтайскому краю пока что я один член Союза советских писателей. Сейчас в Барнауле тоже весна, но дождей нет, очень пыльно.

Вот примерно все. Если найдете время, ответ можете дать на Барнаул, до востребования, потому что я опять буду тут.

А возможно, я Вас буду встречать на пороге горного и чудного Алтая в этом году.

Крепко жму Вашу руку.

С горячим приветом

Павел Кучияк

26. IV. 38 г.

8

Барнаул, 12. VI. 1938 г.

Многоуважаемая Лена!

Сегодня обратно уезжаю в Ойротию. Областные организации мне больше не дают разгуливаться: работать надо, говорят, в Ойротии. Это в основном правильно, конечно. Но мне-то тоже культуру черпать надо, потому что то, что я имею, это еще далеко от того, что нужно для советского писателя. Да не только писатель, весь советский народ (таким) становится, а мне отставать совестно.

Национальный театр хочет меня взять к себе. Резкого возражения я не имею. Потому что театр я любил с первого дня своей творческой жизни. Сам писал пьесы и сам играл в качестве актера.

Но роман об Алтае я должен написать полностью, это моя святая обязанность, как говорится.

Новосибирское областное издательство обещало, вернее, сами предлагали мне издать сборник моих произведений. Не знаю, как сейчас у них.

Вот, дорогая Лена, что могу Вам перед отъездом на родину сказать. Я думаю, Вы также не забудете из Средней Азии посылать мне весточки о Вашем путешествии. Я, наверно, буду летом ездить по Ойротии. Адрес мой знаете. На днях, как приеду, пошлю Вам еще две книжонки. Одна «Сказки Алтая» называется (детские сказки А. Гарф и П. Кучиякa), другая — альманах «Под солнцем родины», где помещена моя повесть «Аза-Ялан».

Привет Вам от всех быстрых рек, от высоких гор Алтая! Привет Вам от желтых, красных и голубых цветов Алтая!

Привет от меня!

П. Кучияк

9

27. IX. 38 г.

Многоуважаемая Лена!

Большое спасибо за письмо. В этот день у меня радость была вдвойне: во-первых, старшего сына проводил в ряды славной РККА, во-вторых, когда вернулся домой, на столе меня ждало Ваше дружеское письмо.

Очень рад, что Ваши путешествия всегда Вас не огорчают, а дают все новые и новые сдвиги вперед к изучению Вами жизни и быта многонационального советского народа. Перед Вашими глазами теперь ясно видно: зелёно-шелковыми тучными травами покрытый Алтай стоит, серые песчаные степи Средней Азии, голубое Каспийское море и т. д. Все это Вы просто физически ощущаете. Вы на Алтае еще видели грязные аилы, кое-где деревянные задымленные божки, а в Средней Азии встречались (Вам) на горах таджикские поселки, где женщины еще не желают показать свое лицо чужим.

Все это дает Вам живые материалы для изучения каждой народности в отдельности — и с остатками из прошлой жизни, и с новыми социалистическими культурами. Вы теперь видите собственными глазами, как ранее угнетенные народы, сохранившие еще патриархальные пережитки, непосредственно, минуя мучительную капиталистическую стадию развития экономики, перешли к бурному социалистическому строительству. Это просто сказочно.

О! Если бы Вы знали, как мне хочется так же путешествовать, как Вы, понятно, конечно, по своей специальности; познакомиться с национальными театрами проживающих в нашем необъятном Советском Союзе народностей; (набраться) у них опыта. Пока что у нас, как алтайцы говорят, «рука коротка». Приходится от этой поездки воздержаться.

Сейчас работаю в нацтеатре зав. литчастью. Старший сын призвался в Красную Армию. Дочь училась в 9 классе, а сейчас ее облоно посылает в г. Барнаул — в учительский институт. Я лично не возражаю. Остается еще трое: один в 8 классе, другой в 3 классе и последняя в 1 классе.

Поездка в Москву пока не предвидится. Книга алтайских сказок будет напечатана в 1939 году (которая в Москве). Книгу «Сказки Алтая» и альманах «Под солнцем родины» я Вам пошлю из Новосибирска.

29.IX.38 еду в Новосибирск.

Привет вам!

П. Кучияк

10

Дорогая Лена!

Вот я в Новосибирске. Хорошо было бы дальше, в Москву! Но маленько сила не позволяет. Ладно, как-нибудь постараюсь прямо из Ойрот-Туры попасть в Москву.

Я сюда приехал по поводу своей пьесы «Чейнеш». Ее переводит один писатель на русский язык (литературно). Следовательно, согласовать (нужно) некоторые места. Пока большого разногласия нет, все идет дружно. Еще остается два-три дня как следует согласовать, и потом переводчик сможет смело взяться за перевод. А я — обратно в Ойрот-Туру.

В Новосибирске, оказывается, холоднее, чем у нас в Ойротии. Теперь буду работать над новой пьесой на тему нашего дня в Ойротии.

«Адыйок» у меня пока плохо движется, не знаю (почему), придется в 1939 году уже вплотную взяться за него.

Новосибирская редакция «Сиб. огней» в № 5 поместит мои в последнее время написанные вещи: небольшой рассказ «Тойчи», небольшую поэму «Смерть Янар» и еще одну сказку. Если они там выйдут из печати, в ноябре или декабре пошлю Вам обязательно. Теперь из Новосибирска пересылаю Вам две книги: альманах «Под солнцем родины» и «Сказки Алтая». Прошу Вас дать мне большевистскую критику. Но только со стороны русского языка полностью отвечать я не могу, потому что им я владею не совсем хорошо, тут часть вины надо положить на переводчиков. Но, несмотря на это, критикуйте меня. Как-никак — собиратель сказок я, сочинитель рассказов я.

Вот примерно все, что я хотел из Новосибирска сказать Вам. Вижу, что письмо получается сухое какое-то, нет той зелено-шелковой окраски, нет той мелодичности, как поют алтайские горные речушки, нет осенних красок Алтая. Но простите меня, не знаю сам, почему у меня письмо такое выходит.

Домой вернусь, наверно, числа 8.X.38 г.

С приветом Ваш

3. X. 38 г.

Павел Кучияк

11

Новосибирск, 8. I.—39 г.

Уважаемая Лена!

Пишу Вам из Новосибирска, тут живу с 1-го января. Приехал сюда по вызову областного издательства по поводу моих сказок, которые будут издаваться в этом году. С поэтами заканчиваю работу по своему подстрочнику.

Основная моя беда заключается в том, что мал запас русских слов и я слаб в грамматических правилах. Числу к 10-му, наверно, закончу работу. Потом думаю поехать к Вам в Москву. Таким образом, примерно 14—15 января уже буду в красной столице. Туда еду просто по своей инициативе. Везу свою пьесу «Чейнеш» в Главрепертком. Побуду в Детиздате, Союзе писателей и обратно в Ойротию. Думаю, с Вами встретимся и поговорим хорошенько. А теперь разрешите на этом свое письмо закончить. Мала-мала сказку расскажем, а может, в театр сумеем сходить.

Пока, до скорого свидания.

С приветом П. Кучияк

12

Барнаул 6. VI. 39 г.

Многоуважаемая Лена!

На первый взгляд Вам покажется, что за человек я? Когда выезжал из Москвы, обещался писать, как только приеду в Ойротию — и, будьте здоровы, почти полгода ни слуху и ни духу. По этому случаю прошу извинения. Хотя Вы меня когда-то предупреждали, что не (нужно) извиняться, но я этого не делать просто не могу.

Прежде всего, доехал домой я хорошо. Когда приехал после двухмесячной командировки, работы накопилось вышиной с Согонду-Туу. Пришлось сразу же, засучив рукава, взяться за это дело. По количеству сделал немало, качество не знаю, — люди оценят.

Сейчас я нахожусь в краевом центре — Барнауле. Приехал сюда вместе с Ойротским нацтеатром, привезли «Чейнеша» на смотр (Краевая олимпиада колхозных и совхозных театров нашего края). Я Вас прошу пока что поздравить нас с успехом. Получили мы по краю первое место, и жюри наш театр выдвинуло на Всесоюзную с/хоз. выставку 1-го августа текущего года. Таким образом, рожденный в Октябре Ойротский областной театр и первая по существу национальная пьеса «Чейнеш» поедут в Москву — красную столицу нашей Родины.

Еще одну пьесу в черновом закончил. Кажется, я Вам об этом говорил. При читке в областном партактиве отзывы были положительные, но окончательной отделки еще не проводил. Видно, после Москвы заканчивать придется.

Вот коротко, что я Вам хотел сообщить.

А теперь от меня большой привет и от многоцветного Ал-

тая Вашим родителям, всем без исключения. Вашему папе, маме и братку Коле. Послезавтра поедем обратно в Ойротию, (чтобы) еще лучше подготовиться для Москвы.

Таким образом, встретимся в Москве, если Вы никуда не поедете. Но если поедете, это ничего. Я встречусь с Вашими родителями.

Итак, кончаю пока. До свидания.

Жму Вашу руку.

С приветом П. Кучияк

ПИСЬМА Е. И. ЧИСТЯКОВОЙ (ДРУЖИНИНОЙ) П. В. КУЧИЯКУ

1

Бешпельтир,
8. VIII — 37г.

Дорогой Павел Васильевич!

Очень хорошо живу в Бешпельтире у Ваших родных. Сейчас здесь гостит (до 15 авг.) Клавдия Николаевна. В плохую погоду мы с ней ходили в гости, побывали в одном ауле — здесь же, в Бешпельтире. Теперь погода проясняется. Как дороги подсохнут, пойдем в урочище.

И к нам заходят гости. Неожиданно даже ко мне явился один «фотограф». Оказывается, есть фотографы и хуже меня. Он расспрашивал меня, как снимать: совсем не умеет. У него есть приспособление, в котором можно проявлять негативы. Это очень кстати. Ходить в Аскат все же довольно далеко, и будет хорошо, если я смогу проявлять свои снимки здесь же.

Место мне здесь очень нравится. Сегодня я уже лазила на окружающие селение горы. Хорошо!

Татьяна Алексеевна уже рассказала мне свою историю. Неужели ей уже 92 года! Крепкая старуха!

Готовят все здесь очень вкусно. Я не помню, где я ела с таким аппетитом, как здесь.

Уеду отсюда числа 23-го, чтобы успеть по пути посетить Ойрот-Туру и к 1 сент. быть в Москве. Из Новосибирска полечу на аэроплане и дня за 3 до занятий буду в Москве.

Хорошо, если в Аскате я Вас застану. У меня вопросов будет — масса! А может быть, Вы к нам в гости приедете в Бешпельтир?

С горячим приветом

Лена

P. S. Сделайте себе из чернильного карандаша чернила, совсем неплохо выйдет.

2

Москва, 8/IX—37 г.

Дорогой Павел Васильевич!

Посылаю Вам две книги об Ойротии, которые, может быть, Вам пригодятся.

27-го сентября я благополучно прилетела на самолете в Москву. Учеба в университете уже идет полным ходом. Близится и срок моего доклада об Ойротии. После такого хорошего лета приятно снова окунуться в учебу.

Я часто вспоминаю Алтай и моих новых знакомых, которые, к сожалению, так далеко... Когда-нибудь на Алтае еще побываю!

Когда я уезжала из Бешпельтира, Семена Максимовича там не было. Он почему-то задержался в Ойрот-Туре, и мы все о нем беспокоились. Напишите мне, пожалуйста, все ли у него благополучно, здорова ли Чечек и как поживает Клавдия Николаевна.

Если Вы будете мне писать и Вас не затруднит, напишите мне то, что Вы мне рассказывали из истории рода майман: как один из членов рода усыновил найденного им мальчика и потомки этого ребенка стали считаться родственниками вашего сеока. Как называется этот второй сеок? Если Вы знаете еще что-нибудь о своем роде, напишите мне, пожалуйста! Все это мне нужно для моего доклада.

Как удачно Вы выбрали для меня Бешпельтир! В Чичке, Утюшкене, Улюнгду, Еремисе[1] и др. поселках я посмотрела старые орудия алтайцев, видела курмежеки, познакомилась со старухами.

Узнав, что до Ойрот-Туры от Бешпельтира всего 45 км, я решила сходить туда пешком, чтобы посмотреть столицу Ойротии и музей. Была у Вас, но, к сожалению, Вас не застала.

Теперь, наверно, увижу Вас в Москве. Обязательно дайте мне знать, Павел Васильевич, если поедете в Москву!!

Мне хотелось сделать надпись на одной из книг, которые я посылаю «Павлу Васильевичу в благодарность за сказку про «Большую Медведицу». Потом я раздумала и не написала ничего, но Вы это так запомните.

С горячим приветом

Лена Чистякова

Мой адрес:
Москва, центр, Старосадский пер., д. 8, кв. 4.

Е. И. Чистякова.

---

[1] Правильно: Ёлёнду, Эремеес.

3

Москва, 26/IX—37 г.

Дорогой Павел Васильевич!

Увидев Ваше письмо и еще не распечатав его, я почувствовала уже: мы — друзья.

Большое спасибо Вам за подробный и обстоятельный рассказ о Вашем сеоке. Этот рассказ для историков очень интересен, т. к. он показывает, как в воспоминаниях народа сохранилось представление об образовании из рода фратрии, т. е. нескольких родственных между собой, братских родов (frater по-латински означает «брат», отсюда «фратрия» — группа братских родов).

Токарев в своей книге на стр. 18 говорит о родовых делениях у алтайцев, но кроме перечисления названий братских родов ничего не сообщает. На кружке по истории доклассового общества я обязательно зачитаю то, что Вы мне пишете.

Я хочу послать Вам, Павел Васильевич, еще одну книгу: «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса. Дело в том, что Токарев, исследуя родовые пережитки у алтайцев, исходит из учения Энгельса и американского ученого Л. Моргана о родовом строе. При этом он подразумевает, что теория Энгельса читателю известна и не останавливается на ней, делая ссылки лишь на некоторые отдельные места из книги «Происхождение семьи...».

Может быть, вы эту книгу когда-нибудь читали. Но чтобы понять Токарева, ее необходимо иметь под рукой и читать очень внимательно. Если ее у Вас нет, я Вам ее пришлю. Не нужно ли еще каких-нибудь книг?

Родовой строй — это этап, проходимый всяким человеческим обществом, но не везде одновременно. Так в Австралии, Америке еще и сейчас некоторые племена живут родовым строем, а, например, славяне прошли эту ступень в 8 веке. Алтайцы прошли ее тоже давно, но в силу ряда исторических причин сохранили еще много пережитков родовых отношений.

В цепи экономических формаций родовой строй или первобытный коммунизм — самая первая: 1) **первобытный коммунизм,** или доклассовое общество, 2) рабовладельческое общество, 3) феодализм, 4) капитализм и 5) коммунизм.

Как я рада, что Ваши сказки с таким успехом приняты в Москве! Горячо Вас поздравляю! Есть там сказка «Почему у лисы морда вытянута»?

По-русски Вы пишете выразительным и богатым языком, употребление слов у Вас правильное. Все ошибки при-

ходятся на грамматику, в особенности на склонение. Будь вы в Москве, я бы за Вас принялась: ведь этому выучиться нетрудно.

У меня все хорошо. В выходной день с лопатой в руках участвовала в раскопках подмосковных курганов. Откопали несколько древнеславянских погребений: скелеты, посуду, украшения. Руководитель раскопок[1] рассказал мне, что вел недавно раскопки в Онгудае.

Передайте мой привет Татьяне Алексеевне и Вашим родным. Я очень сочувствую их горю: про дедушку я много слышала. С горячим приветом.

Лена

P. S. Если Вы заняты, то не спешите мне отвечать, я сердиться не буду. Зовите меня Леной или так, как звали в Аскате, по-своему.

---

[1] А. В. Арциховский.

4

Москва, 9/X—37 г.

Дорогой Павел Васильевич!

Я напечатала алтайские фотографии. К сожалению, у меня не сохранилось адреса Вашего знакомого, которого я снимала на пути в колхоз им. Сталина. Поэтому я очень прошу Вас надписать его адрес на маленьком конверте, заклеить его и отослать.

Другие фотографии я посылаю Вам. Они не очень удачны, но ведь мой курс учения фотографии длился не более 2-х недель.

9-го октября я сделала доклад по Ойротии в кружке. Руководитель нашего кружка профессор М. О. Косвен в предварительной беседе со мной сказал мне: «Поменьше книжного, расскажите нам побольше ваших личных впечатлений. Я хочу, чтобы и у других членов кружка пробудился интерес к таким поездкам и чтобы они увидели, что ничего тут нет трудного, страшного... Они увидят, что люди даже поправляются в таких поездках».

Я так и сделала. Принесла фотографии; журнал, посвященный Ойротии, с иллюстрациями; принесла еще (угадайте!)... курут[1]. Старалась, чтобы рассказ мой был интересным. Так кружок наш познакомился немножко с Алтаем, познакомился и с одним алтайским писателем, имя которого Павел Васильевич Кучияк. Все с удовольствием отведали сыр-

чик Татьяны Алексеевны. Историю образования отдельных ветвей Вашего рода я прочитала дословно из Вашего письма. Так прошел мой отчет. Теперь возьму новую тему в кружке, но сколько мне позволит время, буду читать об Алтае и алтайцах. Очень уж они мне по душе!

Вскоре я вышлю Вам книжку «Происхождение семьи» Энгельса, о которой писала в прошлом письме (Вы его, наверно, получили?).

Как хорошо, если бы Вы этой зимой приехали в Москву! Я даже и представить себе не могу, как я буду рада!!

Кончаю.

Большой горячий привет

от Лены

Москва, центр, Старосадский, 8, кв. 4.

Е. Чистякова

---

[1] Алтайский сыр.

5

Москва, 21/XI—37 г.

Дорогой, хороший Павел Васильевич!

До чего же Вы меня обрадовали, Вы и представить себе не можете!! Сказки — одна другой лучше: «Торко-Чачак», «Лиса-сваха», «Дил-Кел» — это такая красота! И так занимательно, интересно.

Вот и алтайский народ вносит свой художественный вклад в общую культуру народов СССР. Побольше таких цветов, и наша страна зацветет пышным благоухающим лугом, заиграет яркими радостными красками. Эти сказки доставят много удовольствия как детям, так и взрослым. Сейчас их читает мой отец, а на днях дам прочитать их нашему профессору, руководителю исторического кружка Косвену. А когда выйдут на свет Муравьи, у которых животы перетянуты? А Коростель? Скажите им, что их ждут в Москве, пусть скорее приходят. Чует мое сердце, что это про них пишет Коптелов, что скоро донесут их до русского читателя писатели и поэты Ойротии, «не обронив ни одного лепестка и не помяв ни одного стебля» этих прекрасных цветов — сказок горного Алтая.

После чтения Ваших сказок мне еще сильней захотелось читать об алтайцах, изучать их прошлое. На каникулах достану себе Вербицкого, Радлова, Потанина.

Вот и в Москве началась зима (17 ноября выпал, наконец, снег). Осень у нас неохотно уступает ей место. Неостыв-

шая земля в первое время все растапливала непрошенное белое одеяло. Я люблю зиму. Правда, у нас она не так хороша, как в Сибири: небо почти всегда пасмурное. Я была в Томске — там редкий день без солнца! А при солнце и мороз не пугает, весело! Как у Вас в Ойрот-Туре зимой, часто бывает солнце?

Павел Васильевич, а Вы приедете к нам в Москву зимой?

Ваша сотрудница Анна Гарф — это та самая, с которой Вы ездили по Ойротии и которая не умела седлать лошадей?

Пишите мне, каких книг прислать Вам из Москвы. Переведите мне, что Вы написали на журнале «Сибирские огни». Алтайский язык я, может быть, в будущем изучу, а пока переведите, пожалуйста! Я три языка сейчас учу: латинский, греческий, французский. Чем больше языков знаешь, тем легче бывает изучить новый.

«Kyndyly Lenaga...»[1] — что бы это значило?..

Горячий привет и большое спасибо!

Е. Чистякова

---

[1] «Уважаемой Лене...»

6

Москва, 13/I—38 г.

Дорогой Павел Васильевич!

На этот раз я отвечаю с опозданием. Только, по-моему, ни Вам, ни мне не нужно извиняться за задержки в ответе. Не обязательно переписка должна быть регулярной. Важно только, чтобы не прерывалась связь, потому что, я думаю, мы еще повидаемся и в Москве и на Алтае. Правда?

Вы мне не написали, что значит надпись на книге «Сибирские огни». Переведите, пожалуйства! В университете я изучаю в кружке турецкий язык. Вспоминаются некоторые алтайские слова, которые мне приходилось слышать — удивительно как много общего с турецкими! Цифры (названия) по-турецки: bir, iki... dört... — и по-алтайски так же. Спряжение, склонение очень похожи! Я хочу знать турецкий язык, потому что он близок целому ряду языков наших малых народов. Зная его грамматику, ими потом будет очень легко овладеть. А это много даст для изучения истории народов СССР, по которой я буду специализироваться.

Пока что изучаем больше древние времена: римскую историю, раннее средневековье (5—11 века). Начались экза-

мены. Один я уже сдала — языкознание, т. е. историю различных языков и науки о языке. Это очень интересный предмет. Для меня он был очень легким, готовиться много не пришлось, а получила «отлично». Теперь готовлю Средние века. Тут дело серьезное: столько всяких событий, войн; переселений; столько королей, римских пап! Нужно знать много фактов и дат. Последний экзамен будет политэкономия, ее я не боюсь.

На каникулах с группой студентов пойду в лыжный поход по Московской области. Дней 8 будем бродить. Потом вернусь и буду читать, заниматься. За это полугодие я совсем и не устала. Алтай укрепил мое здоровье сильно!

Так, в этом году Вы, Павел Васильевич, в Москву вероятно не приедете? Жалко!

Большое спасибо за вырезки из газет! Если Вам будут попадаться еще какие-нибудь статьи — не обязательно сводки и цифровой материал, а хотя бы просто эпизод, но характерный для новой жизни Алтая — вырезайте их для меня, если это Вас не затруднит. А мне очень хочется послать «дяде Кучияку» каких-нибудь книг. Только никак не придумаю — каких. Хоть бы помог мне кто придумать! А то пошлю — не то, что нужно...

Павел Васильевич, читали ли Вы древних писателей: греческих, римских? Например, Горация? Я в последнее время для семинара по римской истории занималась Горацием и многое из его сочинений мне очень понравилось.

Как поживают мои алтайские знакомые? Здорова ли бабушка? Привет ей от меня!

Желаю Вам успешно продолжать работу над «Чейнеш», но и исторический роман не забывать!

Лена Чистякова

7

Дорогой Павел Васильевич!

Какую огромную радость доставила мне Ваша посылка! Сердечно благодарю! Хотелось ответить Вам после того, как прочту Ваши новые произведения, поэтому я немного задержалась с письмом.

С «Аза-Ялан» я Вас от души поздравляю. Я читала рассказ «Стальной конь»[1] и еще кое-что из Ваших произведений прежних лет (в сборнике «Молодой Алтай»). «Аза-Ялан» отличается от всего того как большой глубиной и богатством содержания, так и замечательной, яркой формой. Сколько прекрасных сравнений, например это: «... Как встревожен-

ные пчелы улей свой покидают, так члены товарищества, двумя несчастьями напуганные, из товарищества стали выходить». И дальше. Вы очень образно описываете, как члены товарищества по одному приходили к Керек-Йоку и, «не глядя ему в глаза, просили: — «Вычеркните меня из списка».

Таких примеров можно было бы привести очень много. Читала я и радовалась: вот это рост! У Алтая есть большой, талантливый писатель.

Что еще очень ценно: казалось бы, сюжет не новый — строительство колхозов, сопротивление кулака и прочих враждебных элементов, трудности, связанные с недоверием темного населения к нововведениям, успешное преодоление всех трудностей. И вот, несмотря на то, что сюжет знаком, рассказ читается с захватывающим интересом. Он написан так, что все время хочется знать, что будет дальше... Поговорки, сказки — подлинно народные — очень обогащают изложение. Всегда вводите их побольше! По таким рассказам можно изучать быт народа, можно почувствовать дух его. А кто побывал на Алтае, переносится туда, читая: так живо вспоминается все виденное. У Вас чувствуется в изложении большая искренность, Вы вкладываете в рассказ, мне кажется, максимум пережитого, а вымысла вносите совсем немного. И рассказу веришь, из него несомненно узнаешь о вещах, происходивших в действительности. Я буду очень беречь Ваши книги и хранить их среди лучших моих книг, а к таким я отношу все то, что обогащает знанием жизненной правды.

Что касается перевода, то в нем часто встречаешь фразы, необычные для русской речи. Например, никогда русский человек не написал бы: **«Семь месяцев землю покрывающий снег** растаял от жаркого весеннего солнца...» Русский начал бы со слова «снег» («Снег, который в течение семи месяцев покрывал...») или, не так охотно, начал бы с причастия «Покрывающий целые семь месяцев землю снег...» Но Ваш переводчик, вероятно, хотел сохранить, насколько можно, стиль речи алтайца и, может быть, нарочно строил такие обороты речи. Что касается меня, то мне они напоминают, как Вы рассказываете по-русски, и мне эти обороты речи даже нравятся. Не знаю, как они покажутся другим русским читателям. Скоро дам прочитать Ваш рассказ своему товарищу[2], тогда буду знать.

Очень приятно мне было найти среди новых сказок также и те, которые слышала от Вас в Аскате («Лягушка-путешественница», «Мышь и верблюд»).

Еще раз большое спасибо за Ваш подарок. Мое самое большое пожелание Вам — писать еще и еще, добиться того,

чтобы заботы о денежных и пр. делах оставляли Вам все же достаточно времени для творчества и роста. Буду ждать его новых плодов.

С приветом Лена Ч.

---

[1] Имеется в виду рассказ «Железный конь».
[2] Павел Васильевич Иониди (погиб на фронте в 1941 г.).

8

16/VI—39 г.

Добрый день Павел Васильевич!

Спасибо за Ваше письмо. В нем для меня много интересного и радостного. Прежде всего горячо поздравляю Вас с успехом «Чейнеш»! Желаю Вам и в дальнейшем работать так же успешно и плодотворно, и я уверяю, что так и будет, потому что Вы делаете большое и нужное дело, которое должны ценить и Алтай и вся наша страна. Очень возможно, что мне удастся посмотреть «Чейнеш» в августе: в первых числах августа я приеду в Москву из экскурсии. Если постановка будет только 1-го августа, то я ее посмотреть не смогу, но Вас, наверно, застану в Москве. Мой товарищ, студент нашего факультета, будет работать на выставке экскурсоводом. Я ему скажу, чтобы с максимальным вниманием смотрел «Чейнеш» и рассказал мне свои впечатления.

В этот раз я еду в экскурсию на Кавказ. В западном Кавказе есть маленькое черкесское племя шапсуги. До революции это был один из наиболее отсталых народов нашей страны, у него сохранилось еще много родовых пережитков. Группа в 8 человек студентов, изучающих Кавказ на нашем историческом факультете, поедет в эту экскурсию с задачей: собирать материал о пережитках древних верований у шапсугов. Меня профком назначил начальником экскурсии. Работать мы будем под руководством специалиста, хорошо знающего Кавказ и его народы[1]. Интересно будет!

Моя учеба в этом году идет успешно. В семинаре по истории Кавказской войны и борьбы горцев Кавказа против русского гнета под руководством Шамиля я делала доклад о Хаджи-Мурате, наибе (т. е. помощнике) Шамиля. Доклад вышел удачный. Преподаватель[2] его одобрил и велел дать на конкурс студенческих докладов. Экзамены в этом году все сдавала на «отлично». Остается один, который сдам в конце июня. Затем уеду новые места смотреть.

В Москве установилась жаркая погода. А у студентов самое жаркое время — заниматься надо много!

Отец мой послезавтра уже поедет на отдых в санаторий. Ну, а мы еще поработаем. Отец, мать и Коля — все очень рады Вашему успеху, поздравляют Вас. В августе они, может быть, все будут в отъезде, но возможно, что отец и будет в Москве. Вы обязательно к нам приходите. А я рассчитываю числа 5—7 августа приехать.

На этом я кончаю. Значит, осенью увидимся. Эх, интересная же будет сельскохозяйственная выставка, сколько разных художественных коллективов съедется с разных концов страны!

С приветом

Е. Чистякова

[1] Экспедицией руководил профессор С. А. Токарев. По материалам экспедиции Е. И. Чистякова опубликовала статью «Религия и бытовое положение женщин у шапсугов» (в сб. «Материалы шапсугской экспедиции 1939 г.», изд-во МГУ, 1940).

[2] С. К. Бушуев.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ П. В. КУЧИЯКА С РОДНЫМИ

1

Кару јакшы адабыс!

28/I чийген письмоорды 7/II числодо алдыбыс. Солун табыш келгенине сүүндибис.

Слердиң ийген акчаарды алдыбыс. Биске курсак тойу ла болзо, кайдар ол! Бу јуукта Новосибирденг радиоло Слердиң «Арбачыны» орус тилле передавать эткен. Музыкальный оформлениези сүрекей болды. Арбачыныңг комудаганы тужында кижи кожо ыйлагадый эмтир. (Скрипкала, оноң до öскö неме). Ойрот-Тура алтай тилле «Темир атты» передавать эткен.

Новосибир передавать эдерде, «Сибирские огни» деп бичикте база Слердиң кандый да произведениегер печатать эдилер деп јарлады. Ойроттың молодой писатели деп мактажып турат. Јаандар Слер керегинде јаман неме айдышпайт ла.

Јанарга меңдебегер! Биске курсак ла тойу болзо, болор эмейзе!

Јакшы болзын, кöдүребис окшоп јадыбыс!

Төрöгöндöрдöң эзен!

7/VII—36
г. Ойрот-Тура

Кучияк балдары

Ада, фотоматериал кереги канайып туру? Неме-эш көрўнет пе, јок по? Бар болзо, канайда да болзо, табыштыраар.

Привет Зарудину!

Слердиң уулаар Иван

2

Голицыно, 4/III—36 г.

Кару јакшы Нюрам,

эрке јакшы балдарым!

Мен слерден письмо сакып, буурым көжўй берди. Оной-дордо, слердиң кандый јатканаарды билерге туйук неме боло берди. Мен слерге Голицыного келген соондо ўч письмо чийдим, эки посылка ийгем, боо јетире бир де каруу јок, айса, слердиң чийген письмо јылыйып турганнаң маат јок. Оной-дордо, мен слерди алдындагы адресле: Н. Н. Зарудин ол эмезе В. Як. Зазубрин ажыра чийеер деп сурап турум. Јолдо јылыйып турган болор.

Мен эм тургуза јакшы јўрўм, ижимди иштеп, кабортолой тыштанып јадым. Бир рассказ чийеле, орус тилге бойым көчўрип јадым, удабас божодорым, Зазубрин редактировать эдип јазаар болды.

Мында, байла, база бир ай јадар болорым; јас чала башталарга јаткан немедий эмтир. Рассказты орус тилге көчўрип божогон соондо чөрчөк көчўрерим. Јазап алган эки чөрчөгим бар: «Кара-Маас», «Темир-Санаа»...

База айдар да сөзим јок, божой берди. Эмди пьесамды јазап көрөйин — «Ырысту јўрўм», Ойрот-Турада чийген пьесам.

Эмди мее чийеер: театрда ойынды көрўп тураар ба? Алтай артисттерди эмди јууп јадылар ба? Радиодо кем председатель болуп иштеп јат? Јабык кезер кайда иштеп јат? Кыстан сыйным кандый јўрў, угулат па? Куйумдар, чопоштор кандый јады, угулат па?..

Ким кўлўк канайда өзўп јат, кемди төзөгөн уул болды: энезин бе, айла мени бе, айла өскө бө? Көзи јаан ба, јылчык па — чийеер.

Окшоп турум ончоорды

адаар

3

Голицыно, 1/V—36 г.

Кару эжим Нюра!

Бүгүн 1-кы Майда изү јалбышту эзенимди станция Голицынодоң ак чаазынга јапшырып, атандырып јадым, алты баланың энези болгон бойыңды эки јаагыңды элип-селип окшоп турум!

Мен эмди тургуза јакшы јадырым, оору-јобол јок. Москвада народный творчество деп театр бар, ол театрда 8 конокко выступать эттим, Москваның улустарын кайкаттым, мениле кожо болгон артисттерди ончозын јеңгедим, үч газетке кирдим: «Правда» газетке 24 апрельде 1936 ј., № 114 (6720); «Советское искусство» газетке 23 апрельде 1936, № 19(305); «Известия» газетке 23 апрельде 1936, № 96(5953). Оның кийнинде радиоло база ойнодым. Эмди үч майда Москвада НКВД-ниң клубына кычыргандар, ондо выступать эдерим, јаан улустың алдына ойнойтон турум.

Майдың 20 күнине јетире Голицынодо јадарым, оның кийнинде Москвада Зазубринге барарым.

Москвага келеле, иштеген ижим ончозы јарады, ол база јаан достижение болды; бир рассказ, эки кожоң, эки чөрчөк журнал «Колхозникте» печатать эдилер, оны ажыра Кучияк уулы Ийт-Кулакты билер улустар база көп болор. Мен бу письмоны чийип отурарымда, майдың демонстрациязында мениң үстүмче үч јүс кирелү аэропландар учуп өтти, оның канаттарының табыжы јер ле теңерииң ортозына бадышпай тургандый, күүлеп узакка тура калды.

Мен Москвага барбай салгам, нениң учун дезе бир канча күннің туркунына театрга катандаарга, Москваның кату јолына бут сыстаган, оның учун бүгүн барбааным ол болды. Оо үзеери, кийим база коомой, костюм бу өйгө јетире алгалагым, акчаа база ачынып, кезикте эриккенде КУТВ-тың студенттериле соот эдип таштажып ийедим, ол туштa костюм аларга чеберлеп јууган акчам јоголо берет. Театрда артист болуп ойноорымда, специальный костюм театрдаң кийетем.

Башкарунын, партияның газедине киргеним, ол газетти канча миллиондор кычырганы, мениң ады-јолымды оноң улам билгени — оо мен сүрекей сүүнип турум.

Бойымның чийген бичигимди бойым орустап көчүрерге үренип алдым, эмди переводчик керегинде улуска јалынбазым.

Баштапкы майла ончоорды поздравлять эдип, ончоорды окшоп турум.

Кару Нюрам, сени бек окшоп турум.

Сениң Павылың

4

Кару балдарым!

Мен јакшы јадырым! Пьесаны черновойго божодо чийип браадым. Оныҥ кийнинде беловойго чийерим, 5 картиналу болды.

...Мен выходной кўндерде јанарга (тургам), ойто келетени сўрекей кўч болуп јат, машина јок. Оныҥ учун пьеса ла Коптеловтыҥ романын ўзе кочўрбеенче јанбаска сананып алдым.

Конкурска кирижерге керек болуп јат. Калганчы да премияны... алза, керек, је премия албаза да, пьесаны колхоз клубтарында тургузарга јаратса, ол до керек.

Ончогорды окшоп турум

Кучияк

23/II—37
Манжерок

5

Јакшылу кўнде чийген
письмом

Ончо төрөгөндөргө!!!

Слердиҥ чийген письмогорды алдым, амыр-энчўлереерди уктым. Амыр јатканыныҥ артык неме јок! Ваня кўйўге, Васса јурчыма, Кыстан сыйныма — ончоорго тай ат кодўрбегедий, тар эжиктеҥ батпагадый эзен айттырып турум.

Поля кару кызымды окшоп турум, оныҥ письмозын кычыргамда, оныҥ изў тыныжы јаба согуп тургандый.

Мен Новосибирде јакшы јўрдим. Ойто Барнаулга кече келдим. Эмди мында кезек ойгө јаткадый квартира табала, јаан договорды бўдўрер турум. Оныҥ кийнинде Ойротко јанарым.

Мениҥ акчам Новосибирдеҥ мени ээчий бўгўн једип келди, айдарда, слердиҥ де акча эки-ўч коноктоҥ једер болор. Тембрекке письмоны башка чийерим. Мен бойым эки айга курсактаҥ алдырбазым, акча меге ийбегер. Мен Гарфка Новосибирдеҥ письмо чийгем, 450 салковой акча ийгем. Ол акчаны ойто ийерим деп меге бичиди. Анна Максимовнага телеграфла ийерим деп айдат. Айдарда, ол акча келзе, слер курсак-кийимге јединер эдигер. Мараттыҥ пиджагына брюканы Барнаулдаҥ бедреп көрөр турум. Поля кызыма ёдўкти тапсам ла, ийерим, садып алгадый акчам бар.

Эмди ончоорды окшоп турум. Ончоорго эзен айдып турум.

Мени, амыр́ болзо, майга сакыгар. Менинг «Чейнежим» Москвадаң јангалак[1].

Кару Нюрамды тоозы јок окшоп турум.

Слердиң Павылаав

16/III—38
Барнаул

---

[1] Из Москвы Кучияк ждал отзыв на свою пьесу «Чейнеш» для постановки в театре.

6

Кару Нюрам!

Мен эмди тургуза амыр-энчӱ јӱрӱм. Докладты 28/I—39 айттым. Јарадып уктылар. Менің докладым[1] аайынча Ыжы бажында көс јок Мыклай Улагашевти Верховный Советтиң Президиумы «Знак Почета» орденле ангылады.

Мени, Мыклайды сакып алзын деп, божотпой салды. Мен 10/II—39 јанарга билетти садып алгамда, ойто саттырып ийдилер. Мыклай керегинде бир статья А. Гарфла чийдим, бир художественный очерк Н. Добычинле чийдим[2]. Эмди арткан кӱндерди база тегин божотпой, оок чӧрчӧк, куучын чийер (деп) шӱӱп отурым. Улагашев 16/II—39 Москвага келбезе, 17/II—39 Москвадаң чыгарым.

Менің шылтуумда көс јок 78 јашту Мыклай награда алды. Мен бойым алганымнаң артык сӱӱнип турум. Эмди чӧрчӧкти эмеш кичеер болор бо?

«Чейнеш» ойроттың театрына тургузарга јараар деп отзывты алдым.

Артык чийер неме јок. Ончоорды окшоп турум. Коля, Марат уулдарымды, Чечек јараш кызымды, эки карган бабушкаларды, Мария эјебисти.

Сени, эрке Нюрам, окшоп турум!

Сенің Павылың

10/II—39
Москва

---

[1] Имеется в виду выступление П. В. Кучияка и А. Л. Коптелова на секции фольклора СП СССР.

[2] В переводе Н. Е. Добычина в ж. «Народное творчество» (1939, № 2) опубликован очерк Кучияка «Певец Ойротии».

7

14 январь 1940

Улгерчи, кару таайыма Павелге јакшылыкту кӱӱним!

Албаты-јон мени јурт бойының кол кӱчтӱлердиң Советине депутат эдип тудуп алды. Баштапкы сессия мени јурт

Советтиң качызы эдип јөптөди. Эм тура керектерди алгам јок, 15 декабрьда аларым.

Мен сүрекей ырысту кижи эмтирим. Павел таайымныҥ јакшы иштерин, ӱлгер бичиктерин кычырып, сӱӱнип отурадым. Өлбөй артып, таайымныҥ «Чейнежин» көргөм, бичиктерин кычыргам. Бу јаан ырыс! Ол јаҥыс ла меге тузалу эмес, бастыра албатыга, бастыра јашөскӱримге.

Слер театрдаҥ чыгып, литературный ишке көчөр деген шӱӱлтегерди сүреен јарадып, уткып турум.

Слердиҥ бери келер бош, байла, јок болор деп шӱӱнип турум.

Уулдар, кыстар азыраган Нюра јеҥебиске, ӱлгерчи таайыма, бастыра таайларыма, эки бабушкага эзен айттырып турубыс!

Мен *Васька Моможоков* (Куйумнаҥ)

8

17/X—41 г.

Милая Полина!

Посылаю тебе отцовский горячий привет!

Мы пока живем хорошо. Все живы и здоровы. Марат и Роза учатся. Я работал в театре, а теперь пока дома работаю. Дело в том, что меня тоже на днях мобилизовали, но потом почему-то оставили.

Это меня огорчает. Потому что стрелять могу, ходить могу, писать в печати боевые эпизоды тоже могу. 14/X—41 из военкомата шел домой, лицо горело от неловкости. Неужели я хуже своих детей буду защищать свою любимую Родину!

А теперь взялся за одноактную пьесу. Сегодня вот только что закончил в черновом одну пьесу под названием «Новый товарищ»[1].

Одну пьесу театр принял, об этом я тебе писал. Вот все мои новости. Теперь наш наказ вам:

Вернитесь домой с победой над звероподобным фашизмом! Овладевайте военным делом! Будьте достойными сынами и дочерями нашей Великой Родины! Врагу пощады не давать! Быть бдительными бойцами!

Прими, Поленька, от нас горячий и пламенный привет!

Целуют тебя все наши домочадцы.

Целую тебя я — твой папа *П. Кучияк*

---

[1] Условное название пьесы «Два гвардейца».

ПИСЬМА ЗЕМЛЯКОВ

1

Узак Күнчыгыштаң кызыл черүчи Исай Алексеевич Тантыев[1] Слерге эзенин ийип туру!

Удабас бастыра Совет Союзы Октябрьдың Улу күнинің 20 јылын байрамдаар, онойдо ок Ойроттың кол күчтери бойының совет јуртының 15 јылдыгын байрамдаар.

Бис, кызыл черүчилер, бу улу күнге боевой ло политический јанынаң белетенип аларга кичееп, СССР-диң Верховный Соведининг выборына белетенип, оның положениезин үренип турус.

Гран ары јанында фашисттер ач көсторине чыдажып болбой, јуу чагыштырып, канча көл күчиле јаткандардың канын төгүп, јаш балдарды, үй улусты, амыр јаткан јурттарды өртөп, кырып туру. Совет Союзка да тийерге ченежип јат.

Бистиң Кызыл Черү курч, бек, качан да ондый ийттерге јай бербес, кайдаң келер — ондо туй согор.

Је, Павел Васильевич, Слерге мен келер туштa Майма-Чаргычакта туштаганым. Слер мени күндүлегенеерди мен качан да ундыбазым. Колыгарды база катап тың тудуп турум. Слер мениң үредүчим болгоныгар. Эмди де иженип турум: меге болужыгар јетиреригер деп. Мен үренерге санангам, баштаган ижимди таштабазым. Учына јетире албаданарым.

Эм тура үредү башталгалак. Эки ай иштегенис... Эмди мен пулеметный эскадронго келдим. Је бойым иженип турум үренерим деп, је, байла, јакшы үренерим. Мында кижиге айткадый солун неме јок. 1913 јылдың уулдарын бу өйдө божотпой јат. Качан божодор, јарты јок, олорды божодорго бу өйдө сырангай јарабас.

Күс соок боло берди, агаштың бүри төгүлип, јерлер кугарып барды. Удабас кар јаар.

Слерде не солун бар? Сибирский правлениеденг кандый јетирү бар? Мен Гольдбергке письмо чийгем. Удабас Итинге чийейин деп турум. 15 јылдыкка кандый бичиктер чыгып јат, байла, Слер јакшы билер болороор. Письмодоң чийип тураар. Мен каруун сакыырым. Менең бастыра балдарга эзең айдаар.

Тантыев

18/X—37

---

[1] Тантыев Исай Алексеевич — алтайский поэт. В 30-е годы его стихи печатались в областных газетах «Кызыл Ойрот», «Ойроттың комсомолы», «Крестьян газеди», «Белен бол». Наиболее известные стихи его «Красная Армия — армия героев», «Стальной маршал», «Буденному»,

«Кукушка», «Песня молодежи». Погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны.

В письме он называет П. В. Кучияка своим учителем, пишет о своем желании учиться, о переписке с сибирскими писателями И. Гольдбергом, В. Итиным.

2

Јакшылыкту кӱнде бичиген письмо, јакшылу јӱрген нӧкӧр Павел Васильевич, Слерге эзен-амырымды бичип, јалбышту привет ийип јадырым. Слердиҥ јерде солун-собур не бар, албаты-јон кандый јадыры? Аш-тус кандый бӱтти? Слер эмди кайда иштеп јадыгар? Бала-баркагар ончозы эзен-амыр, јакшы јӱрӱлер бе? Ондо «Кызыл Ойротто» — Кочеевке, өскӧлӧриҥе де эзен айдыгар. Мен јакшы јӱрӱм, солун неме јок. Белетенип турум. Мениҥ јуучыл крещение кирер ӧйим јуктап келедири. Мен атту черӱде, адым јӱгӱрӱк, мылтыгым чечен, ӱлдӱм курч, бойым ийде-кӱчтӱ, су-кадык. Је јакшы болзын, эзен јӱрзебис, јолугыжарыс. Письмо бичигер.

И. Шодоев[1]

23/VIII—41

[1] Шодоев Иван Васильевич — ныне член ССП, автор повестей и романов («Ирбизек», «Трудные годы», «Первые шаги»).

В письме он пишет: «Приближается час моего боевого крещения. Служу в кавалерии, конь мой резвый, ружье меткое, сабля острая, сам я сильный и крепкий...»

3

Здравствуй, многоуважаемый наш поэт Павел Васильевич Кучияк! Мы, красноармейцы и командиры — сыны алтайского народа, борющиеся за счастливую Родину, шлем пламенный боевой привет, желаем Вам здоровья, своей поэзией помогайте нам громить озверелого врага, людоеда Гитлера. Поздравляем Вас с приближающимся праздником — XX годовщиной социалистической Ойротии. Просим записать в историю освободительной, справедливой Отечественной войны советского народа (имена) лучших сынов Алтая.

Баштапкызында ла сурап турум алтай уулдардыҥ ортозынаҥ эҥ ле артык тартышкандарды: 1) Телеков Алексей — эскадронныҥ комсомольский организациянныҥ секретари, ст. сержант, геройский тартышта 17-чи сентябрьда Семеновкада, Украинада, 12 частыҥ туркунына тартыжала, ӧлди (окло аттырала). Улаганныҥ уулы.

2. Саксаев Вас. Пулеметчик, геройский тартышта бойыныҥ пулемедыла кӧп фашисттерди ӧлтӱрген. Ол наградага представить эдилген, је ол ӧлтӱрткен. Улаганнаҥ.

3. Кокышев Вас. Конст. Эскадроннын политругы болгон, ол бойынын уулдарын геройски тартышка бойы баштап, примерин көргүскен. Шыркалаткан.

4. Тантыев Исай. Политруктын заместители, ол геройски јуулажып, фашисттерди јок эдип јат. Ол эзен-амыр, тартышта.

5. Елфимов Кирилл Ив. Политруктын заместители болгон, эмди эскадроннын политругы, баалуладала, јазылган. (Эмди) комиссардын курсында үренип јат.

Мен бойым сурап турум, бу улус керегинде үлгерлик чийеер, бистин адыбысты Ойрот. авт. обл. колкүчиле јаткандар билзиндер. Бис мынан да ары геройски тартыжарыс! Слер мыны бүдүрер болороор деп, иженип турум.

Эзен болзын. Письмонын каруузын чийеер.

Елфимов Кирилл Иванович[1]

17/IV—42

---

[1] Автор письма — Елфимов Кирилл Иванович, лейтенант Советской Армии. В 1944 году после тяжелого ранения вернулся в свой родной Улаганский район, работал секретарем райкома партии. В письме он сообщает о подвигах своих земляков: о секретаре комсомольской организации эскадрона Телекове Алексее, который погиб, на протяжении 12 часов отражая вместе с другими бойцами натиск врага; о награжденном посмертно пулеметчике Саксаеве Василии; о ранении политрука эскадрона Кокышева Вас. Конст., который своим бесстрашным примером поднял бойцов в атаку; о том, что Исай Тантыев «жив-здоров, в боях». О себе автор пишет, что был ранен, а сейчас находится на курсах политруков.

В конце письма карандашом, рукой Кучияка написано: «Ответил 29/V—42 г.»

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5

ВОСПОМИНАНИЯ

Ф. Вайскопф. «Zukunft im Rohbau» . . 13
А. Веддинг. Наш гид Адыйок . . . 37
А. Коптелов. Мой друг 38
И. Катаев. Искусство социалистического народа 43
М. Терентьева. Дружба 46
А. Гарф. Ийт-Кулак — Собачье Ухо . . 52
Е. Дружинина. На всю жизнь . . . 71
И. Забродин. Талантливые сыны Алтая 76
И. Шульгина. В театре 79
А. Алтарыкова. «Чейнеш» 84

ДНЕВНИКИ 89

Примечания к дневникам 122

ПИСЬМА

Письма П. В. Кучияка А. Л. Коптелову . . 126
Письма А. Л. Коптелова П. В. Кучияку и его родным 141
Письма П. В. Кучияка А. Л. Гарф . . 149
Письма В. Н. Непомнящих П. В. Кучияку . 175
Письма С. Е. Кожевникова П. В. Кучияку . 178
Н. Е. Добычин — П. В. Кучияку . . . 182
Н. А. Алексеев — П. В. Кучияку . . . 182
В. А. Вихлянцев — П. В. Кучияку . . . 183
Г. П. Павлов — П. В. Кучияку . . . 184
А. Е. Сотников — П. В. Кучияку . . 184
Письма П. В. Кучияка Е. И. Чистяковой (Дружининой) 185
Письма Е. И. Чистяковой (Дружининой) П. В. Кучияку 197
Из переписки П. В. Кучияка с родными . 206
Письма земляков 212

ПАВЕЛ КУЧИЯК

ВОСПОМИНАНИЯ. ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА

Редактор Н. П. Кучияк
Художественный редактор В. И. Ортонулова
Технический редактор М. Г. Шелепова

Сдано в набор 5/II 1979 г. Подписано в печать 30/X 1979 г. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. п. л. 13,5. Уч-изд. л. 12,65. Тираж 2000 экз. Заказ 3112. Цена 95 коп. АН 11869.

Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, г. Горно-Алтайск, ул. Горно-Алтайская, 36. Горно-Алтайская типография, пр. Коммунистический, 27.

95 коп.

ГОРНО-АЛТАЙСК - 1979